

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

На правах рукописи

Савенкова Анна Дмитриевна

**ОБРАЗ РОССИИ В АНГЛИЙСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ 20–40-х гг.
XX в.: К ПРОБЛЕМЕ КРОСС-КУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ
(Г. Дж. УЭЛЛС, У.С. МОЭМ, Дж. Б. ПРИСТЛИ)**

Специальность 10.01.03 – литература народов стран зарубежья
(английская литература)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Полуяхтова Инна Константиновна

Нижний Новгород – 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. Россия – Англия: проблема кросс-культурных коммуникаций в имагологическом и историко-культурном освещении	19
1.1 Понятие кросс-культурной коммуникации в современном гуманитарном знании	19
1.2 Имагология как исследование инациональных стереотипов.....	34
1.3. Кросс-культурные коммуникации Англии и России в историко- культурном освещении	45
ГЛАВА II. Образ послереволюционной России в английской публицистике 20-х гг. XX в. в аспекте кросс-культурных коммуникаций Англии и России	56
2.1. Образ коммунистической России в публицистических произведениях Г. Дж. Уэллса.....	56
2.2. Россия и русские в свете революционных событий 1917 года в книге У.С. Моэма «Записные книжки писателя».....	96
ГЛАВА III. Образ страны в советский и постсоветский периоды в публицистике Великобритании второй половины XX века.....	137
3.1. Послевоенная страна в очерках Дж.Б. Пристли.....	137
3.2. Публицистика Великобритании о постсоветской России.....	167
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	182
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	189

ВВЕДЕНИЕ

Образ России и русских вот уже на протяжении более чем тысячелетней истории является одной из самых притягательных тем в культуре и литературе Западной Европы. Загадку России, начиная с XVI века, в котором берет начало «открытие» нашей страны для Англии, также разгадывали писатели и публицисты.

В XX веке контакты между двумя странами и двумя культурами значительно расширились и приобрели качественно новое измерение. Немаловажную роль в этом сыграли писатели и публицисты, определяя основные точки взаимоотталкивания и взаимопритяжения английской и русской культуры, формируя ключевые стереотипы восприятия.

Английская литература создала и в течение длительного времени эксплуатировала мифологизированный образ России и ее народа. История британско-русских литературных и культурных связей характеризуется зависимостью оценок в литературно-документальных текстах от политической ситуации. Художественная литература и публицистика играют большую опосредующую роль в создании имиджа народа и страны, выступая как канал художественной коммуникации, знакомящий свой народ с другим народом, при этом создаваемые образы часто несут в себе идеологическую составляющую, которая нередко преобладает над культурной и этнографической. Особенно характерна эта ситуация для английской литературы и публицистики XX в. В этой связи представляется продуктивным использовать научный аппарат теории кросс-культурной коммуникации, под которой в широком смысле термина следует понимать разные модусы общения между представителями различных человеческих культур, при исследовании конкретных произведений.

Необходимость выявить истоки своеобразия в трактовке образа России и русских, отраженной в английской литературе и публицистике XX в., предопределила **выбор темы настоящего исследования.**

Актуальность исследования состоит в научной значимости проблемы англо-русских кросс-культурных коммуникаций в литературной и культурной традиции Великобритании. Также актуальным является использование в работе для решения задач, поставленных в исследовании, новейших междисциплинарных методов имагологии и теории кросс-культурной коммуникации в многообразных аспектах отражения образа Другого, стереотипов России и русских в англоязычной публицистике 20-40-х гг. XX века.

Период, рассматриваемый в работе, является важным потому, что он связан с восприятием двух крупнейших исторических событий, имеющих значительные последствия не только для России, но и для стран Европы и всего мира (это Октябрьская социалистическая революция 1917 года в России и Вторая мировая война).

Изучая развитие кросс-коммуникаций России и Англии, необходимо учитывать роль общественного мнения, тот образ русской действительности, который складывался в английском обществе на протяжении XX века, нашедший своё отражение в публицистике наиболее видных представителей английской писательской среды: Г. Дж. Уэллса, У.С. Моэма и Дж.Б. Пристли, творчество которых во многом заложило определенные традиции в интерпретации России писателями и публицистами последующих периодов.

Объектом исследования является образ России и русских в английской публицистике XX в. Непосредственным **предметом исследования** являются гетеростереотипы в восприятии России и русских, отраженные в публицистических произведениях о России Г. Дж. Уэллса, У. С. Моэма и Дж.Б. Пристли.

Герберт Джордж Уэллс – выдающийся английский романист, новеллист, журналист, историк, социальный реформатор, отечественный широкий читатель его знает, прежде всего, как писателя-фантаста. В его творческом наследии есть работы и о России, которые он написал после посещения страны. Это книга «Россия во мгле» («Russia in the Shadows», 1920) и «Беседа тов. Сталина с английским писателем Г. Уэллсом» (1934).

Уильям Сомерсет Моэм известен как один из самых успешных английских писателей XX в. В 1949 году в свет выходят его «Записные книжки писателя» («A Writer's Notebook»), состоящие из 15 тетрадей. Время действия всего произведения – с 1892 по 1949. Место действия – родная Англия, не менее родная для автора Франция и любимый им Дальний Восток, а также Малайзия и Америка, Гавайи и Транссибирская магистраль. Русской теме в «Записных книжках» посвящены страницы 1917 года, в которых имеется подробный отчет о поездке писателя, в те годы бывшего агентом английской разведки, прибывшего с тайным заданием в Россию летом 1917 г.

Джон Бойнтон Пристли – один из самых известных современных английских писателей, автор более 15 романов и около 40 пьес. При этом многие исследователи считают, что основной вклад в историю английской и мировой литературы Пристли внес как эссеист, автор более двадцати пяти сборников очерков и эссе. Тема России в его творчестве связана со сборником путевых заметок «Поездка в Россию» («Russian journey»), вышедшем в 1946 г.

Цель исследования – выявить особенности формирования образа России и русских в английской публицистике 20-40-х гг. XX в. на основе сопоставительного анализа книги Г.Дж. Уэллса «Россия во мгле» («Russia in the Shadows») и «Беседы тов. Сталина с английским писателем Г. Уэллсом» (1934), У.С. Моэма «Записные книжки писателя» («A Writer's Notebook») и Дж.Б. Пристли «Поездка в Россию» («Russian journey») с

использованием методологии современной имагологии и понятийного аппарата теории кросс-культурной коммуникации.

Поставленная цель предполагает решение следующих конкретных **задач исследования**:

1) охарактеризовать научный аппарат, определить основные термины и понятия теории кросс-культурной коммуникации в современном гуманитарном знании;

2) выявить основные теоретические принципы современной имагологии и на этой основе раскрыть теоретические основы анализа образа России в английской литературе и культуре в современной научной парадигме отечественных и зарубежных имагологических исследований;

3) дать общую характеристику кросс-культурной коммуникации Англии и России в историко-культурном освещении;

4) проанализировать образ послереволюционной России и русских в книге Г. Дж. Уэллса «Россия во мгле» и «Беседе тов. Сталина с английским писателем Г. Уэллсом» (1934);

5) охарактеризовать образ России и русских того же периода в произведении У.С. Моэма «Записные книжки писателя»;

6) раскрыть образ Советской России и русских послевоенного периода в произведении Дж. Б. Пристли «Поездка в Россию»;

8) рассмотреть публицистику Великобритании второй половины XX века с точки зрения сохранения тех стереотипов, которые сложились под влиянием произведений Г. Дж. Уэллса и Дж. Б. Пристли.

Материал исследования. В качестве основного материала исследования использовались оригинальные тексты произведений: *Wells, H.G.* «Russia in the Shadows»; *Maugham, S.W.* «A Writer's Notebook»; *Priestley, J. B.* «Russian journey» – и их русские переводы. Текст «Беседы тов. Сталина с английским писателем Г. Уэллсом».

Кроме этого, для анализа историко-культурного и историко-литературного контекста привлекались публицистические тексты других английских писателей XX в.: Дж. Голсуорси «Русский и англичанин», Дж. Олдриджа «Англичане и Советский союз», С. Таунсенд «Публичные признания женщины средних лет», П. Теру «Будто снова в СССР», П. Акройда «Тайное России-матери» и «Ледяное сердце России», Дж. Димблби «Все для Отчизны».

История изучения вопроса. Творчество Г. Дж. Уэллса в России и за рубежом активно исследуется на протяжении длительного времени, изучение и анализ работ данного автора имеют определенные традиции. В России Г. Дж. Уэллс стал известен с 1898 г. Первые статьи о его творчестве были опубликованы И.В. Шкловским и К.Н. Толстым. В 1900 г. вышла работа З. Венгеровой «Фантастический роман в Англии»¹ (1900).

Г. Дж. Уэллс стал известен в России не только как писатель, но и как общественный деятель, футуролог и социалист-реформатор, критик современного общества и утопист². Отечественные авторы оценивали в качестве источников творчества Г. Дж. Уэллса-утописта Платона, Т. Мора, Т. Кампанеллу, Э. Беллами и У. Морриса. В своих статьях русские авторы начала XX века часто не стремились показать принципиальных отличий Уэллса от его предшественников³.

Уже после 1917 г. выходит не одно собрание сочинений Уэллса⁴. Изображался автор, прежде всего, как «дружественный» по отношению к Советской России писатель. Его фантастические и социально-бытовые

¹ Венгерова, З. Фантастический роман в Англии / З. Венгерова // Ежедневная газета Карелии «Северный курьер», 1900. - №161

² Дионео. Из Англии / Дионео // Русское богатство. – 1902. – № 2-4.

³ См., например: Раппопорт, С.И. По поводу «Новой утопии» / С.И. Раппопорт // «Вестник Европы». – 1906. – №3.

⁴ Уэллс, Г. Дж. Собрание сочинений в 11 т. / под ред. Е.Замятина. / Г Дж. Уэллс. – Л., 1924 – 1926; Уэллс, Г. Дж. Собрание сочинений в 15 т. / Г Дж. Уэллс. – М.: Правда, 1964. (Отметим, что в разных изданиях даются различные варианты написания: Г. Уэллс, Г. Дж. Уэллс, Г. Уэльс.)

романы описаны в работах А.В. Луначарского, С. Динамова и др.¹. Сочувственно, с симпатией пишут о творчестве Г. Дж. Уэллса М. Горький и К. Чуковский², которые хорошо знали писателя лично. Е. Замятин, после встречи с писателем в 1920 г., пишет работы «Герберт Уэллс» (1922) и «Генеалогическое дерево Уэллса» (1922), в них он раскрывает теоретические взгляды писателя на роль научно-технического прогресса, войн и революций в развитии общества³.

В 60-70-е гг. XX в. систематическое изучение жизни и творчества Г. Дж. Уэллса предпринято в работах Ю. Кагарлицкого. Важно, что Ю. Кагарлицкий много писал о том, как творчество Уэллса связано с историческим контекстом⁴. В работе И. М. Левидовой и Б.М. Парчевской описаны переводы Уэллса и критическая литература о данном писателе на русском языке, созданная до 1965 г. Также жизнь и творчество Г. Дж. Уэллса описаны в работах И. М. Левцовой, Л. Успенского, К. Перепелицына и др., в диссертациях А.Ф. Любимовой, И.С. Савельевой, Е.И. Чубуковой и др.⁵.

В начале 2000-х гг. особое внимание уделяется анализу философских и социально-политических взглядов Г. Дж. Уэллса: диссертация И.Б. Кригера «Философия Герберта Уэллса» (2005) и А.Ф. Яковлевой «Политическая теория Г. Дж. Уэллса» (2007)⁶. Однако собственно политические позиции и культурные предпочтения Герберта Уэллса, с точки зрения взгляда на Россию, в их полноте и системности до сих пор не были исследованы ни в отечественном, ни в зарубежном

¹Луначарский, А.В. Статьи о литературе / А.В. Луначарский. – М., 1957; Динамов, С. Герберт Уэллс (Опыт характеристики) / С. Динамов // На литературном посту. – 1927. – № 24; Старцев, А. Ранний Уэллс а. Старцев // Интернациональная литература. – 1935. – № 5.

²Чуковский, К.И. Англия накануне победы. – К.И. Чуковский. – Пг., 1917.

³Замятин, Е.И. Герберт Уэллс / Е.И. Замятин. – Пг., 1922; Замятин, Е.И. Сочинения/ Е.И. Замятин. – М., 1988.

⁴Кагарлицкий, Ю. Вглядываясь в будущее / Ю. Кагарлицкий. – М., 1989.

⁵Любимова, А.Ф. Жанр социально-психологического романа в творчестве Г.Уэллса, 1900-1914 / А.Ф. Любимова. – Пермь, 1985; Савельева, И.С. Социальная философия Г.Дж. Уэллса / И.С. Савельева. – Л., 1985; Чубукова, Е.И. Методология социального познания Г.Уэллса / Е.И. Чубукова. – Л., 1984.

⁶Яковлева, А.Ф. Политическая теория Г. Дж. Уэллса: Автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01 / А.Ф. Яковлева. – М., 2007.

литературоведении, поэтому вопрос о специфике формирования образа России и русских в публицистике Уэллса – в аспекте литературоведческого анализа не поднимался.

Жизненный и творческий путь У.С. Моэма тоже обстоятельно исследовался в зарубежном и отечественном литературоведении. В английском литературоведении наиболее важные труды принадлежат перу Т. Моргана, который создал монографию под названием «Сомерсет Моэм» (русский перевод – 2002)¹, а также Энтони Кертиса (A. Curtis. *The Pattern of Maugham*)². Творчество У. С. Моэма проанализировано в работах И. Браун, Р.Л. Калдер и Дж. Канин³. С. Дж. Рогол создал «Энциклопедию У.С. Моэма» (Rogal, S.J. *A William Somerset Maugham encyclopedia*)⁴, Л. Брандер – «Путеводитель по Моэму» (Brander, L. *Somerset Maugham. A Guide*)⁵.

Отечественное литературоведение также имеет значительные традиции в изучении жизненного и творческого пути У. С. Моэма. Необходимо указать работы Г.В. Аникина «Трагическое в романах С. Моэма» «Луна и грош» и «Раскрашенная вуаль» (1966)⁶, М.А.Гузик «Драматургическое начало в романе С.Моэма «Пирог и пиво» (1991)⁷, Д.В. Жантиевой «Некоторые итоги и точки зрения» (1960)⁸, Т.Д.Козловой «Роман С. Моэма «Театр» (1976)⁹, В. Скороденко «Писатель нашего

¹Морган, Т. Сомерсет Моэм. Биография / Т. Морган. – М.: Захаров, 2002. – 446 с.

²Curtis, A. *The Pattern of Maugham: A Critical Portrait* / A. Curtis. – London, Hamilton, 1974.

³Brown, I. W. S. *Maugham* / I. Brown. – L., 1970; Calder, R. L. W. S. *Maugham and The Quest For Freedom* / R. L. Calder – L., 1972; Kanin, G. *Remembering Mr. Maugham* / G. Kanin. – N. Y., 1966.

⁴Rogal, S.J. *A William Somerset Maugham encyclopedia* / S.J. Rogal. – L., 1997.

⁵Brander, L. *Somerset Maugham. A Guide* / L. Brander. – Edinburgh–L.: Oliver & Boyd, 1963.

⁶Аникин, Г.В. Трагическое в романах Сомерсета Моэма «Луна и грош» и «Раскрашенная вуаль» / Г.В. Аникин // Уч. зап. / Перм. гос. ун-т. – 1966. – № 145. С.77 – 109.

⁷Гузик, М.А. Драматическое начало в романе Сомерсета Моэма «Пирог и пиво» / М.А. Гузик // Драма и драматургический принцип в прозе. – Л., 1991. – С. 117-124.

⁸Жантиева, Д. Г. Некоторые «итоги» и «точки зрения» (Эстетические взгляды и творческий путь С. Моэма) / Д.Г. Жантиева // Иностранная литература. – 1960. – №2. – С. 185-192.

⁹Козлова, Т.Д. Роман С. Моэма «Театр» / Т.Д. Козлова // Вестник Белорус. ун-та. Сер.4. Филология, журналистика, педагогика, психология. – 1976. – №1. – С. 18 – 21.

времени» (1989)¹, Ф.А. Хутыз «Концепция художественной прозы С. Моэма в контексте основных теорий романа первой половины XX века в Великобритании» (2001)².

У. С. Моэм изучается также в сопоставительном аспекте – работа О.О. Легг «Театральность как тип художественного мировосприятия в английской литературе XIX-XX вв. на примере романов У. Теккерея «Ярмарка тщеславия», О. Уайльда «Портрет Дориана Грея», У. С. Моэма «Театр» (2004)³. Отдельные грани поэтики У. С. Моэма рассматриваются в работах С.В. Поповой «Игра как структурный элемент в романах С. Моэма» (1996)⁴, В.М. Татарина «Проницательный лицедей» (2001)⁵, в диссертации Т.Д. Кирилловой «Творческая личность в романах Моэма» (1985)⁶.

Однако при всем разнообразии исследовательских подходов и тематик «Записные книжки писателя» не были предметом отдельного анализа. Кроме этого, не исследовался в литературоведении и такой аспект «Записных книжек писателя», как «русская тема».

Дж. Б. Пристли как романист и драматург с 30-х гг. XX в. в России обладает популярностью едва ли не большей, чем на родине писателя. Поэтому, наряду с англоязычной научной и критической литературой, посвященной творчеству Пристли, имеется и обширная библиография работ о писателе в отечественной науке и критике.

¹ Скороденко, В.А. Практическая эстетика Уильяма Сомерсета Моэма, или секреты творчества / В.А. Скороденко // У. Сомерсет Моэм. Искусство слова. О себе и других. Литературные очерки и портреты. – М.: Художественная литература, 1989. – С. 3-22.

² Хутыз, Ф.А. Концепция художественной прозы Сомерсета Моэма в контексте основных теорий романа первой половины XX века в Великобритании / Ф.А. Хутыз. – Майкоп, 2001.

³ Легг, О.О. Театральность как тип художественного мировосприятия в английской литературе XIX-XX вв. На примере романов У. Теккерея «Ярмарка тщеславия», О. Уайльда «Портрет Дориана Грея», С. Моэма «Театр»: Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03 / О.О. Легг. – СПб., 2004.

⁴ Попова, С.В. Игра как структурный элемент в романах С. Моэма: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.В. Попова; Казах. гос. нац. ун-т им. Аль-Фараби. – Алматы, 1996.

⁵ Татарин, В.М. Проницательный лицедей / В.М. Татарин // Моэм С. Узорный покров: Роман. Рассказы. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – С. 5–8.

⁶ Кириллова, Т.Д. Творческая личность в романах Сомерсета Моэма: автореф. дис. / Т.Д. Кириллова. – М., 1985.

Среди работ на языке оригинала следует, прежде всего, отметить обстоятельные критико-биографические исследования о Пристли, созданные такими авторами, как Дж. Брэйн, В. Броум и С. Купер¹.

Романы Дж. Б. Пристли изучаются такими отечественными исследователями, как В.В. Ивашева, Н.А. Соловьёва, Н. Анастасьев² и др. Драматургия Пристли рассматривается в работах В. Ворсобина, Н.Я. Дьяконовой, Ю.И. Кагарлицкого, А.С. Шитик³ и др.

В целях данного исследования нас интересует традиция изучения публицистики Пристли. В этой области также имеется ряд интересных работ, в частности, монографическое исследование Л.А. Русиновой⁴, посвященное эссеистике 20-х гг.

Целостный обзор публицистического и эссеистического наследия Пристли дан в статье Е. Гениевой «Музыка человечности» (1988)⁵. Философские аспекты публицистики Дж. Б. Пристли изучаются в работе Т.П. Ершовой⁶. Отражению национальной проблематики в публицистике Пристли посвящена работа С.А. Фадеевой⁷. Есть также ряд исследований,

¹Braine, J. J. B. Priestley / J. Braine; Weidenfeld and Wicolson. – London, 1978; Brome, V. J.B. Priestley / V. Brome. – L.: Hamish Hamilton, 1988; Cooper, S. J.B. Priestley. Portrait of an Author / S. Cooper. – London: Heinemann, 1970.

²Ивашёва, В.В. Джон Бойнтон Пристли / В.В. Ивашева // Английская литература. XX век. М.: Просвещение, 1967; Соловьёва, Н.А. Пристли / Н.А. Соловьёва // Зарубежные писатели. Биобиблиографический словарь. В 2-х ч. – М.: Просвещение; Учебная литература, 1997. – Ч.2; Анастасьев, Н. В защиту жизни (Джон Пристли) / Н. Анастасьев // Пристли Дж. Б. Затемнение в Грэтли. Повести. Рассказы. Пьесы. – М.: Правда, 1988.

³Ворсобин, В. Пристли-драматург / В. Ворсобин // Пристли Дж. Б. Избранное. В 2-х т. – М.: Искусство, 1987. – Т.2. –С. 508 – 549; Дьяконова, Н.Я. Джон Бойнтон Пристли и проблемы английской драматургии / Н.Я. Дьяконова // Вестник ЛГУ. – 1962. – № 8. – Вып. 2. – С. 99-110; Кагарлицкий, Ю.И. Пристли / Ю.И. Кагарлицкий // История западноевропейского театра.– М.: Искусство, 1985. – Т. 7. – С. 232 – 254; Шитик, А.С. Театр Джона Б. Пристли / А.С. Шитик // Учён. зап. Моск. обл. пед. института им. Н.К. Крупской. – М.: МОПИ, 1971., – Т. 256. Зарубежная литература. – Вып. 12. – С. 154-167.

⁴Русинова, Л.А. Эссеистика Дж.Б. Пристли 1920-х годов / Л.А. Русинова; Моск. гос. пед. ин-т им. В.И. Ленина. – М., 1986.

⁵Гениева, Е. Музыка человечности / Е. Гениева // Пристли Дж.Б. Заметки на полях : худож. публицистика. – М.: Прогресс, 1988.

⁶Ершова, Т.П. Философские аспекты публицистики Дж.Б. Пристли (Проблема времени и её трактовка публицистом) /Т.П. Ершова; Деп. рук. Московской ордена Ленина институт инженеров геодезии, аэрофотосъёмки и картографии. – М., 1981.

⁷Фадеева, С.А. Проблема национального в публицистике Д.Б. Пристли / С.А. Фадеева // Проблема национальной идентичности в культуре и образовании России и Запада. – Воронеж, 2000. – Т. 2.

посвященных проблемам языка и стиля эссе Дж.Б. Пристли, в частности, работы Е.М. Диановой, В.Н. Михайловской и Е.Ю. Ильиновой¹.

Однако в научной литературе вообще не исследовалось такое важное публицистическое произведение Дж.Б. Пристли, как «Поездка в Россию».

Таким образом, проблемы формирования образа России в публицистическом творчестве Г. Дж. Уэллса, У. С. Моэма и Дж. Б. Пристли остаются мало изученными. Также остается дискуссионным и требующим научного анализа вопрос о значении публицистики указанных авторов о России в плане кросс-культурной коммуникации Англии и России. Кроме того, в наши дни необходима новая, непредвзятая, независимая от политической и идеологической обстановки того времени оценка восприятия России Г. Дж. Уэллсом, У.С. Моэмом и Дж. Б. Пристли.

Научная новизна исследования заключается во введении в научный оборот нового исследовательского материала, связанного с публицистическими произведениями Г. Дж. Уэллса, У.С. Моэма и Дж. Б. Пристли о России. Также научная новизна состоит в использовании в сопоставительном анализе публицистических произведений указанных писателей современного научного аппарата имагологии и теории кросс-культурной коммуникации.

В XX столетии возникла область сравнительного литературоведения, которая получила название *имагология*. По словам одного из создателей этого научного направления – Н.П. Михальской, имагология изучает «восприятие и воплощение в литературных произведениях представлений

¹Дианова, Е.М. Лексико-синтаксические особенности эссе как жанра публицистического стиля: на примере публицистики Дж.Б. Пристли / Е.М. Дианова // Семантические и стилистические особенности английских слов и словосочетаний. – М.: Наука, 1988; Михайловская, В.Н. Эмоциональность текста (на материале эссе Дж.Б. Пристли) / В.Н. Михайловская // Язык и стиль английского художественного текста. – М.: Наука, 1977; Ильинова, Е.Ю. Стратегия построения текста английского эссе (на материале творчества Дж. Б. Пристли) / Е.Ю. Ильинова // Функциональные и семантические особенности языковых явлений. – Волгоград, 1994.

об иной стране, её народе, особенностях национального характера»¹. Современная имагология формируется благодаря работам П. Лэнгфорда², Дж. Фаулза, Т. Девос и Ж. Дешамп³, Х. Дизеринка, Й. Леерсена и многих других западных учёных⁴.

Развитие отечественной имагологии связано с именами таких ученых, как Н.П. Михальская, Вл. А. Луков, О.Ю. Поляков. Для той области сравнительного литературоведения имеют особое значение фундаментальный труд ученых Института мировой литературы РАН «На переломе: Образ России прошлой и современной в культуре, литературе Европы и Америки (конец XX - начало XXI вв.)» (2001)⁵ и представительный сборник «Имагологические аспекты русской и зарубежных литератур» (Киров, 2012)⁶.

Имагологический научный аппарат применяется в данном исследовании в тесной связи с принципами теории кросс-культурной коммуникации. Понятие «кросс-культурная коммуникация» заняло определенное место в научном терминологическом аппарате в 1954 г., после выхода книги Э. Холла и Д. Трагера «Культура как коммуникация: модель и анализ» (1954)⁷, в ней кросс-культурная коммуникация показана как особая область человеческих отношений. Дж. Кондон и Й. Фати в

¹Михальская, Н.П. Образ России в английской художественной литературе 9-12 вв. / Н.П. Михальская. – М., 1995. – С. 11.

²Langford, P. Englishness Identified: Manners and Character 1650 – 1850 / P. Langford. – Oxford, N.Y., 2000. – P. 12–13

³Devos, T., Comby, L., Deschamps, J-C. Assymetries in judgements of in group and out group variability European Review of Social Psychology / Ed. by W. Stroebe, M. Hewstone. John Wiley and Sons LTD, 1996. – Vol. 7. P. 27-57.

⁴См. наиболее значимые труды, в которых рассматривается имагологическая проблематика: Михальская Н. П. Образ России в английской художественной литературе IX- XIX вв. М., 1995; Михальская Н. П. Россия и Англия: проблемы имагологии. М.; Самара, 2012; Хорев В.А. Польша и поляки глазами русских литераторов. М., 2005; Хорев В. А. Восприятие России и русской литературы польскими писателями. М., 2012; Образ России, русской культуры в мировом контексте / под общ. ред. Е. П. Чернышева. М., 1998; Образ России: Россия и русские в восприятии Запада и Востока / ред. В. Е. Багно (отв. ред.) и др. СПб., 1998.

⁵На переломе. Образ России прошлой и современной в культуре, литературе Европы и Америки (конец XX–начало XXI вв. / отв. ред. В.Б. Земков. – М., 2001.

⁶Имагологические аспекты русской и зарубежных литератур: межвузовский сборник научных трудов / Вят. гос. гуманит. ун-т; отв. ред.: О.Ю. Поляков. – Киров: Радуга-ПРЕСС, 2012.

⁷Trager, G., Hall E. Culture as Communication: A Model and Analysis / G. Trager, E. Hall. – N. Y., 1954.

работе «Введение в межкультурную коммуникацию» (1975)¹ разрабатывали теоретические основы межкультурной коммуникации и стали продолжателями идей Холла и Трагера.

В настоящей работе понятийный аппарат теории кросс-культурной коммуникации применяется для верификации научной и культурной ценности наблюдений Г. Дж. Уэллса, У.С. Моэма и Дж. Б. Пристли над Россией и специфики сформированных в их публицистике гетеростереотипов России и русских.

Теоретическая значимость исследования заключается в разработке исследовательской модели сопоставительного историко-литературного анализа текстов английской публицистики 20 - 40-х гг. XX в. с использованием методов имагологии и теории кросс-культурной коммуникации.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее основные результаты могут быть использованы в вузовском преподавании истории английской литературы XX в., истории западноевропейской публицистики, а также в специальных курсах по истории и современному состоянию англо-русских культурных и литературных связей. Результаты работы также представляют интерес с точки зрения синтеза наук и могут быть использованы в междисциплинарных исследованиях.

Методологической основой исследования являются принципы современной зарубежной и отечественной имагологии, сформулированные в трудах Х. Дизеринка, Й. Леерсена, Н.П. Михальской, Вл.А. Лукова, О.Ю.Полякова; работы по англистике М.П. Алексева, Д.Г. Жантиевой, И.В. Кабановой, Л.Ф.Хабибуллиной, Т.Н. Красавченко, идеи диалога культур Ю Хабермаса, Н. Лумана, М.М.Бахтина, Ю.М. Лотмана, В.С. Библера; основы современной теории кросс-культурной коммуникации,

¹Condon, J., Fathi, Y. An Introduction to Intercultural Communication / J.,Condon, Y. Fathi, – N. Y., 1975.

изложенные в работах Э. Холла и Д. Трагера, Э. Хирша, Дж. Кондона и Й. Фати, И.В. Наместниковой.

Методы исследования. В работе использовались историко-литературный и сравнительно-исторический методы с элементами биографического метода, принципы имагологического анализа текста и основы теории кросс-культурной коммуникации.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Исследование образа России в публицистике Великобритании 1920-40-х годов в историческом контексте связано с катастрофическими последствиями конфронтации наций и государств в двух мировых войнах. В этой связи особый смысл имеет обращение к теории кросс-культурной коммуникации, разработанной международным гуманитарным знанием именно как исследование возможностей диалога культур, их взаимообогащающего взаимодействия. Достоверность имагологического изучения образа «чужой» страны подтверждается кросс-культурной коммуникативной методологией, исследованием межкультурной компетенции авторов, типов коммуникации, типов культур.

2. Значение образа советской страны, созданного Г. Дж. Уэллсом, для кросс-культурного взаимодействия Великобритании и Советского Союза в 20-40-е годы определяется высоким уровнем профессиональной компетентности этого писателя, раскрывшего в своих произведениях социальные проблемы современности, обнаружившего дар научного и социального предвидения. Укорененность взглядов Г. Дж. Уэллса в актуальной для Великобритании социалистической традиции предопределили его интерес к России, в которой была осуществлена первая в истории человечества социалистическая революция, позволили воспринять ее с «положительной точки зрения» и представить в своих очерках образ страны, совершающей одно из самых значимых общественных переустройств современности. Созданный им

гетеростереотип советской России был значимой частью общественного сознания Великобритании вплоть до Второй мировой войны и первого послевоенного десятилетия.

3. Образ России, созданный У.С. Моэмом, представляет интерес с точки зрения «литературоцентризма» в изображении русской жизни, то есть взгляда на русскую действительность, в значительной степени порожденного контекста образов и идей русской литературы, в той мере, в какой они были осмыслены писателем. Однако уже признанные английской интеллигенцией достоинства русской культуры: высокая духовность, склонность к милосердию и состраданию, любовь к чтению и знание своей литературы – он объявляет недостатками, порожденными общей незрелостью русской культуры и недостаточной цивилизованностью русских. В целом, У.С. Моэм повторяет уже существующие негативные стереотипы, вносит свой вклад в тенденциозное и одностороннее их воспроизведение, обнаруживает стремление развенчать «моду на все русское».

4. После Второй мировой войны формируется новый тип кросс-культурных отношений Англии и России, линию Г.Дж. Уэллса продолжает публицистика Дж. Б. Пристли, в которой развивается и совершенствуется идея открытого и доброжелательного «диалога культур» между народами и устраняются присущие творчеству Г. Дж. Уэллса элементы неравноправной оценки русской культуры как более низкой по уровню развития с позиции более высокой европейской культуры.

5. Сопоставление указанных произведений приводит к выводу, что позиция Г.Дж. Уэллса, развитая и усовершенствованная в творчестве Дж. Б. Пристли, с точки зрения перспектив развития англо-русских кросс-культурных коммуникаций представляется более взвешенной и конструктивной, потому что подчинена задаче налаживания подлинного

диалога культур и установлению взаимопонимания между двумя культурами.

6. Однако на рубеже XX-XXI веков публицистика Великобритании, по сути, возвращается к гетеростереотипам, складывающимся в период с XVI по начало XIX века. Эти прочно усвоенные национальным сознанием клише в какой-то степени дополняются впечатлениями от русской классической литературы при том, что современное восприятие этой литературы основано не столько на непосредственном чтении, сколько на готовых клише, созданных предшественниками. Поэтому большинство наблюдений остаются вполне поверхностными и никак не способствующими полноценной кросс-культурной коммуникации. К началу XXI века в определенной степени теряется тенденция к кросс-культурному диалогу, заложенная в публицистике начала двадцатого столетия и сохранившая свой импульс до 1980-х годов, в том числе за счет ярких работ таких крупных представителей английской литературы, как Дж. Б. Пристли и Дж. Олдридж. Позднее интерес к постсоветской России парадоксальным образом приводит к возрождению более ранних и упрощенных до уровня клише массовой культуры стереотипов ее восприятия.

Апробация исследования. Работа прошла апробацию на международных и российских научных конференциях: VI Международная научно-практическая конференция «Современная филология: теория и практика» (Москва, 2011); Межвузовская научно-практическая конференция «Русско-зарубежные литературные связи» (Нижний Новгород, 2012); Международная научно-практическая конференция «Историко-функциональное изучение литературы и публицистики: истоки, современность, перспективы» (Ставрополь, 2012); Нижегородская региональная учебно-методическая конференция «Проблемы трансфера гуманитарных знаний: итоги «года российской

истории»» (Нижний Новгород, 2013); Форум молодых ученых (Нижний Новгород, 2013); Сессия молодых ученых под эгидой Минобразования Нижегородской области (Нижний Новгород, 2013). Исследование обсуждалось на заседании кафедры зарубежной литературы ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

Структура исследования. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка. Общий объем исследования составляет 213 с.

Библиографический список включает в себя списки источников текстового материала, мемуарной, публицистической и художественной литературы, научной и учебно-методической литературы, электронных источников и содержит 265 наименований (из них 51 – на английском языке).

ГЛАВА I. Россия – Англия: проблема кросс-культурных коммуникаций в имагологическом и историко-культурном освещении

1.1 Понятие кросс-культурной коммуникации в современном гуманитарном знании

Во второй половине XX в. современные международные отношения вышли на качественно новый уровень, ориентированный на максимальную интеграцию. Разные народы, разные страны осознали себя через призму принадлежности к единому мировому пространству, что соответствовало оптимистичным ожиданиям послевоенного мира. Это обусловило необходимость достичь максимального взаимопонимания между представителями различных культур. Указанные факторы привели к возникновению **теории кросс-культурной**, или, иначе, **межкультурной коммуникации**.

Научное понятие *кросс-культурной коммуникации* входит в научный обиход благодаря книге Э. Холла и Д. Трагера «Культура как коммуникация: модель и анализ» (1954). Авторы рассматривают кросс-культурную коммуникацию в качестве «особой области человеческих отношений»¹. Позднее, в исследовании «Немой язык» (1959)² Э.Т. Холл усиливает мысль о взаимозависимости культуры и коммуникации; кроме того, проблема кросс-культурной коммуникации из узкоспециализированной области научно-гуманитарных исследований проходит стадию «популяризации» и выводится на уровень специальной образовательной дисциплины. Дальнейшая разработка основ теории

¹Trager, G., Hall E. Culture as Communication: A Model and Analysis / G. Trager, E. Hall. – N. Y. 1954. –

² Hall, E.T. The Silent language/ E.T. Hall. – New York: Doubleday, 1959.

межкультурной коммуникации была осуществлена в книге Дж. Кондона и Й. Фати «Введение в межкультурную коммуникацию» (1975)¹.

Современный этап развития теории межкультурной коммуникации связан с работами Барри Томалина и его школы². Так, в одной из работ, посвященных проблеме межкультурной коммуникации на современном этапе, Б. Томалин и его соавтор М. Никс постулируют наличие трех обязательных аспектов, знание которых необходимо, чтобы понять культуру чужой страны: 1) основная информация о стране; 2) жизненные принципы и ценности; 3) поведение жителей.

В частности, авторы выделяют пять основных этапов построения успешного взаимодействия с людьми, представляющими другие культуры, которые были условно ими названы «Пять К»:

- 1) культурные знания (осведомленность о повседневной жизни страны);
- 2) культурное поведение (поведение, характерное для данной культуры);
- 3) культурные ценности и жизненные принципы;
- 4) культурные предпочтения;
- 5) культурная адаптация (адаптация к новой культуре).

Только усвоение всего комплекса из «пяти К» будет способствовать уверенной и адекватной межкультурной коммуникации личности с представителями других культур³.

В другой монографии, написанной уже в соавторстве с Б. Херном, Барри Томалин утверждает междисциплинарный характер новой научной дисциплины, которая формируется на стыке антропологии, лингвистики, философии и психологии: «Cross-cultural communication is a multifaceted

¹Condon, J., Fathi, Y. An Introduction to Intercultural Communication / J. Condon, Y. Fathi, – N. Y., 1975.

²Tomalin, B. Cultural Awareness / B. Tomalin. – Oxford University Press, 1994. – 165 p.

³Tomalin, B., Nicks, M. The World's Business Cultures and How to Unlock Them, Thorogood Publishing / B. Tomalin, M. Nicks. – London, 2007. – 268 p.

subject which has elements from a number of disciplines: anthropology; linguistics; philosophy; psychology»¹.

Определяя кросс-культурную коммуникацию как «способ, посредством которого люди разных культур имеют дело друг с другом как на расстоянии, так и лицом к лицу» («the way people from different cultures communicate when they deal with each other either at a distance or face to face»), Б.Томалин и Б. Херн определяют объем и содержание кросс-культурной коммуникации как речевое общение на базе устного и письменного языка, языка тела и речевого этикета («Communication can involve spoken and written language, body language and the language of etiquette and protocol»)².

В 90-е годы материалы Европейской культурной конвенции акцентируют внимание на требовании усилить межкультурные взаимодействия, так называемый «диалог культур», призванный способствовать установлению контактов, на основе искреннего стремления народов понять друг друга. По словам С. Хантингтона: «Развитие этих способностей неотделимо от освоения «чужой» культуры, ибо способность одного народа осваивать достижения другого – один из главных показателей жизнеспособности его культуры, очевиднейший индикатор прогресса культуры»³.

Как самостоятельную научную дисциплину кросс-культурную коммуникацию изучают в университетах штата Калифорния и Южного Иллинойса, более 10 лет лекции по введению в кросс-культурную коммуникацию читались профессорами Дианой Фассетт и Джоном Уорреном, которые являются авторами трёх совместных трудов по данной тематике и коммуникативной педагогике. В работе «Коммуникация:

¹ Hurn, B.J., Tomalin, B. Cross-Cultural Communication / B.J. Hurn, B. Tomalin. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2013. – 308 p. – P.2.

²Hurn, B.J., Tomalin, B. Cross-Cultural Communication / B.J. Hurn, B. Tomalin. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2013. – 308 p. – P.2.

³Huntington, S. The Clash a Civilization? / S. Huntington // Foreign Affairs. – 1993. – №3. – P. 22.

критический и культурологический вводный курс» (2010) ими предлагаются примеры практического использования навыков кросс-культурной коммуникации, которые способствуют формированию межкультурно компетентной личности. Авторы выделяют три основополагающих этапа данного процесса:

1. Формирование фундамента основополагающих принципов теории кросс-культурной коммуникации.
2. Принцип преемственности.
3. Разбор моделей, стратегий и примеров решения конкретных коммуникативных ситуаций.

Д. Уоррен и Д. Фассетт рассматривают коммуникацию, в первую очередь, как диалог, способ влияния на собеседника. В связи с этим в своей работе они вводят понятие «коммуникативное обучение», как способ формирования правильного построения монологической и диалогической речи студента, решения определенных задач коммуникативного характера. Профессор журналистики и массовой коммуникации Джеймс Бауман Висконсинского университета в Мадисоне в своей книге «Республика массовой культуры: журналистика, кинопроизводство, вещание в Америке с 1941 года» (1992) уделяет внимание вопросу межкультурной коммуникации и роли ее влияния на умы американцев на протяжении полувека, формированию стереотипного мышления. Такой тип опосредованной коммуникации несомненно отразился и на развитии межкультурных связей.

Методология и основные методы теории кросс-культурной коммуникации обобщены в диссертационном исследовании И.В. Наместниковой «Межкультурная коммуникация как социальный феномен» (2003). Автор утверждает, что, «как научная дисциплина, теория кросс-культурной коммуникации находится в стадии формирования и отличается двумя характерными особенностями: прикладным характером (цель –

облегчение коммуникации между представителями различных культур, снижение конфликтного потенциала) и междисциплинарностью. Сегодня особенности кросс-культурной коммуникации изучаются на стыке таких наук, как литературоведение, культурология, психология, лингвистика, этнология, антропология, социология. Исследования по кросс-культурной коммуникации в последнее время приобретают всё большее значение в связи с процессами глобализации и интенсивной миграции»¹.

И.В. Наместникова освещает генезис идей кросс-культурной коммуникации в отечественном гуманитарном знании: «Задолго до возникновения научного интереса к коммуникации культур в отечественной науке появились фундаментальные труды, указывающие на перспективность подобного рода исследований. К ним можно отнести исследования диалога, как устойчивого фактора взаимодействия культур (М.М. Бахтин, Ю.М.Лотман, В.С. Библер)»².

Отечественные исследования кросс-культурной коммуникации ориентированы в основном на западные научные традиции. В современной отечественной теории кросс-культурной коммуникации отчетливо выявляются следующие аспекты: «социологический (социальные, этнические и прочие факторы в межкультурной коммуникации); лингвистический (вербальные и невербальные средства коммуникации, языковые стили, способы повышения эффективности межкультурного общения); психологический (когнитивные и эмоциональные составляющие межкультурной коммуникации, ценностные ориентации и мотивации);

¹Наместникова, И.В. Межкультурная коммуникация как социальный феномен: Дисс... докт. филос. наук: 09.00.11 / И.В. Наместникова. – М., 2003. – С. 5-6.

²Наместникова, И.В. Межкультурная коммуникация как социальный феномен: Дисс... докт. филос. наук: 09.00.11 / И.В. Наместникова. – М., 2003. – С.12.

коммуникативный (коммуникативные навыки и умения, управление конфликтами, развитие межгрупповых связей)»¹.

Значимой, с точки зрения исследований в области межкультурной коммуникации, является работа отечественных авторов Т.Г. Грушевицкой, В.Д. Попкова и А.П. Садохина «Основы межкультурной коммуникации» (2002)². Работа посвящена проблеме восприятия России глазами Запада, т.е. исследованию так называемых «национальных гетеростереотипов» (стереотипов о России и русском народе, существующих в других государствах). В работе постулируется набор качеств, характерных для «типичного русского» и отличающих его от западного человека.

В целом сегодня кросс-культурная коммуникация – это диалектический процесс, который находит органичный баланс между различными полюсами: интеграция ↔ дифференциация; универсализация ↔ партикуляризация; сотрудничество ↔ конфронтация, которые не противопоставлены антагонистически, а находятся в отношениях взаимообусловленности. Новые векторы развития кросс-культурной коммуникации основаны на исторически оптимистических постулатах, что мир становится единым, народы мира осознают возрастающее общекультурное значение достижений национальных культур для всего человечества, в плане формирования общечеловеческого культурного фонда. Поэтому отмечается явное улучшение качества межкультурного взаимодействия, рост взаимопонимания между культурами на цивилизационном, национальном, межгрупповом, межличностном уровне, что, к сожалению, не вполне подтверждается современными политическими отношениями.

¹ Наместникова, И.В. Межкультурная коммуникация как социальный феномен: Дисс... докт. филос. наук: 09.00.11 / И.В. Наместникова. – М., 2003. – С.13.

² Грушевицкая, Т.Г. Основы межкультурной коммуникации: Уч. для вузов / Т.Г. Грушевицкая, В.Д. Попков, А.П. Садохин; Под ред А.П. Садохина. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002.

Типология культур в кросс-культурной коммуникации.

Осуществив масштабные компаративные исследования многих различных культур, Э.Т. Холл предложил **общую типологию** культур на основе их отношения к контексту. Под контекстом понимается совокупная информация, которая входит в окружение культурного события, является его сопутствующим или сопровождающим фоном. Э.Т. Холл исходит из того принципа, что «все культуры в межличностном общении используют некие невысказанные, скрытые правила, которые важны для понимания происходящих событий и межличностного поведения. Культуры различаются своим «чтением контекста», использованием скрытой информации, которую заключает в себе каждая ситуация»¹.

В основе типологии культур, по Э.Т. Холлу, два параметра. Первый параметр – характер контекста. По этому параметру все культуры делятся на **высококонтекстуальные** и **низкоконтекстуальные**², Второй параметр – это характер использования пространства и времени, в зависимости от которого выделяются культуры с преобладающим **монохронным** или **полихронным** использованием времени³.

Высокая контекстуальность или низкая контекстуальность той или иной культуры зависит от объема контекстуальной информации, которая необходима для понимания социальной ситуации. Объем контекстуальной информации определяет степень сложности той или иной культуры. В свою очередь, от степени сложности культуры зависит то, насколько правильно представители иной культуры могут понять и оценить данную социальную ситуацию.

¹Hall, E.T. Hidden Differences: Studies in International Communication. / E.T. Hall . – Hamburg: Grunder & Jahr, 1950.

²Красных, В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций / В.В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002.

³Зализняк, А.А., Левонтина, И.Б., Шмелев, А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сборник статей / А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2005.

Высококонтекстуальная культура характерна для таких стран, как Франция, Испания, Италия, страны Ближнего Востока, Япония и Россия. Для представителей этого типа культуры характерно, что большинство информации при коммуникации передается посредством экстралингвистического (внеязыкового) контекста, т.е. тем, какое место в социальной иерархии занимают коммуниканты, каков их социальный статус, пол, возраст, а также внешний вид и манеры поведения, какова форма коммуникации (официальная или неофициальная) и пр. Для высококонтекстуальных культур характерно использование намеков, косвенных и перифрастических выражений, ориентация на обстановку речи и вербальный контекст.

Низкоконтекстуальная культура характерна для жителей Великобритании, Германии, Нидерландов, Швейцарии, скандинавских и других североевропейских стран, а также США. Представители этих культур большую часть информации размещают в буквальных значениях высказываний, т.е. непосредственно в словах, в том, что сказано, а не опираются на обстановку речи или контекст сообщения. Они прямо говорят о том, чего хотят, не рассчитывая на то, что собеседник сам должен вывести недостающую информацию из ситуации общения. Для обществ с подобным типом культуры огромное значение придается информативности речи, конкретике, деталям, ее носители ориентированы на открытый, прямой и рациональный стиль общения, когда вещи называют своими именами.

В следующей сводной таблице приводятся обобщающие характеристики двух типов культур, по Э.Т. Холлу¹:

¹Hall, E.T. Hidden Differences: Studies in International Communication. / E.T. Hall . – Hamburg: Grunder & Jahr, 1950.

Высококонтекстуальные культуры	Низкоконтекстуальные культуры
невыраженная, скрытая манера речи, многозначительные и многочисленные паузы;	прямая и выразительная манера речи;
серьезная роль невербального общения и умения «говорить глазами»;	незначительная доля невербальных форм общения;
Излишняя избыточность информации, поскольку для общения достаточно первоначальных фоновых знаний;	четкая и ясная оценка всех обсуждаемых тем и вопросов; оценка недосказанности как недостаточной компетентности или слабой информированности собеседника
отсутствие открытого выражения недовольства при любых условиях и результатах общения.	открытое выражение недовольства.

Второй параметр типологии культур связан с тем, что каждая культура характеризуется своим типом отношения к использованию времени. Данный параметр оказывается чрезвычайно важным для межкультурной коммуникации, потому что от этого зависит адекватное понимание коммуниканта, принадлежащего к иной из культур. В концепции Э.Т. Холла, Холлу, в зависимости от модели использования времени, все культуры делятся на **монокронные**, для представителей которых в один и тот же отрезок времени возможен только один вид деятельности, – и **полихронные**, для представителей которых в один и тот же отрезок времени возможно осуществление нескольких видов деятельности¹.

Для носителей монокронного типа культуры, который распространен в Германии, Великобритании, ряде североевропейских стран и США, характерно представление о времени как о прямой линии, ведущей из

¹Приводится по разделу: Теории межкультурной коммуникации // Сайт www.Grandars.ru: «Социология. Культурология» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.grandars.ru/college/sociologiya/teorii-mezhkulturnoy-kommunikacii.html>

прошлого в будущее: такое время заполняется последовательными действиями, которые осуществляются поэтапно, одно за другим. Такое время четко делится на отрезки, в каждый из которых человек может четко запланировать какой-то один вид деятельности и сосредоточиться исключительно на нем. Для монокронной культуры, таким образом, свойственно приписывать времени стоимость, представлять время как ресурс или вещество, которые можно тратить, экономить, потерять, найти и пр. В таком представлении время выступает как структура, упорядочивающая человеческую жизнь. Представитель такого типа культуры ориентирован только на один вид деятельности в определенный временной отрезок, поэтому он как бы «закрывается» на этот период в своем мире, не пуская туда других, так как не допускает, чтобы его прерывали в процессе какой-либо деятельности.

Носители полихронного типа культуры, характерного для стран европейского Средиземноморья, Латинской Америки, Ближнего Востока, а также для России, воспринимают время строго противоположно по отношению к носителям культуры монокронной. События в таком восприятии времени происходят одновременно. Само время мыслится не как прямая линия, а как некий узел переплетения разнотипных событий: поэтому оно более насыщено, но при этом его ход не ощущается так остро. Носитель такого понимания времени «никуда не торопится». Как следствие, для представителей культур полихронного типа важны межличностные человеческие отношения, само общение, а не его информативная, рациональная сторона. Сам факт межличностного общения представляется более значимым, чем выполнение чисто профессиональных обязанностей, чем реализация плана деятельности. Поэтому представители полихронных культур не придают особого значения пунктуальному выполнению своих обязанностей, соблюдению распорядка дня.

Таким образом, мы можем заключить, что представители монохронных культур сконцентрированы на пунктуальном исполнении своей работы и на соблюдении договоренностей, они склонны поддерживать в основном **кратковременные** межличностные отношения, не мешающие делу. Представители полихронных культур, напротив, своей работе придают меньше значения, чем человеческим взаимоотношениям, их работоспособность зависит от наличия хороших отношений, при этом они ориентированы на установление **долговременных** межличностных отношений, на всю жизнь.

Все вышесказанное помогает понять, какие трудности ожидают представителей разных типов культур при кросс-культурной коммуникации. Типология, предлагаемая Э.Т. Холлом, позволяет посмотреть на носителей различных типов культур как бы «изнутри», что может способствовать улучшению качества кросс-культурной коммуникации на основе взаимопонимания.

Типологии культурной коммуникации. Кроме типологии культур Э.Т. Холла, существуют и типологии непосредственно разновидностей культурной коммуникации, важность которых состоит в том, что они связывают воедино понятие культуры и коммуникации. Обобщенный анализ этих классификаций приводится в нашем исследовании по учебному пособию Е.Л. Рябовой и Л.О. Терновой «Межкультурное взаимодействие в современном мире» (2011)¹.

Итак, можно выделить следующие типы культурной коммуникации:

I. По количеству участников и дистантных отношений между ними:

а) межличностная (2 человека, семья) – минимальное количество участников, близкие отношения (в ходе развития возможно как сужение, так и расширение дистанции);

¹Приводится по изданию: Рябова, Е.Л., Терновая, Л.О. Межкультурное взаимодействие в современном мире: Учебное пособие / Е.Л. Рябова, Л.О. Терновая. – М.: Этносоциум, 2011.

- б) межгрупповая / внутригрупповая (с большим количеством участников и большей дистанцией);
- в) профессиональная;
- г) массовая (через медиа-посредника – СМИ, телевидение);
- д) межкультурная (между разными культурами, включает в себя всё предыдущее).

II. По функции:

- а) информативная;
- б) аффективно-оценочная (чувства, мнения);
- в) рекреативная (развлекательная);
- г) убеждающая (в том числе идеологически значимая);
- д) ритуальная (этикет, коммуникативные нормы и традиции).

III. По использованию языка:

- а) вербальная (35%);
- б) невербальная (65%).

Понятия кросс-культурной грамотности и кросс-культурной компетенции. Одним из центральных понятий теории кросс-культурной коммуникации является научное понятие *кросс-культурная компетенция*. Способность к эффективному взаимодействию между людьми разных культур спонтанно развивается в процессе опыта общения с представителями других культур, а также может быть целенаправленно воспитана посредством научения. Составными частями кросс-культурной компетенции являются эмоциональная отзывчивость и межкультурная восприимчивость.

Личность считается **межкультурно компетентной**, если способна понимать и принимать специфические модели восприятия, отношения к миру, мышления и поведения представителей иных, чуждых по отношению к данному индивидууму культур.

Понятие кросс-культурной компетенции основано на **теории культурной грамотности**, разработанной в трудах Э. Хирша. Согласно теории Э. Хирша, необходимым условием эффективной межкультурной коммуникации является «достаточный уровень культурной грамотности, который предусматривает понимание фоновых знаний, ценностных установок, психологической и социальной идентичности, характерных для данной культуры»¹.

Важным моментом в концепции Э. Хирша является понимание того, что кросс-культурная компетенция вне коммуникации не существует, потому что уровень кросс-культурной компетенции выявляется только в конкретных коммуникативных ситуациях.

Э. Хирш исходит из того, что для успешной коммуникации с представителями чужой культуры индивидуум должен освоить некий необходимый культурный минимум знаний, которыми располагают его партнеры по коммуникации, представляющие чужую культуру. Для эффективной кросс-культурной коммуникации необходимо «глубокое знание различных культурных символов соответствующей национальной культуры». Именно этот фонд знаний стоит за языковыми значениями, он формирует содержание текстов и особенности реализации дискурса в рамках того или иного культурного сообщества.

Культурная грамотность призвана создать «дух коммуникативной кооперации», именно она обеспечивает специфические экстралингвистические знания, которые позволяют представителю той или иной культуры прочитать, например, газету и обнаружить при этом адекватный уровень понимания как эксплицитной, так и имплицитной информации, соотнести прочитанное с культурным контекстом. Культурная грамотность, согласно Э. Хиршу, «делает нас хозяевами

¹Hirsh E. D. Jr., Kett, J. F., Trefil, J. The New Dictionary of Cultural Literacy: What Every American Needs to Know / E. D. Jr. Hirsh, J. F. Kett, J. Trefil. – Boston – New York : Houghton Mifflin, 2002; Hirsch, E.D. A First Dictionary of Cultural Literacy / E. D. Hirsch. – Boston: Houghton Mifflin, 1989.

стандартного инструмента познания и коммуникации, таким образом позволяя нам передавать и получать сложную информацию устно и письменно, во времени и пространстве»¹.

В понятие культурной грамотности входит не только специфическая культурно-обусловленная информация, но и особенности мировосприятия в целом, присущие носителям той или иной культуры. Однако культурная грамотность – это не только культурно-специфическая информация, но и информация о мире в целом. В целом культурная грамотность выступает в качестве наиболее динамичной составляющей межкультурной компетенции, которая нуждается в постоянном пополнении и обновлении текущей культурно значимой информации.

В целом отметим, что кросс-культурная коммуникация складывается из разных видов компетенций: **языковой, культурной и коммуникативной**. Поэтому для успешного и эффективного кросс-культурного взаимопонимания и взаимодействия необходимо согласованное соотношение между этими тремя уровнями. При выпадении хотя бы одного звена велика вероятность неадекватного понимания речи и поведения представителя иной культуры. Недостаточно только знания языка, потому что от человека, который владеет языком, в инокультурном обществе ожидают и соответствующего уровня культурной грамотности, а это не всегда совпадает.

В зависимости от соотношения степени владения тем или иным видом компетенции: **языковой, культурной, коммуникативной**, реализованного в конкретной коммуникативной ситуации, Э. Хирш выделяет следующие уровни кросс-культурной компетенции:

- необходимый для выживания;
- достаточный для вхождения в чужую культуру;

¹Hirsh E. D. Jr., Kett, J. F., Trefil, J. The New Dictionary of Cultural Literacy: What Every American Needs to Know / E. D. Jr. Hirsh, J. F. Kett, J.Trefil. – Boston – New York : Houghton Mifflin, 2002; Hirsch, E.D. A First Dictionary of Cultural Literacy / E. D. Hirsch. – Boston: Houghton Mifflin, 1989.

- обеспечивающий полноценное существование в новой культуре - ее «присвоение»;
- позволяющий в полной мере реализовать идентичность языковой личности¹.

Процесс изучения и понимания одного народа другим проявляется через диалог культур, который выражен в письменной форме, а именно, в книге. Текст формирует и меняет представление о конкретных странах и народах. Через текст мы можем проанализировать изменения в представлениях одного народа о другом. Текст способен преобразовать образ «другого», например, из образа «друга» трансформировать в образ врага или наоборот. Литература отражает принципы и механизмы культуры и преподносит её смысловое наполнение.

Поэтому важнейшей областью кросс-культурных отношений становится литературные контакты, которые, в свою очередь, являются областью компаративистики. Одним из направлений этой науки, тесно связанной с культурологическими проблемами коммуникации, становится имагология. Как пишет О.Ю. Поляков: «Проблемы диалога культур, воплощения в них национального и транснационального, выражения национальных стереотипов особенно важны в связи с современной социокультурной ситуацией и общей логикой цивилизационных процессов, когда феномены глобализма и мультикультурализма приходят в противоречие с укреплением национальных идентичностей, тенденцией к регионализации культурных потоков. Все названное выше обуславливает особый интерес, проявляемый в наши дни к имагологии...»².

¹Hirsh E. D. Jr., Kett, J. F., Trefil, J. The New Dictionary of Cultural Literacy: What Every American Needs to Know / E. D. Jr. Hirsh, J. F. Kett, J. Trefil. – Boston – New York : Houghton Mifflin, 2002; Hirsch, E.D. A First Dictionary of Cultural Literacy / E. D. Hirsch. – Boston: Houghton Mifflin, 1989.

²Поляков, О.Ю. Актуальные проблемы изучения рецепции и репрезентации национальных образов в свете имагологии / О.Ю. Поляков // Имагологические аспекты русской и зарубежных литератур: межвузовский сборник научных трудов / Вят. гос. гуманитар. ун-т, отв. ред.: О.Ю. Поляков. – Киров: Радуга-ПРЕСС, 2012. – С.3.

1.2. Имагология как исследование инонациональных стереотипов

В XX столетии возникла область сравнительного литературоведения и сопоставительной культурологии, которая получила название *имагология*. В настоящее время это научное понятие еще не получило единого и общепринятого определения, хотя в этом направлении сделано очень многое.

По словам одного из создателей этого научного направления в нашей стране – Н.П. Михальской, имагология изучает «восприятие и воплощение в литературных произведениях представлений об иной стране, её народе, особенностях национального характера»¹

О.Ю. Поляков определяет имагологию как науку, изучающую «авто- и гетерообразы наций, иными словами, образы «своего» и «чужого/другого», их происхождение, содержание и историческую изменчивость»².

Более широкое определение дает А.Р. Ощепков, делая акцент на междисциплинарном характере этой области знаний: «*Имагология* – сфера исследований в разных гуманитарных дисциплинах, занимающаяся изучением образа «чужого» (чужой страны, народа и т. д.) в общественном, культурном и литературном сознании той или иной страны, эпохи»³.

Еще более расширяет сферу приложения имагологии как комплексной гуманитарной дисциплины В.Б. Земсков, рассматривая ее не

¹Михальская, Н.П. Образ России в английской художественной литературе 9-12 вв./ Н.П. Михальская. – М., 1995. – С. 11.

²Поляков, О.Ю. Актуальные проблемы изучения рецепции и репрезентации национальных образов в свете имагологии / О.Ю. Поляков // Имагологические аспекты русской и зарубежных литератур: межвузовский сборник научных трудов / Вят. гос. гуманит. ун-т; отв. ред.: О.Ю. Поляков. – Киров: Радуга-ПРЕСС, 2012. – С.3.

³Ощепков, А.Р. Имагология / А.Р. Ощепков // Знание. Понимание. Умение. – 2010. – № 1. – С. 251–253.

только как синхроническое сопоставление, но предлагая включить и исторический срез: в работах этого ученого данная наука рассматривается как «особая область *знания и со-знания*, связанная с древнейшими, архаическими истоками; это специфический и универсальный вид культуротворчества и культуроразличения, сопровождающий человечество на всем пути его развития... в сущности, в своем пределе она устремлена к воссозданию *целостного образа бытия* отдельных исторических субъектов, и в итоге - образа всего бытия в его *целостности*»¹.

Проблема выявления объема и содержания научного понятия *имагология* тесно связана с определением ее статуса как научной дисциплины.

Место имагологии в современном гуманитарном знании на данный момент четко не определено. Многие исследователи понимают имагологию как теоретическую или историко-литературную дисциплину в русле литературоведения, называют ее «учением об образах»² или исследованием устойчивых образов чужого, Другого (по принадлежности, например, этнической, культурной, языковой), объективированных в литературных текстах³. Некоторые исследователи рассматривают имагологию как раздел науки об истории, который анализирует представления о другом народе или стране, складывающиеся в общественном сознании конкретной страны на определенном историческом этапе⁴. Другие видят имагологию как ответвление культурологии или социологии, которые исследуют представления акторов

¹Земсков, В.Б. Образ России на «переломе» времен (Теоретический аспект: рецепция и репрезентация «другой» культуры) / В.Б. Земсков // Новые российские гуманитарные исследования. – 2006. – №1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nrgumis.ru/articles/archives/full_art.php?aid=37&binnrubrik_pl_articles=246

²Яценко, Н. Е. Толковый словарь обществоведческих терминов / Н.Е. Яценко. – М., 1999.

³Миры образов — образы мира: Справочник по имагологии. – Волгоград, 2003.

⁴Мезин, С.А. Стереотипы России в европейской общественной мысли XVIII века / С.А. Мезин // Вопросы истории. – 2002. – № 10. – С. 148–157.

культурного диалога друг о друге¹. Также существуют исследования о имагологии как технологии создания имиджей².

По справедливому мнению В.Б. Земскова, имагология имеет **междисциплинарный, интегральный и диффузный характер**, «будучи переплетенной со всей обширной жизнью этносов, наций, народов, с их историей, культурой, образом жизни, экономически-хозяйственной деятельностью, природно-географическими условиями, отношениями с ближними и дальними соседями и т. д. Как видим, имагология предстает как поле для масштабных исследований в различных дисциплинах»³.

Подобного понимания мы будем придерживаться и в нашей работе. Однако следует уточнить, что своеобразным ядром имагологии как междисциплинарной науки все же является сравнительно-литературоведческий аспект. Дело в том, что в интерпретации национального нарратива литературы в широком смысле слова, включая и публицистику, образы наций закрепляются и оказываются наиболее устойчивыми именно в художественных или публицистических текстах.

В начале XX века проявляется истинный интерес к изучению национальных этнических особенностей, они предстают в виде сбора и публикации литературных материалов о разных странах. Например, Э. Синглтон (американский публицист, публикует работы о мировой культуре, искусству и архитектуре) издала несколько сборников – антологий, в них даны как отрывки произведений классиков мировой литературы, так и описания национального характера различных народов, включая Россию⁴.

¹Нойманн, И.Б. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей / И.Б. Нойманн. – М., 2004.

²Почепцов, Г.Г. Имиджелогия: теория и практика. / Г.Г. Почепцов. — Киев, 1998.

³Земсков, В.Б. Образ России на «переломе» времен (Теоретический аспект: рецепция и репрезентация «другой» культуры) / В.Б. Земсков // Новые российские гуманитарные исследования. – 2006. – №1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nrgumis.ru/articles/archives/full_art.php?aid=37&binrubrik_pl_articles=246

⁴Smith, Andrew, and Maria. I was a Soviet worker / Andrew Smith. London, R. Hale, 1937.286 p.

В 1920-30-х гг. это направление выделяется в отдельную дисциплину, предметом которой является изучение различных имиджей. Разработке теоретических основ формирования национальных имиджей, стереотипов и понятию национальной идентичности посвящены работы П. Лэнгфорда¹, Дж. Фаулза, Т. Девос и Ж. Дешамп², и многих других западных учёных.

Хуго Дизеринк в 1966 г. опубликовал статью «К проблеме «имиджей» и «миражей» и их исследования в рамках сравнительного литературоведения», которая стала теоретическим манифестом и основой «Аахенской программы по имагологии». Этот бельгийский ученый в своей работе осуществил поворот в литературоведении к новой проблематике и методологии.

Дизеринк рассматривал имагологию как направление в компаративистике, которая должна быть нацелена на исследование в литературе образа другой страны, народа, культуры, он виртуализировал понятие «нация». По его мнению, нация не существует как общность, а является ментальной конструкцией, «временной моделью мышления». В результате, Дизеринк поставил под сомнение объективное существование наций, а значит и национальной идентичности³.

Видный нидерландский ученый Й. Леерссен выделяет три важнейших этапа рефлексии относительно национального: XVIII в., когда этнотипы осмыслялись в контексте культурной критики, XIX столетие, для которого характерно доминирование сравнительно-исторических подходов к исследованию национальных характеров, и XX в. как эпоха постепенного слома традиционного эссенциализма в понимании наций и утверждения

¹Langford, P. *Englishness Identified: Manners and Character 1650 – 1850*. Oxford, N.Y., 2000. P. 12–13

²Devos, T., Comby, L., Deschamps, J-C. *Assymetries in judgements of in group and out group variability* *European Review of Social Psychology* / Ed. by W. Stroebe, M. Hewstone. John Wiley and Sons LTD, 1996. Vol. 7. P. 27-57.

³Dyserinck, H. *Imagology and the Problem of Ethnic Identity* / H. Dyserinck // *Intercultural Studies* —2003. — №1.

«деконструктивного и критического анализа риторики национальной характеристики»¹, который, собственно, и возвестил о «революционной» смене научных парадигм, определяющих интерпретацию национального текста литератур.

В России имагология как дисциплина начала складываться в 1990-х гг. В действительности уже в конце 1960-х гг. началась деятельность Г.Д. Гачева по сравнительному описанию культур, национального мира разных народов как единства природы, характера и ментальности. Ученый исследовал то, что через анализ национальной образности литературы следует рассматривать «всю толщ культуры»². Затем появились исследования, посвященные рецепции и репрезентации России в зарубежных странах: труды Н. П. Михальской, В. А. Хорева, фундаментальный труд ученых из Института мировой литературы РАН «На переломе: Образ России прошлой и современной в культуре, литературе Европы и Америки (конец XX - начало XXI вв.)»³ и др.

Так, в одной из работ Н.П. Михальской указывается: «В настоящее время имагология становится одним из приоритетных направлений литературоведения. В русле имагологии предпринимаются исследования различных национальных литератур. Как новая учебная дисциплина имагология начинает входить в университетское образование»⁴.

Вл. А. Луков считает, что центральной проблемой имагологии в отечественном литературоведении является образ России с позиций иных культур. «Россия, русские, русскость... На Западе эти категории

¹Imagology. The Cultural construction and literary representation of national characters. A critical survey / ed. M. Beller and J. Leerssen. –Amsterdam, 2007.

²Гачев, Г.Д. Космо-Психо-Логос: Национальные образы мира./ Г.Д. Гачев. — М.,1993. — С. 10.

³См. наиболее значимые труды, в которых рассматривается имагологическая проблематика: Михальская Н. П. Образ России в английской художественной литературе IX- XIX вв. – М., 1995; Михальская Н. П. Россия и Англия: проблемы имагологии. –М.; Самара, 2012; Хорев В.А. Польша и поляки глазами русских литераторов. М., 2005; Хорев В. А. Восприятие России и русской литературы польскими писателями. М., 2012; Образ России, русской культуры в мировом контексте / под общ. ред. Е. П. Чернышева. – М., 1998; Образ России: Россия и русские в восприятии Запада и Востока / ред. В. Е. Багно (отв. ред.) и др. СПб., 1998.

⁴Михальская, Н. П. Россия и Англия: проблемы имагологии / Н.П. Михальская. – М.; Самара, 2012. – С.4.

осмысливают уже триста лет, а вопрос был поставлен на несколько столетий раньше. На Востоке они были менее актуальными, но в XX в. Азия присоединилась к Европе, а вместе с ней и Америка, Африка, Австралия - во всем мире стали в теоретическом и практическом планах, стратегическом и тактическом аспектах тратить огромные интеллектуальные усилия для того, чтобы понять «загадочную русскую душу» – сердцевину проблемы России, русских, русскости»¹.

Н.П. Михальская определяет предмет и задачи имагологии следующим образом: «Тесно контактируя с изучением межлитературных связей, имагология имеет свои задачи: изучение образного восприятия и воплощение представлений об иной стране, ее народе, об особенностях национального характера (образ страны, образ народа, образ человека, в данной стране живущего)»². Тем самым имагология отделена от компаративистики традиционного плана, осмыслена как хотя и не порывающая связь с филологией, но междисциплинарная сфера гуманитарного знания. Современная имагология опирается на весь инструментарий литературоведения, использует поэтологический анализ, нарратологические стратегии, мифопоэтические подходы и др. При этом она остается разделом литературоведческой компаративистики.

Обобщая работы зарубежных и отечественных ученых в области имагологических исследований, можно заключить, что современная имагология базируется на следующих **методологических основаниях и теоретических принципах**:

1. Понимание национального и инонационального как виртуальных, т.е. ментальных образований, которые обуславливают особенности как самоидентификации этноса, так и идентификации им

¹Луков, Вл. А. Имагология: тезаурусные расширения / Вл.А. Луков // Имагологические аспекты русской и зарубежной литератур: межвузовский сборник научных трудов/ Вят. гос. гуманитар. ун-т; отв. ред.: О.Ю. Поляков. – Киров: Радуга-ПРЕСС, 2012. – С. 15-31.

²Михальская, Н. П. Россия и Англия: проблемы имагологии / Н.П. Михальская. – М.; Самара, 2012. – С.4.

других народов. Как считают ведущие исследователи в области имагологии, народ – это самоидентификация (другими словами отождествление себя с определенными национальными мифами, интеллектуальными конструктами, которые являются фундаментом осознания принадлежности к нации и влияют на культурную и социальную поведенческую модель конкретной нации). Имагология исследует «имаготипические структуры»¹, ментальные модели, являющиеся фундаментом национальной идентичности и самоидентификации конкретной нации и их объективирование в литературе. Таким образом, в научный инструментарий имагологии входят когнитивно-ориентированные стратегии научного поиска.

2. Обоснование категории *свое / чужое* и на этой основе формирование научного концепта «национальный имидж (образ)».

Как пишет О.Ю. Поляков, современная имагология исследует категории *своего/чужого* и их воплощение, прежде всего, в текстах литературы. Её задача заключается в том, чтобы выявить компоненты национального образа, охарактеризовать его в историко-культурном контексте и определить, как он воплощается в текстовых структурах в качестве некоего «воображаемого», «дискурсивной сущности»². Этот метод сам О.Ю. Поляков определяет как структурно-функциональный.

Оригинальная концепция *своего / чужого* на методологической основе понятия «национальный миф» в его историческом измерении реализована в трудах Л.Ф. Хабибуллиной, которая всесторонне раскрывает процесс оформления национального мифа «другого», происходящий с помощью взаимодействия культур. В результате этого взаимодействия

¹Dyserinck, H. Imagology and the Problem of Ethnic Identity / H. Dyserinck // Intercultural Studies —2003. – №1.

²Поляков, О.Ю. Актуальные проблемы изучения рецепции и репрезентации национальных образов в свете имагологии / О.Ю. Поляков // Имагологические аспекты русской и зарубежных литератур: межвузовский сборник научных трудов / Вят. гос. гуманитар. ун-т, отв. ред.: О.Ю. Поляков. – Киров: Радуга-ПРЕСС, 2012. – С.8.

формируются важнейшие концепты, обуславливающие мифологическую модель мира. Национальная идентичность понимается как наррация, порождаемая в результате наложения «конкурирующих дискурсов», что дает основания «рассматривать художественную литературу не только как сферу трансляции устоявшихся национальных представлений (стереотипов), а как сферу культурного конструирования национальной множественности, особенно значимую в этом качестве в последние десятилетия»¹.

3. Разграничение научного понятия «национальный имидж (образ)» и научного понятия «национальный стереотип». Каждый народ имеет свой набор устойчивых представлений об окружающем мире. Эти представления, или стереотипы, для большинства людей составляют основу их знаний о других народах, живущих на земном шаре. Таким образом, в круг понятий имагологии наряду с образом (имиджем) входят соотносимое с ним понятие «стереотип», справедливо названный В. Б. Земсковым «одним из самых мощных средств формирования картины мира *других / чужих*, наиболее древним и живучим, практически неумирающим способом имагологического культуротворчества»².

Национальные стереотипы в имагологии получили множество определений. Их называют средством формирования идентичности (Л. Р. Мойле), культуротворческими феноменами (В. Б. Земсков), общественно-историческими мифами (В. А. Хорев), тропами, существующими в интертексте культуры (Й. Леерссен).

По своей структуре национальные стереотипы неоднородны, и, хотя их отличают достаточное постоянство и инертность, в процессе

¹Хабибуллина, Л.Ф., Бреева, Т.Н. Национальный миф в русской и английской литературе / Л.Ф. Хабибуллина, Т.Н. Бреева. – Казань: РИЦ "Школа", 2009.

²Земсков, В.Б. Образ России на «переломе» времени (Теоретический аспект: рецепция и репрезентация «другой» культуры) / В.Б. Земсков // Новые российские гуманитарные исследования. – 2006. – №1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nrgumis.ru/articles/archives/full_art.php?aid=37&binnrubrik_pl_articles=246

исторического развития выявляются их константы и переменные составляющие. Несмотря на то, что национальные стереотипы обладают теми же характеристиками, что и социальные (оценочный характер, аксиологичность, эмотивная окрашенность), они отличаются меньшей динамикой и более долгой «родословной». Стереотипы как раз и служат структурными компонентами национального образа, его основой и воплощаются в текстах культуры.

«Национальные» или «этнические» стереотипы – это устойчивые, схематичные и эмоционально окрашенные мнения одной нации о другой или о самой себе¹. «Этнические представления, то есть представления одних народов о других, нередко влияют на отношения между нациями, этническими группами и государствами»², – писал Н. А. Ерофеев. Являясь естественными частями национального сознания, своего рода «коллективными представлениями», они помогают человеку осознать свою этническую принадлежность, важное отличие от других национальных общностей. На подобные эмоции опираются такие понятия как национальные представления, национальная гордость и патриотизм.

Таким образом, национальные стереотипы – это схематичные нормы, стандарты самосознания общества, инструменты передачи от поколения к поколению национальных форм социального и нравственного опыта, то, из чего, в конечном счете, складывается национальная идея.

Исследователи выделяют в стереотипе три составляющих: познавательную, эмоциональную и прагматическую. Последняя имеет четыре функции: объединяющую, оборонительную функцию, связанную с выработкой определенной идеологии, и политическую³. Эмоциональность стереотипа обусловлена тем, что она всегда маркирована, носит

¹Чугров, С. В. Этнические стереотипы и их влияние на формирование общественного мнения / С.В. Чугров// Мировая экономика и международные отношения. -1993. -№ 1.

²Ерофеев, Н. А. Туманный Альбион : Англия и англичане глазами русских, 1825-1853 гг. / Н. А. Ерофеев. М.: Наука, 1982. – С.50

³Stereotypes and Nations / Ed. by Teresa Walas. – Cracow: International Cultural Centre, 1995. – С. 15.

положительный или отрицательный характер. Она может распространяться как на собственную, так и на другие нации, важной особенностью является обоюдострость, характеризующая как объект стереотипных суждений, так и субъект, создающий данный стереотип. Приоритетом стереотипного мышления является стремление отделить себя, «своих» от «других», собственные национальные признаки от тех, которые будто бы принадлежат «аутсайдеру».

Национальный стереотип связан с языковым фактором и, подобно национальной идентичности, имеет дискурсивную природу. Стереотип создает определенную вербализованную реальность, которая отражает представления о своей или другой нации, зачастую, очень пристрастные. Эти представления закрепились в прошлом, носят коллективный характер и наследуются личностью благодаря воспитанию, влиянию среды и общественного мнения¹.

Стереотипы отличаются стабильностью, исторической устойчивостью и могут выступать как мифы или символы, объясняющие социально-исторический опыт той или иной национальной общности. «Имея дискурсивную природу, национальный стереотип и миф обретают благоприятную сферу бытования в художественной литературе, и здесь для исследователя предстает почти безбрежное поле. Встает вопрос о роли литературы в закреплении стереотипов и мифов или, напротив, – в полемике с ними; о разных формах использования стереотипных образов для реализации художественного сознания автора, утверждения в произведении его концепции мира и человека»². Это обуславливает использование в имагологии мифопоэтических подходов и методов

¹Филошкина, С. Национальный стереотип в массовом сознании и литературе (опыт исследовательского подхода) / С. Филошкина // Логос. – 2005. – № 4 (49).

²Филошкина, С. Национальный стереотип в массовом сознании и литературе (опыт исследовательского подхода) / С. Филошкина // Логос. – 2005. – № 4 (49).

«исторической поэтики» в том смысле, в котором ее понимал А.Н. Веселовский¹.

4. Дифференциация в пределах обобщающего родового научного понятия «национального стереотипа» «автостереотип» и «гетеростереотип». Представления о чужих/других воплощаются в гетеростереотипах, собственная идентичность народа – в автостереотипах. Чаще всего автостереотипы имеют положительную направленность, в то время как гетеростереотипы содержат негативные оценки (к примеру, оценки собственного национального характера гораздо более благоприятны, чем представления об образах других наций). Кроме того, автостереотипы более сложно организованы, в то время как гетеростереотипы в большей степени схематизированы и представляют характеристики той или иной этнической общности в искаженно-преувеличенном виде. Гетеростереотипы дают представления и о самой нации, их создающей: отражаясь в образе другого/чужого, она уточняет собственную идентичность².

Когда явления окружающей действительности проходят сквозь призму стереотипов в массовом сознании, они неизбежно создают искаженный, порою причудливый и даже отталкивающий образ реальности. Положительные этнические или идеологические «автостереотипы» при этом формируют возвышенный, даже идеальный имидж своей национальности или идеологии, а отрицательные гетеростереотипы, напротив, тяготеют к воссозданию «образа врага». Указанные соображения обуславливают необходимость применения в имагологических исследованиях научной методологии и методики этнологии, социологии и культурологии.

¹Веселовский, А.Н. Историческая поэтика / А.Н. Веселовский. —М.: Высшая школа, 1989.

²Поляков, О.Ю. Актуальные проблемы изучения рецепции и репрезентации национальных образов в свете имагологии / О.Ю. Поляков // Имагологические аспекты русской и зарубежных литератур: межвузовский сборник научных трудов / Вят. гос. гуманитар. ун-т, отв. ред.: О.Ю. Поляков. – Киров: Радуга-ПРЕСС, 2012. – С.9.

5. Формирование исследовательского конструкта «образ чужого» (Другого)» как способа имагологического изучения в аспекте кросс-культурной коммуникации. Изучение представлений одних народов о других чрезвычайно важно для международного общения. Исследование образа «чужого» в культуре предполагает изучение стереотипов, клише и предрассудков национального сознания, объяснение происхождения этих стереотипов, анализ механизма превращения образа «чужого» в образ врага. В современных условиях, когда проблема взаимопонимания стоит чрезвычайно остро, необходимо чётко знать распространённые стереотипные представления одних народов о других, что облегчает процесс общения, даёт возможность «познать себя», а также другие народы. Это обуславливает применение в имагологии методов и приемов социологических и политологических исследований.

Рассмотренные выше общие положения методологии современной имагологии позволяют на этой основе конкретизировать постановку вопроса применительно к проблеме восприятия России и русских с позиции английской культуры, что важно в целях нашего исследования.

1.3. Кросс-культурные коммуникации Англии и России в историко-культурном освещении

Формирование образа России в Англии имеет многовековую историю. Британский взгляд на Россию очень часто был пристрастным, реальная картина России в Англии нередко подвергалась существенной идеологической корректировке в рамках конкретно-исторического момента сосуществования двух держав и двух культур. Англия и Россия имеют богатую историю сосуществования, включающую и дружественное партнёрство, и противостояние. События в России, выступала ли она союзником или врагом в конкретный исторический период, никого в

Англии не оставляли равнодушными. Взаимное притяжение - отталкивание Англии и России в разные времена имело разный накал.

Вся история взаимоотношения Англии и России, богатая значительными событиями, на протяжении всех своих хронологических периодов находила свое отражение в литературе и публицистике обеих стран.

Начало кросс-культурной коммуникации Англии и России было положено еще в XVI веке. Как пишет Пол Дьюкс: «В 1553 г. из Лондона королем Эдуардом VI на поиски северо-восточного пути в Индию была послана экспедиция под командованием сэра Х. Уиллоуби. Уиллоуби не суждено было уцелеть в Белом море, но его заместитель Ричард Ченселлор доставил оставшихся в живых в Москву, где их радушно принял Иван Грозный»¹.

Тема России и русских привлекала западноевропейских авторов на протяжении многих веков по причине активной кросс-культурной коммуникации России со странами Западной Европы. Эта тема отражена в самых разнообразных произведениях широкой жанровой палитры: от фольклорных источников до публицистических заметок в европейской прессе. Тема России и русских возникает в сочинениях Шекспира, ее затрагивают Томас Мор и Мильтон. Можно даже говорить о возникновении в ряде европейских литератур особого собирательного художественного жанра: «Этот жанр получил общее название «Россика»»².

К произведениям этого жанра следует отнести как путевые заметки путешественников, посещавших Россию, так и труды иностранных авторов, которые долгое время проживали на территории России. Сочинения западноевропейских авторов XV – XVII веков, посвященные

¹Дьюкс, П. Лвы и двуглавый орел: история российско-британских отношений / Пол Дьюкс // Родина. – 2003. – № 5-6. – С. 6-10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.istrodina.com/rodina_articul.php3?id=35&n=2

²Россия 15-17 вв. глазами иностранцев / Подг. текста и комм. Ю. А. Лимонова. – Л.: Лениздат, 1986. – С.3.

России, рассказывали о народах, населявших Россию, об обычаях и традициях, о религиозных обрядах и культах, о важнейших исторических событиях и пр. Эти произведения, несомненно, имели важнейшее общекультурное значение, потому что им суждено было сыграть значительную, положительную роль в деле взаимопонимания европейского Востока и Запада. Западноевропейская «Россика» во многом способствовала установлению культурных, социально-политических и экономических контактов между Россией и странами Запада. Взаимодействие русской и английской литератур было подчинено общему ходу развития мировой цивилизации. Несмотря на различие в социально-экономических системах, в жизни народов, как и в литературе, есть множество точек соприкосновения.

Наиболее глубокое и очень подробное освещение истории англо-русских культурных и литературных связей дано в работах Н.П. Михальской, которые имеют то особое значение в отечественной науке, что с них и начинается развитие имагологии в нашей стране¹. Важно подчеркнуть, что Михальская работает именно на материале русско-английских отношений.

По её мнению, зарождение стереотипов восприятия Русской земли в английском общественном сознании относится к более раннему периоду. Не только в средневековых источниках IX- XIII вв., содержащих в основном историко-этнографические сведения о Руси, но и в художественных текстах, пусть немногочисленных, появляются имаготипы, до сих пор бытующие в английской литературе. Первыми из них были огромные пространства страны, могучая сила народа и

¹См., например, следующие работы: Михальская, Н.П. Имагология и современная англистика. Английская литература в контексте мирового литературного процесса / Н.П. Михальская. – Киров, 1996; Михальская, Н.П. Образ России в английской художественной литературе IX – XIX вв. / Н.П. Михальская. – М.: МПГУ, 1995; Михальская, Н.П. Россия и Англия: Проблемы имагологии: учеб.пособие по спецкурсу / Н.П. Михальская. – М.; Самара, 2012.

представления о жителях «Роси» как о большой семье, отмечает автор монографии, анализируя стихотворный «Роман о Трое» Б. де Сент-Мора.

Характеризуя англо-русские литературные связи XVI в., Н.П. Михальская подчеркивает, что в этот период большинство произведений, в которых присутствует русская тема, создавалось англичанами, посетившими страну, поэтому многие тексты тяготеют к фактографии, а не к художественности. Подробно останавливаясь на характеристике разножанровых произведений, основу которых составляли личные впечатления авторов, побывавших в Русском государстве, исследователь полагает, что «ситуация путешествия способствовала не только расширению объективных знаний, но и демифологизации русских образов, уточнению имагологических представлений, которые, сохраняя субъективность, обрели эмпирическую валидность»¹.

В XVII веке кросс-культурные отношения Англии и России были незначительными, прежде всего по причине религиозно-культурных расхождений. Пока в России не появился собственно светский тип книги, кросс-культурные отношения в области литературы ограничивались спорадическими цитатами английских авторов, например, Шекспира и Милтона. В частности, Милтон в «Краткой истории Московии» проводит параллели с Англией в области «нравов, веры, правления и тому подобного», пишет, что Россия – «самый северный край Европы, который может считаться цивилизованным»².

На первый план в этом случае выдвигались согласие и расхождение между своим и чужим, что помогало выстраивать отношения «инаковости», составляемые из знакомых концептов и известных фактов – с помощью аналогии, преувеличения и противопоставления. В английском

¹Михальская, Н.П. Образ России в английской художественной литературе IX-XIX вв. / Н.П. Михальская. – М., 1995. – С. 8.

²См. по Дьюкс, П. Лвы и двуглавый орел: история российско-британских отношений / Пол Дьюкс // Родина. – 2003. – № 5-6. – С. 6-10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.istrodina.com/rodina_articul.php3?id=35&n=2

общественном сознании начинают складываться представления о русских, основанные на «парадоксальных контрастах» обилия и нищеты, могущественного государственного устройства и повсеместного мошенничества, воинской доблести и пристрастия к пьянству и т. п. **Таким образом, создаются основы для негативистской модели, предполагающей «тотальную» критику страны.**

В эпоху, когда художественные произведения были едва ли не единственным источником, из которого читатели черпали сведения о жизни далекой страны, подобные суждения способствовали формированию в сознании англичан отрицательных стереотипов. Об их наличии свидетельствуют сонеты Ф. Сидни, в которых уже как штампы, воспринятые из предшествующих источников, возникают образы «холодной Московии» и «рожденных рабами» москвитов. Закрепляла стереотипы и книга Д. Милтона «Краткая история», в которой автор несколько раз подчеркивал вслед за Чеслером и другими путешественниками, что Россию первыми открыли англичане¹.

В XVIII столетии начинается новый виток кросс-культурной коммуникации Англии и России, который в 1698 г. открывается визитом Петра Великого в Лондон. Так, епископ Солсберийский отмечает высокий уровень образованности Петра, отмечая в числе прочего, что русский царь «внимательно изучил Библию»².

XVIII столетие, отмеченное активизацией отношений между двумя странами благодаря политике Петра I и Екатерины II, стало переломным моментом в развитии русской темы в английской литературе. Если до этого в текстах преобладали природно-географические, политические и бытовые реалии, то теперь ведущими становятся суждения о своеобразии

¹ Михальская, Н.П. Образ России в английской художественной литературе IX-XIX вв. / Н.П. Михальская. – М., 1995. – С. 48.

² Дьюкс, П. Львы и двуглавый орел: история российско-британских отношений / Пол Дьюкс // Родина. – 2003. – № 5-6. – С. 6-10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.istrodina.com/rodina_articul.php3?id=35&n=2

национального характера: «Имагологи говорят, что в этом случае следует говорить не о национальном, а **инонациональном характере**, который, являясь художественной реальностью, не может быть объективным отражением реальных черт, присущих «другим» нациям, поскольку содержит авторскую оценку «другого», выраженную через нравственно-эстетическую призму, чем отчасти можно объяснить широту разброса мнений англичан о жителях России»¹.

В XVIII столетии англичане получили возможность напрямую знакомиться с русской литературой, поскольку впервые на английском языке были напечатаны произведения русского писателя А.П. Сумарокова. В то же время английские писатели стали играть важную роль в формировании у соотечественников представлений о России, так как их произведения были ориентированы на широкие круги читателей. Н.П. Михальская подчеркивает: «Нечто «русское» присутствует в английской художественной литературе XVIII в., проявляясь не только в отдельных реминисценциях и упоминаниях, а органически вливаясь в художественный мир произведений различных жанров – романа, поэмы, эссе, пьесы (трагедии и комедии). Особенность этого «русского элемента» или «русского начала» состоит не в сообщении каких-то новых фактов и сведений (чаще всего писатели опираются на уже известное), а в передаче колорита, самой атмосферы русской жизни, России, как они ощущаются английскими писателями»². И здесь уместно, вслед за ученым, говорить о значимом имагологическом феномене: диалог культур ведет к взаимообогащению, поскольку восприятие писателем образа другого всегда предполагает культуротворческое начало, которое может

¹Полякова, О.А. Н.П. Михальская об имагологических аспектах англо-русских литературных связей / О.А. Полякова //// Имагологические аспекты русской и зарубежных литератур: межвузовский сборник научных трудов / Вят. гос. гуманит. ун-т; отв. ред.: О.Ю. Поляков. – Киров: Радуга-ПРЕСС, 2012. – С. 41.

²Михальская, Н.П. Образ России в английской художественной литературе IX-XIX вв. / Н.П. Михальская. – М., 1995. – С. 54-55.

реализоваться в художественном строе произведения или же в поиске новых жанровых форм.

Позже, на стыке XVIII и XIX веков в России можно четко выделить период «англомании». Позднее это вылилось в литературное влияние лорда Байрона на Пушкина и сэра Вальтера Скотта на Толстого¹.

Начало XIX в. ознаменовалось усилением русофобии и негативистских настроений, вызванных обострением политической конфронтации между Англией и Россией, которая была обусловлена столкновением экономических интересов и «русской экспансией» на Ближнем Востоке и в Центральной Азии.

Рассматривая XIX столетие как эпоху создания новых характеристик англо-русских литературных связей, Н. П. Михальская выделяет следующие явления. Во-первых, это усиление писательского интереса к России. В XIX в. в Англии появилось не менее трехсот художественных текстов с русской темой, среди авторов которых – Байрон, Вордсворт, Саути, Скотт, Бульвер-Литтон, М. Шелли, Браунинг, Уайльд и др. Во-вторых, расширение тематического диапазона, в том числе и на основе социальной дифференциации: теперь пишут не только о дворянском укладе жизни, но и о быте крестьян, ремесленников, купцов. В-третьих, появление специальных книг для детского чтения с описанием русской экзотики. В-четвертых, интенсификация литературного сотрудничества за счет личного знакомства русских и английских писателей. В-пятых, разнообразие жанровых форм (ода, сонет, поэма, сказка, драма, повесть, роман и др.), задействованных для реализации русской темы. В-шестых, публикация критических статей о русских классиках (например, М. Арнольда о Л. Н. Толстом), утверждающих эстетическую и философскую значимость русского романа. Важными датами стали 1889 г., когда в

¹Дьюкс, П. Лвы и двуглавый орел: история российско-британских отношений / Пол Дьюкс // Родина. – 2003. – № 5-6. – С. 6-10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.istrodina.com/rodina_articul.php?id=35&n=2

Оксфорде было введено изучение русского языка, и 1893 г., когда было создано Англо-русское литературное общество¹.

Н.П. Михальская отмечает зависимость оценок в литературно-документальных текстах от политической ситуации. Действительно, художественные образы с точки зрения имагологии несут в себе **идеологическую составляющую**, которая нередко преобладает над **культурной и этнографической**.

В целом отметим, что образ России в творческом восприятии англичан на всем протяжении истории кросс-культурной коммуникации отличается высокой стабильностью, сохраняя основной набор элементов-стереотипов. Нетрудно видеть, что художественная литература играет большую опосредующую роль в создании определенного имиджа народа и страны, выступая как канал художественной коммуникации, знакомящий свой народ с другим народом. Необходимо также подчеркнуть, что не меньшую роль в этом играет и публицистика, которая больше ориентирована на «правду жизни», на фактографическое изложение событий.

Гетеростереотипы России и русских в английской культуре и литературе анализировались как английскими, так и отечественными литературоведами. Надо отметить, что исследования гетеростереотипов России, как и вообще – изучение образов других культур в той или иной национальной литературе и культуре, которые осуществлялись в рамках именно имагологического подхода, существенно активизируются в конце XX – начале XXI вв. Как отмечает Р. Марш, «реальный Запад, реальная Россия – это еще и реальность образных представлений о них»²,

¹Михальская, Н.П. Образ России в английской художественной литературе IX-XIX вв. / Н.П. Михальская. – М., 1995. – С.90-102.

²Марш, Р. Россия и Запад в исторической перспективе / Р. Марш // Россия и Запад в начале нового тысячелетия / Отв. ред. А. Ю. Большакова. - М., 2007. – С. 12.

созданных, укорененных и поддерживаемых в общественном сознании, не в последнюю очередь средствами литературы.

В труде «Образ России в английской художественной литературе IX-XIX веков» Н. П. Михальская показывает, что, несмотря на постоянный интерес к этой теме, английская литература создала и на протяжении долгого времени эксплуатировала **мифологизированный образ страны и ее народа**: «Можно заключить, что образ России в художественной литературе Англии обладает выраженным мифологическим характером со многими свойственными именно мифу чертами: контрастностью противопоставлений (оппозиций) отдельных смысловых элементов, немногочисленностью и внутренней нерасчлененностью этих элементов при их отчетливой структурной выраженности, дискретности и постоянной связи между ними, высокой стабильностью, если не неподвижностью структуры, сохранившей основной набор элементов и связи между ними на протяжении почти девяти столетий»¹.

Произведения английских авторов о России отражали как образ народа, которому они посвящены, так и образ народа, в котором они были созданы. В изучении образа «другого» важен не только объект, но и субъект. Произведениям о России зачастую свойственны оценочные суждения, с большей или меньшей долей тенденциозности. В результате, можно получить представление о восприятии страны и народа, о системе норм и приоритетов обеих наций. Восприятие России тесно связано с осознанием самих себя как авторами, так и читателями. Безусловно, оно зависит и от самосознания общества, в котором возникло произведение.

Высказывания о России, содержащиеся в английской публицистике XX века, обнаруживают наличие гетеростереотипов России и русских. Упрощённое и обобщённое восприятие связано с поляризованным и

¹Михальская, Н.П. Образ России в английской художественной литературе IX – XIX вв. / Н.П. Михальская. – М.: МПГУ, 1995. – С. 130.

эмоционально ангажированным процессом формирования мнений, с большей долей распространения основных клише при описании русской действительности.

Э. Кросс отмечает: «Художественная связь Британии с Россией, построенная на сложных взаимоотношениях, явно уникальна, исполнена любви и ненависти, очарования и ужаса, понимания и неведения»¹. Образ России в творческом восприятии англичан отличается также высокой стабильностью, сохраняя основной набор элементов-стереотипов: величина / величие страны, образ русского дикаря, суровость климата, символические образы медведей и волков и т. д.

Образ России, как негативный, так и позитивный, играл немаловажную роль в политических дискуссиях Англии. Стереотипные представления о России, которые сложились в английском общественном и литературном сознании, менялись, трансформировались в результате более глубокого освоения советского образа жизни, в процессе развертывающегося диалога культур, литературных контактов, типологических связей и взаимодействий.

Таким образом, имагология – сфера исследований в разных гуманитарных дисциплинах, занимающаяся изучением образа «чужого» (чужой страны, народа и т. д.) в общественном, культурном и литературном сознании той или иной страны, эпохи. Теоретическая и методологическая основа имагологии, изучающей восприятие и воплощение в литературных произведениях представлений о другой стране, её народе, особенностях национального характера, позволяет рассматривать исследования подобного рода как особую область компаративистики. Главным понятием имагологических исследований является проблема национального стереотипа. Каждый народ имеет свой

¹Cross, A. The Russian Theme in English Literature from the Sixteenth Century to 1980. An Introductory Survey and a Bibliography / A. Cross. – Oxford, 1985. – С. 83.

набор устойчивых представлений об окружающем мире. Эти представления, или стереотипы, для большинства людей составляют основу их знаний о других народах, живущих на планете. Представления о чужих/других воплощаются в гетеростереотипах, собственная идентичность народа - в автостереотипах. В этой связи представляется продуктивным использовать научный аппарат теории кросс-культурной коммуникации, под которой в широком смысле термина следует понимать разные модусы общения между представителями различных человеческих культур (личные контакты между людьми, реже – опосредованные формы коммуникации, такие, как письмо, и массовая коммуникация).

Очевидно, что художественная литература играет большую опосредующую роль в создании определенного имиджа народа и страны, выступая как канал художественной коммуникации, знакомящий свой народ с другим народом. Не в меньшей степени эта роль характерна и для публицистики.

Соответственно, неоспоримо важную значимость имеет анализ произведений английских публицистов о России с точки зрения преломления образа России, исследование восприятия другой культуры, анализа формирования стереотипов, сохранившихся частично и до наших дней, как они в обновлённом виде влияют на общественное мнение и характер политических, экономических и культурных взаимоотношений Англии и России. Учитывая, что влияние публицистических произведений может быть значительным и определяющим дальнейший межкультурный диалог, на первый план при их анализе выдвигается категория межкультурной компетенции их авторов, то есть сама способность понимать и принимать специфические модели восприятия, отношения к миру, мышления и поведения представителей иных, чуждых по отношению к данному индивидууму культур.

ГЛАВА II. Образ послереволюционной России в английской публицистике 20-х гг. XX в. в аспекте кросс-культурной коммуникации Англии и России

2.1. Образ коммунистической России в публицистических произведениях Г. Дж. Уэллса

2.1.1. Личность Г.Дж. Уэллса (к проблеме кросс-культурной компетентности)

Английский писатель, классик научно-фантастической литературы Герберт Джордж Уэллс (1866 – 1946) известен как романист, новеллист, журналист, историк, социальный реформатор. Россию он посещал трижды. В первый раз при царе Николае II – в 1914 году, во второй раз - при коммунистическом вожде В.И. Ленине – в 1920 году, в третий – в период правления И.В. Сталина – в 1934 году. В его творческом наследии есть две работы о России, которые он написал после посещения страны. Это книга «Россия во мгле» («Russia in the Shadows», 1920) и очерк «Беседа тов. Сталина с английским писателем Г. Уэллсом» (1934). В этих произведениях он создает образ России после Февральской и Октябрьской революций 1917 года.

Исследование этого образа с точки зрения кросс-культурного исследования следует начать с указания на масштаб личности собственно субъекта коммуникации, то есть Герберта Уэллса как создателя определенного имиджа Советской России. Уже к моменту первой поездки в Россию в 1914 году Уэллс имел репутацию одного из самых признанных литераторов Великобритании. Он привлекал своих современников не только практически созданной им жанровой формой социально-

философской фантастики, но и очевидным дарованием научного и социального прогнозирования. Кстати, подтверждение пророчеств Уэллса обнаруживалось на протяжении всего XX столетия. М. Шерборн в работе об Уэллсе, написанной уже в XXI веке, обнаруживает в его «scientific romances» много предвидений: «осуществленный полет (и война в воздухе), Европейский союз, фашистские диктатуры, Вторая мировая война, начинающаяся в 1940. Уэллс немедленно понял военное значение атомных исследований, и в его романе 1914 года «Освобожденный Мир» («The World Set Free») показан воображаемый еще процесс, ускоряющий радиоактивный распад, чтобы создать бомбу непрерывного действия, идея, которой позже был вдохновлен физик Лео Сцилард, создавший теорию ядерной цепной реакции. Ему приписывают изобретение войны с использованием ракеты и предвидение Всемирной паутины в его идее о развитии «Мирового Мозга» - организации, которая функционировала бы как обширная и постоянно обновляемая энциклопедия»¹.

Но в еще большей степени Уэллс привлекал как социальный исследователь. Социолог И.Бестужев-Лада так и называет Уэллса, «поскольку его произведения отличает широта и глубина охвата социальных проблем мирового сообщества первой половины XX века»², и утверждает, что Уэллс в своих произведениях не только анализирует социальные проблемы, не только «ставит диагноз», но и предлагает поиск решений, т.е. занимается конструктивной социологией. Это касается не столько произведений утопического характера, в том числе рассматривающих в качестве идеального пути цивилизации объединение народов во «всемирную республику» («Освобожденный мир», 1914, «Спасение цивилизации», 1921), сколько обнаруживающейся в его романах социологии семьи, политики, труда. Разумеется, это касается и

¹ Sherborne, M. H.G.Wells. Another kind of life. - Peter Owen Publishers, 2009. - 405p.

² Бестужев-Лада, И.В. Герберт Уэллс как социолог // Социологические исследования. – 2008.№ 11, Ноябрь.- С. 129.

значительного числа его социально-психологических романов, дававших резко критическую оценку викторианства и его последствий для его соотечественников¹.

Важно отметить, что Г.Дж. Уэллс не был только «кабинетным мыслителем», чистым теоретиком. Он был влиятельным политиком, и его активная политическая деятельность во многом способствовала распространению идей социализма в Англии, во Франции, в США и других странах мира. Также идеи Уэллса оказали существенное влияние на становление лейбористской партии, которая уже на протяжении более чем ста лет является одной из двух основных политических сил в Великобритании.

Г. Дж. Уэллс предложил свою собственную, оригинальную концепцию социального переустройства мира посредством просветительской деятельности, так называемого «интеллектуального меньшинства», в отношении широких народных масс. В своих многочисленных трудах философской и социально-политической тематики Г. Дж. Уэллс обосновал утопическую идею единого Мирового государства «без королей, границ и национализма»².

Формирование социально-политических воззрений Г. Дж. Уэллса произошло под влиянием идеологии и общественно-политической деятельности так называемого «фабианского общества». **Фабианство**, или **фабианский социализм** (*Fabian Socialism*), представляет собой британское философско-экономическое течение, которое возникло в Великобритании в конце XIX в., свой отсчет оно берет с момента создания «Фабианского общества», которое было основано в 1884 г. в Лондоне С. и Б. Веббами, Дж. Дугласом, Х. Коулом и Э. Кеннаном. В разное время в общество входили известные общественные деятели, в том числе премьер-

¹ См. по этому поводу: Новикова В.Г. Британский социальный роман. Докт. Дисс., Нижний Новгород, 2013, с. 154.

² Уэллс, Г. Современная утопия / Г. Уэллс // Г. Уэллс Собр. соч. в 15 т. – М.: Правда, 1964. – Т. 4. – с.84.

министры Великобритании Р. Макдональд, К. Эттли, Г. Вильсон, Дж. Каллаган, Т. Блэр, и выдающиеся писатели Дж. Б. Шоу, Г. Дж. Уэллс и Б. Рассел. Фабианцы не являются политической партией и поэтому не могут выставлять собственных кандидатов на выборы, однако, они поддерживают представителей тех партий, которые близки по своей программе к программе фабианцев.

Политической платформой фабианского движения является умеренный социализм реформаторского толка. На первый план выходит просвещение общества, в результате которого в общественном сознании утверждаются социалистические идеи. Фабианцы не признают социальных переворотов и революций, они исходят из убеждения, что переход от капиталистического общества к социализму должен происходить естественным путем, посредством медленного поступательного движения по пути постепенных социальных реформ как государственного, так и местного, муниципального характера.

Г.Дж. Уэллс состоял в «фабианском обществе» с 1903 по 1908 гг. Несмотря на то, что в дальнейшем он порвал с этим обществом, идеи фабианцев во многом определили эволюцию его социально-политических взглядов. В диссертационном исследовании А.Ф. Яковлевой дана подробная характеристика социальной и политической программы Г. Дж. Уэллса по перестройке старого мира на основе идей разума и справедливости¹.

Как пишет А.Ф. Яковлева: «Утверждается, что наиболее законченное оформление мысли Уэллса о социализме получили в ходе полемики с членами Фабианского общества. Так, уэллсовскую концепцию от фабианской отличает вопрос об организационном оформлении социализма. «Элитарную» форму фабианского социализма Уэллс считает

¹Яковлева, А.Ф. Политическая теория Г. Дж. Уэллса: Автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01 / А.Ф. Яковлева. – М., 2007.

неэффективной, так как их пропаганда не обращена к широким слоям общества и не воспитывает новое поколение образованных социалистов»¹.

Будучи убежденным, хотя и умеренным социалистом, Г.Дж. Уэллс доказывает, что новое, более совершенное устройство общества должно быть основано посредством отмены частной собственности на землю, на природные богатства. Именно такое общество он и называет «социалистическим». Г.Дж. Уэллс утверждает, что есть такие виды собственности, которые по природе своей являются общественными, потому что должны служить всему населению в целом, вне классовых и сословных различий, – это земля, природные ресурсы, транспорт и пути сообщения, национальные банки и пр. Общество в лице своих избранных представителей назначает распорядителей этими видами собственности. Избранными представителями являются лица, принадлежащие к так называемой «интеллектуальной элите», которая и стоит во главе государства нового типа. Элита определяется не по классовой принадлежности, а по уровню образования, социальной ответственности и четкому видению общественного блага. Она и составляет так называемый «центральный», «средний класс» общества как основу социально-политической организации государства.

Подобное положение вещей может быть достигнуто только путем неустанного, постоянного повышения интеллектуального и духовного уровня «центрального класса». Поэтому социализм Г.Дж. Уэллса – это просветительский социализм, основанный на постепенном изменении общественного сознания людей в нужном направлении с помощью образования, культурного развития, средств социальной пропаганды. Социализм Уэллса не связан с идеей освобождения рабочего класса от власти капитала, он выступает как продукт общественного согласия

¹Яковлева, А.Ф. Политическая теория Г. Дж. Уэллса: Автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01 / А.Ф. Яковлева. – М., 2007. – С. 13.

классов на основе всеобщего просвещения. В связи с этим Г. Дж. Уэллс не приемлет идеи непреодолимого антагонизма классов общества, классовой борьбы и революционного насилия. Эти идеи легли в основу восприятия новой для него страны, России, в которой он искал реализацию данной модели развития общества.

Самое главное в концепции Г. Дж. Уэллса – это убежденность в необходимости полной и массовой переориентации человеческого сознания, без преодоления наступившего в начале XX в. мирового кризиса, выразившегося, кстати, в череде разрушительных войн, главной из которых была Первая мировая война.

Закономерным итогом развития современного общества должно стать образование **мирового федеративного государства**, которое возникает в результате разрушительных войн на основе тотального признания необходимости мирного сосуществования в масштабах всего человечества. Социально-политическим механизмом, который в будущем осуществит идею мировых республик, является предлагаемая Г. Дж. Уэллсом **«концепция открытого заговора»**, который призван объединить наиболее передовых, наиболее одаренных представителей «центрального класса» – будущих управляющих мировой республики. «Открытый заговор», по Г. Дж. Уэллсу, не является разновидностью партии или политического клуба. Это именно свободное объединение сознательных и просвещенных людей различных национальностей, самых разных социальных слоев и профессиональных областей, которые согласованно и организовано осуществляют совместную деятельность в области социально-политической пропаганды, научно-профессионального образования и культурного просвещения широких масс людей с целью постепенного построения мирового федерального государства.

Первая задача для совместной деятельности в указанных направлениях связана с осознанием необходимости преодоления

национальных границ, культурных и религиозных барьеров (идея всеобъемлющего «космополитизма» Г. Дж. Уэллса) и, как следствие этого, – свободного обмена в мировой политике, экономике, культуре, научной мысли и общественной практике. В этом смысле Уэллс был предшественником современных теорий глобализма и стирания границ между государствами в едином экономическом, политическом и культурном пространстве¹.

Нетрудно заметить, что романы Уэллса во многом являются иллюстрацией его социально-политических идей, в которых он, несмотря на декларируемый практицизм и «научность» методов анализа, предстает, прежде всего, утопистом. Именно в этом ключе следует трактовать и его знаменитую характеристику Ленина как «кремлевского мечтателя», и многие другие, на первый взгляд, неожиданные и странные интерпретации людей и событий на страницах книги «Россия во мгле». Г. Дж. Уэллса все время привлекал опыт русской революции, в которой он видит примечательный социально-политический эксперимент, в ходе которого происходит закономерная смена отживших старых форм общественной формации на новые. По мысли Г. Дж. Уэллса, империалистическое мироустройство приводит к неизбежности мировой войны, катастрофической по своим масштабам; эта надвигающаяся война приведет к краху цивилизации, а те, кто уцелеет, будут поставлены перед необходимостью коренного преобразования общественно-политической системы в масштабе всего мира. Именно русская революция, по мнению Г. Дж. Уэллса, является подтверждением его мыслей о том, что существующие в современном ему мире формы социальной организации сами собой развалятся в результате войны. При этом Г. Дж. Уэллс, как

¹Яковлева, А.Ф. Политическая теория Г. Дж. Уэллса: Автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01 / А.Ф. Яковлева. – М., 2007.

сторонник реформаторского социализма, не принимает крайностей русской революции – диктатуры пролетариата и «красного террора».

Таким образом, социальные воззрения Уэллса, явившиеся результатом его теоретических изысканий, практической деятельности и литературного творчества, образовали автостереотипы, которые явились базой, фундаментом его сознания перед приездом в страну и погружения в русскую культуру, составили основу для описания действительности, исходящего не только из реальных событий, но и из убеждений автора.

Масштаб личности Уэллса является значимым и в том смысле, что его посещение России воспринимается как важное событие в нашей стране, вызвавшее интерес как интеллигенции, хорошо знакомой с его творчеством, так и партийных деятелей, включая главного из них – В.И. Ленина.

2.1.2 Формирование гетеростереотипов в книге «Россия во мгле»

По итогам своего посещения послереволюционной России Уэллс создает книгу «Россия во мгле» (1920). Она представляет собой серию из 7 статей, написанных Уэллсом для газеты «The Sunday Express», которые оформлены как отдельные главы. С точки зрения типов кросс-культурной коммуникации публицистическое произведение Уэллса можно охарактеризовать как **профессиональный тип коммуникации**, так как в процессе поездки в Россию он собирал фактографический материал для публикаций в журнале: таким образом, описание актов кросс-культурной коммуникации использовались в профессиональной деятельности Герберта Уэллса. По этому же критерию кросс-культурная коммуникация может расцениваться как **массовая**, потому что предназначена для осуществления через посредника – СМИ.

Первая глава посвящена описанию города, в который приехал писатель «Гибнущий Петроград» («Petersburg in Collapse»¹); вторая глава получила название «Потоп и спасательные станции» («Drift and Salvage»), в ней даны описания встреч Уэллса с учёными, писателями, музыкантами на фоне «краха» экономической, политической и социальной системы; третью главу автор посвящает встречам с представителями правительства и политическими деятелями: «Квинтэссенция большевизма» («The Quintessence of Bolshevism»); описания посещения рядовых школ, распределительных мест, районных кухонь легли в основу четвертой главы «Созидательная работа в России» («The Creative Effort in Russia»); активное участие в заседании Петроградского совета отражено в одноименной главе «Петроградский Совет» («The Petersburg Soviet»); шестая глава «Кремлевский мечтатель» («The Dreamer in the Kremlin») описывает главное событие и, собственно, цель поездки Уэллса из Петрограда в Москву – это встреча с В.И. Лениным; обобщения и выводы о поездке в Россию, а так же соображения автора о развитии событий во всем мире располагаются в седьмой главе «Заключение» («The Envoy»).

Переводчиками этой книги являются супруги Всеволод Владимирович Пастоев и Инна Михайловна Виккер. Всеволод Владимирович Пастоев (Ленинград) – советский дипломатический работник, переводчик-синхронист. Во время Великой отечественной войны был консулом СССР в Лос-Анджелесе, затем старшим помощником министра иностранных дел, затем – заведующим Отделом переводов МИД СССР. Инна Михайловна Виккер (Ростов, Москва) преподавала иностранные языки в ИФЛИ и также работала переводчиком-синхронистом с английского и немецкого языка. В основном переводчики

¹Здесь и далее английский текст произведения H.G. Wells, «Russia in the Shadows» цитируется по электронной версии репринтного первого издания: Wells, H. G. Russia in the Shadows / H. G. Wells. – L.: Hodder & Stoughton, Ltd., 1920. – Электронная версия: Сайт Project Gutenberg Australia: A Treasure-trove of Literature [Электронный ресурс]. – URL: <http://gutenberg.net.au/ebooks06/0602371h.html#chap01>

переводили публицистические и документальные произведения Г. Дж. Уэллса, затем вошедшие в 15-томное собрание сочинений писателя на русском языке.

Герберт Уэллс, приехав в Советскую Россию, к которой Запад в целом относился враждебно, был преисполнен намерений стать свидетелем глобальных социальных революционных перемен, собрать разрозненные подробности в целостную картину происходящих событий, реализуя тем самым межличностный тип коммуникации, основополагающий принцип которого «взгляд изнутри».

В первой же главе «Гибнущий Петроград» Уэллс-утопист обращается к социально-политической оценке происходящего: «Насквозь прогнившая Российская империя – часть старого цивилизованного мира, существовавшая до 1914 года, – не вынесла того напряжения, которого требовал ее агрессивный империализм; она пала, и ее больше нет. Крестьянство, бывшее основанием прежней государственной пирамиды, осталось на своей земле и живет почти так же, как оно жило всегда. Все остальное развалилось или разваливается («Everything else is broken down, or is breaking down»»)» (С. 323). Уже в этой главе начинается формирование определенного гетеростереотипа новой России, так как, описывая гибель русской цивилизации, Г. Дж. Уэллс, как социалист и противник империализма, возлагает за это ответственность на павшее царское правительство, на непомерные аппетиты империи Николая II, а не на большевиков, которые представляются ему благом – единственной силой, несущей организацию и порядок в мир хаоса: «Среди этой необъятной разрухи руководство взяло на себя правительство, выдвинутое чрезвычайными обстоятельствами и опирающееся на дисциплинированную партию, насчитывающую примерно 150.000 сторонников, – партию коммунистов. Ценой многочисленных расстрелов оно подавило бандитизм, установило некоторый порядок и безопасность в

измученных городах и ввело жесткую систему распределения продуктов» (С. 323). «Остаток сил уходит у них на то, чтобы спасти Россию от голодной смерти и установить какой-то общественный порядок среди всеобщего развала» (глава «Квинтэссенция большевизма» («The Quintessence of Bolshevism»))

Красной нитью проходит через весь текст «России во мгле» тема созидательства (примечательно в этом плане название главы IV. «Созидательная работа в России» («The Creative Effort in Russia»)), которое осуществляет «жизнерадостный, здоровый человек» (С. 361): «И во всей России и среди русских, разбросанных по всему свету, была лишь одна организация, объединенная общей верой, общей волей, общей программой; это была партия коммунистов. В то время как вся остальная Россия была либо пассивна, как крестьянство, либо занималась бесплодными спорами, либо предавалась насилию или дрожала от страха, коммунисты, воодушевленные своими идеями, были готовы к действию. <...>Партия насчитывает не более 600.000 человек; из них, вероятно, не больше 150.000 активных членов. Тем не менее, она сумела захватить и удержать власть в развалившейся Империи, потому что в те страшные дни она была единственной организацией, которая давала людям единую установку, единый план действий, чувство взаимного доверия. Это было и есть единственно возможное в России, идейно сплоченное правительство» (С. 368).

Г. Дж. Уэллс весьма проницательно отмечает причины, позволившие большевикам взять и сохранить власть в обездоленной и измученной войной стране. Но при этом он (несколько идеалистично) убежден, что именно с большевиками связано возрождение России: «Большевики, составлявшие менее пяти процентов населения, сумели захватить и удержать власть в стране только потому, что во время этой грандиозной катастрофы они явились единственной группой людей, связанных

общностью убеждений и стремлений. Я не разделяю их убеждений, мне смешон их пророк Маркс, но я понимаю и уважаю их стремления. Несмотря на все свои недостатки – а их отнюдь не мало, – только они могли стать стеновым хребтом возрождающейся России. **И только на основе Советской власти может она вернуться к цивилизации** [*здесь и далее – выделено нами, А.С.*]» (С. 360). – По-английски используется емкая форма *recivilising* («ре-цивилизация» России) – («The recivilising of Russia must be done with the Soviet Government as the starting phase»).

Отметим, что Г. Дж. Уэллс несколько односторонне видит в большевиках исключительно созидательную силу, противостоящую социальной катастрофе. Он с презрением пишет о деструктивной и бездарной эмигрантской публике, справедливо отмечая их полную невозможность стать альтернативой Советской власти в деле возрождения страны: «Политический облик русских эмигрантов в Англии вызывает презрение. Они бесконечно твердят о «зверствах большевиков»: крестьяне поджигают усадьбы, разбежавшаяся солдатня грабит и убивает в глухих переулках, и все это – дело рук большевистского правительства. Спросите их, какое же правительство они хотят вместо него, и в ответ они несут избитый вздор, обычно приспособляясь к предполагаемым политическим симпатиям своего собеседника. Они надоедают вам до тошноты, восхваляя очередного сверхчеловека, Деникина или Врангеля, который наведет, наконец, полный порядок, хотя одному господу богу известно, как он это сделает. Эти эмигранты не заслуживают ничего лучшего, чем царь, и они не в состоянии даже решить, какого царя они хотят» (С. 361).

Писатель рассматривает большевиков как спасителей рушащейся русской цивилизации. Более того, Уэллс видит в них основу для объединения распавшейся на лагери России: «Лучшая часть русской интеллигенции, еще оставшаяся в России, постепенно начинает – во имя

России – пока неохотно, но честно сотрудничать с большевиками» (С. 381).

Уэллс не замечает, что, возможно, и сама партия большевиков приложила руку к развалу старой России, что и ее деятели во многом способствовали развязыванию братоубийственной гражданской войны.

При этом сам писатель утверждает, что «большевики исключительно неопытны как государственные деятели, – это интеллигенты - эмигранты из Женевы и Хэмпстэда и сравнительно малокультурные рабочие, вернувшиеся из Соединенных Штатов. Со времен ранних мусульман, захвативших власть над Египтом, Сирией и Месопотамией, история не знала еще такого дилетантского правительства» (С. 362) – в оригинале *amateurish* («любительский»), ср.: «Never was there so amateurish a government since the early Moslim found themselves in control of Cairo, Damascus, and Mesopotamia». Однако даже эта неопытность, не слишком привлекательная черта для кризисного правительства, вызывает умиление Г. Дж. Уэллса, потому что эти люди – те немногие, кто хоть что-то делает в вялой и апатичной России.

Признаки поверхностного понимания или даже непонимания происходящего в России Уэллсом можно объяснить различиями в типах контекста культуры. Уэллс, как представитель низкоконтекстуальной культуры, где ценится прямая манера речи и рациональность в ведении дел, может воспринимать особенности речи и ведения дел в высококонтекстуальной культуре, к которой принадлежит Россия, как бессодержательность, пустословие и неорганизованность. Для него это «русская непрактичность и неумение доводить дело до конца». На самом же деле, для представителей стран с высококонтекстуальным типом культуры невозможно отделить дело от межличностных отношений, для них характерна обязательная избыточность информации, а чисто деловой

успех не может оцениваться положительно без достижения хороших чувств друг к другу.

То же можно сказать и о расхождении в восприятии и оценке речи и действий человека в культурах монохронных, ориентированных на пунктуальность и рациональное использование времени, и в культурах полихронных, в которых общение с человеком рассматривается как более важное действие, чем принятый план действий. Пунктуальный англичанин Уэллс не может понять, как русские могут заполнять свое время не имеющими отношения к поставленной задаче вещами (для него это трата времени «на пустые споры и беспочвенные авантюры»).

Представители полихронных культур делают несколько дел одновременно, чаще прерывают свою работу, придают меньше значения договоренностям о встречах, чем человеческим взаимоотношениям. Они часто меняют свои планы, больше интересуются личными делами, их пунктуальность зависит от взаимоотношений, они склонны устанавливать отношения с другими на всю жизнь на эмоциональной основе. Это недопустимо и непонятно типичному англичанину Уэллсу, для которого право на неприкосновенность частной жизни и ответственность за дело являются главными жизненными установками.

Кросс-культурная интерпретация важна и для возможного объяснения загадочной любви Уэллса к большевикам: коммунисты, благодаря своей педантичности, рациональности, организованности и полной чуждости всяким эмоциям, гораздо ближе и понятнее представителю низкоконтекстуальной и монохронной английской культуры, чем остальные русские.

Идеализация большевиков вполне соответствовала демократическим убеждениям писателя, который видел в них то, что хотел видеть: силу, разрушающую ненавистный Уэллсу империализм и на его обломках строящую новый, справедливый мир. С этим связаны небесспорные

суждения Г. Дж. Уэллса о *моральном превосходстве* коммунистов над остальными силами России 1920 г.: «Коммунисты же, что бы о них ни говорили, – это **люди идеи**, и можно не сомневаться, что они будут за свои идеи бороться. Сегодня **коммунисты морально стоят** выше всех своих противников» (С. 267), ср.: «So far it is a thing morally higher than anything that has yet come against it».

Так антиутопия Уэллса легко переходит в утопию. Он не мог или не хотел усмотреть в чертах возводимого нового порядка признаки тоталитаризма, угнетения свободы личности, т.е. отрицание тех демократических ценностей, прав и свобод, поборником которых писатель был всю свою жизнь. Для него большевистское правительство – это лишь один из вариантов обычного европейского правительства, правда, творящего общественный порядок в невыносимо сложных условиях: «И, по-моему, сейчас большевистское правительство в Москве не менее устойчиво, чем любое правительство в Европе, и улицы русских городов так же безопасны, как улицы европейских городов» (С. 369).

В обосновании своих социально-политических идей на примере российской действительности Уэллс заходит настолько далеко, что оправдывает **«красный террор»** и зверства ЧК – одну из самых трагичных страниц многострадальной российской истории первой половины XX в. На страницах «России во мгле» красный террор по признаку разумности и оправданности противопоставляется воистину беспощадному белому террору деникинцев и др.: «Для того, чтобы удержать власть, коммунистическое правительство создало Чрезвычайную Комиссию, наделив ее почти неограниченными полномочиями, и красным террором подавило всякое сопротивление. Красный террор повинен во многих ужасных жестокостях; его проводили по большей части ограниченные люди, ослепленные классовой ненавистью и страхом перед контрреволюцией, **но эти фанатики по крайней мере были честны**. За

отдельными исключениями, расстрелы ЧК вызывались определенными причинами и преследовали определенные цели, и это кровопролитие не имело ничего общего с бессмысленной резней деникинского режима, не признававшего даже, как мне говорили, советского Красного Креста» (С. 373), ср.: «To retain its power this Communist Government organised Extraordinary Commissions, with practically unlimited powers, and crushed out all opposition by a Red Terror. Much that that Red Terror did was cruel and frightful, it was largely controlled by narrow-minded men, and many of its officials were inspired by social hatred and the fear of counter-revolution, but if it was fanatical it was honest. Apart from individual atrocities it did on the whole kill for a reason and to an end. Its bloodshed was not like the silly aimless butcheries of the Deniken régime, which would not even recognise, I was told, the Bolshevik Red Cross».

При этом Г. Дж. Уэллс поневоле разделяет стереотипные представления о России, свойственные лагерю «врагов», общих для большевиков и самого Уэллса. Это прежде всего миф о вялой и апатичной России, которая почему-то нуждается в «вечном подгонянии», в насильственном принуждении к прогрессу и европейским либеральным ценностям, – этот миф выступает вообще как один из самых живучих западных гетеростереотипов, который, впрочем, всячески поддерживался и самими русскими авторами (Н.А. Бердяев и др.).

2.1.3. Характер кросс-культурной коммуникации в публицистике Г.Дж. Уэллса (функциональный критерий)

«Россия во мгле» Герберта Уэллса с точки зрения функционального критерия теории кросс-культурной коммуникации является **информативным** типом (так как осуществлялся сбор информации и аналитический способ ее подачи), но с элементами **аффективно-**

оценочной коммуникации: это можно видеть на примере описаний разоренного Петербурга, утренней златоглавой Москвы, а также в многочисленных авторских комментариях, в том числе иронического и сатирического характера.

Общее впечатление от первых страниц книги угнетающее. Уэллс подробно, с присущей писательскому взору дотошностью и наблюдательностью, описывает все признаки социального коллапса и гуманитарной катастрофы, в которую Россию ввергли последствия Первой мировой войны: «Основное наше впечатление от положения в России – это картина колоссального непоправимого краха. («Our dominant impression of things Russian is an impression of a vast irreparable breakdown»). Громадная монархия, которую я видел в 1914 году, с ее административной, социальной и экономической системами рухнула и разбилась вдребезги под тяжким бременем шести лет непрерывных войн. История не знала еще такой грандиозной катастрофы. На наш взгляд, этот крах затмевает даже саму Революцию («The fact of the Revolution is, to our minds, altogether dwarfed by the fact of this downfall»)» (С. 322)¹.

Восторженность Уэллса и его стереотипные представления при виде ужаса и разрухи Петрограда трансформируются, становятся похожи на страницы уже не утопии, а мрачного **антиутопического** научно-фантастического романа: «Нигде в России эта катастрофа не видна с такой беспощадной ясностью, как в Петрограде («Nowhere in all Russia is the fact of that crash so completely evident as it is in Petersburg»)» (С. 322). Кстати, обратим внимание, что в оригинале Уэллс везде именуется Петроград в соответствии с традиционной версией названия города – «Петербург», т.е. именем, под которым его знают в Европе. Новомодный «Петроград» чужд автору «России во мгле», прежнее название города помогает приблизиться

¹Здесь и далее русский текст произведения Г.Дж. Уэллса «Россия во мгле» цитируется по изданию: Уэллс, Г. Россия во мгле / Г. Уэллс; пер. с англ. В. Пастоева и И. Виккер; предисл. Г. Кржижановского. – М.: Политиздат, 1958. В дальнейшем в скобках приводятся только номера страниц издания.

к гетеростереотипности английского читателя и в большей мере подвергнуть её деформации.

Ранее, в январе 1914 года писатель уже посещал Петроград. Теперь, в 1920 г., Уэллса потрясла увиденная картина «гибнущего», «угасающего» города. Великое творение Петра представляло собой жалкое зрелище: «Дворцы Петрограда безмолвны и пусты или же нелепо перегорожены фанерой и заставлены столами и пишущими машинками учреждений нового режима» (С. 324). («Its palaces are still and empty, or strangely refurnished with the typewriter's and tables and plank partitions of a new Administration which is engaged chiefly in a strenuous struggle against famine and the foreign invader»). Разруха полная: нехватка продовольствия, потому что магазины, « в которых шла оживленная торговля, ... закрыты» (С. 325), трамваи переломаны, дороги разбиты, наступил страшный топливный кризис. Но на фоне всеобщего хаоса Уэллс отмечает удивительную, на его взгляд, деталь: цветочные магазины. «Поразительно, что цветы до сих пор продаются и покупаются в этом городе, где большинство жителей почти умирают с голоду и вряд ли у кого найдется второй костюм или смена изношенного и залатанного белья» (С. 325). Этот факт поражает и в то же время восхищает писателя: царствует голод, разруха, не хватает продуктов; а люди все равно ценят хрупкую красоту, хоть как-то согревающую душу и сердце.

Снова и снова автор возвращается к ужасающей картине петроградских улиц, быта: «магазины... имеют самый жалкий... вид. Краска облупилась, витрины облупились.... Это мертвые магазины» (С. 326). «Мертвые магазины» – метафора, но совсем не метафорична картина перерезанного трамваем ребенка.... Таковы ужасающие реалии существующей действительности.

Духовный подъём, энтузиазм масс, вдохновляемых объединяющей общенациональной идеей строительства нового мира, бросалось писателю

в глаза. Беспрецедентный патриотизм, уверенность в правильности выбранного пути восхищали Уэллса. Но это одна сторона медали. А другая... «Люди обносились, все они, и в Москве, и в Петрограде тащат с собой какие-то узлы. Когда ... видишь лишь спешащих бедно одетых людей, которые тащат какую-то поклажу, создается впечатление, что все население бежит из города» (С. 321). Непримируемая борьба ведется со спекуляцией. «С пойманным спекулянтom ... разговор короткий - его расстреливают. ... Всякая торговля сейчас называется «спекуляцией» и считается незаконной. Но на мелкую торговлю из-под полы продуктами и всякой всячиной ... смотрят сквозь пальцы, ... потому что это единственный способ побудить крестьян привозить продукты» (С. 321).

Все слои общества, включая и должностных лиц, испытывают невероятные лишения: «Кредитная система и промышленность, выпускавшая предметы потребления, вышли из строя, и пока что все попытки заменить их каким-либо иным способом производства и распределения оказались несостоятельными. Поэтому нигде не видно новых вещей» (С. 327).

Примечательно, что описание ужасов разрухи включает в себя, помимо всего прочего, констатацию невозможности «достать такие вещи, как «воротнички, галстуки, шнурки для ботинок, простыни и одеяла, ложки и вилки, всяческую галантерею и обыкновенную посуду» – в оригинале используется более сильное *unattainable* – «недостигаемы» («But such things as collars, ties, shoelaces, sheets and blankets, spoons and forks, all the haberdashery and crockery of life, are unattainable»). Это выдает в писателе специфику точки зрения на происходящее со стороны представителя иной, английской культуры, которая плотно заселена всякими полезными для обывательской жизни мелочами, он ценит бытовые удобства выше мировой революции.

Тотальная нехватка почти всех приоритетов потребления, чёрный рынок, карточная система распределения вызывали необходимость скорейшего наведения порядка во всех сферах новой жизни. И это призвано сделать правительство большевиков. Г. Дж Уэллс отмечает, что это «единственное правительство, возможное в России в настоящее время. Оно воплощает в себе единственную идею, оставшуюся в России, единственное, что ее сплачивает» (С. 323). («It is, I would say at once, the only possible Government in Russia at the present time. It is the only idea, it supplies the only solidarity, left in Russia»).

Что касается возрождения основ культуры и науки, народного просвещения, которые находились в 1920 г. в ужасающем состоянии, Уэллс сочувственно описывает трудности, с которыми столкнулось большевистское правительство на этом пути: «Оказывается, что у марксистского коммунизма нет никаких планов и идей относительно интеллектуальной жизни общества. Марксистский коммунизм всегда являлся теорией подготовки революции, теорией, не только лишенной созидательных, творческих идей, но прямо враждебной им.<...> Наряду со множеством других созидательных проблем русское коммунистическое правительство вплотную столкнулось сейчас с проблемой сохранения научной жизни, мысли и обмена мнениями, содействия художественному творчеству. Пророк Маркс и его Священное писание не дают никаких наставлений по всем этим вопросам. Поэтому, не имея готовой программы, большевики вынуждены неуклюже импровизировать и ограничиваться пока отчаянными попытками спасти обломки прежней интеллектуальной жизни. Но ее можно уподобить очень больному и несчастному существу, готовому в любую минуту погибнуть у них на руках» (С. 364). («Marx the Prophet and his Sacred Book supply it with no lead at all in the matter. Bolshevism, having no schemes, must improvise therefore—clumsily, and is reduced to these pathetic attempts to salvage the wreckage of the intellectual life

of the old order. And that life is very sick and unhappy and seems likely to die on its hands»).

Ср. также – в другом месте: «Большевицкое правительство – самое смелое и в то же время самое неопытное из всех правительств мира. В некоторых отношениях оно поразительно неумело и во многих вопросах совершенно несведуще. Оно исполнено нелепых подозрений насчет дьявольских хитростей «капитализма» и незримых интриг реакции; временами оно начинает испытывать страх и совершает жестокости. Но **по существу своему оно честно. В наше время это самое бесхитростное правительство в мире**» (С. 371). – в оригинале *simple-minded* («простодушный»), ср.: «But essentially it is honest. It is the most simple-minded Government that exists in the world to-day».

С гетеростереотипами связана и определенная тенденциозность, с которой Уэллс довольно подробно характеризует самые разные слои русского общества. Так, по отношению к русским крестьянам он высказывает точку зрения, которая сделала бы честь самому Ленину – он отмечает политическую пассивность крестьянства, склонность к индивидуализму. «Крестьянство, бывшее основанием государственной пирамиды, осталось на своей земле и живет почти так же, как оно жило всегда, остальное все развалилось или разваливается» (С. 326). «У крестьян сытый вид, и я сомневаюсь, чтобы им жилось много хуже, чем в 1914 году. Вероятно, им живется даже лучше. У них больше земли, чем раньше, и они избавились от помещиков. Они не примут участия в какой-либо попытке свергнуть советское правительство, так как уверены, что, пока оно у власти, теперешнее положение вещей сохранится. ...Иной раз они нападают на небольшие отряды красногвардейцев и жестоко расправляются с ними. ...Просто-напросто крестьяне стараются повольготнее устроиться при существующем режиме» (С. 344).

В этих оценках Уэллс вполне смыкается с русской демократической интеллигенцией, которая с недоверием относилась к крестьянской массе, отсталой и невежественной. Не о том ли пишет и Г. Дж. Уэллс: «Огромная масса населения России – крестьяне, неграмотные, жадные и политически пассивные. Они суеверны, постоянно крестятся и прикладываются к иконам – особенно это заметно в Москве, – но они далеки от истинной религии. Политические и социальные вопросы интересуют их только, поскольку дело идет об их собственных нуждах. В основном большевиками они довольны. Православный священник совершенно не похож на католического священника Западной Европы; он сам – типичный мужик, грязный и неграмотный, не имеющий никакого влияния на совесть и волю своей паствы. Ни у крестьян, ни у духовенства нет никакого творческого начала. Что касается остальных русских, как в самой стране, так и за ее пределами, – это **пестрая смесь более или менее культурных людей, не связанных ни общими политическими идеями, ни общими стремлениями. Они способны только на пустые споры и беспочвенные авантюры**» (С. 359-360) – в оригинале вместо «более или менее культурные» использовано более сильное и конкретное *more or less civilized* («более или менее цивилизованные»), ср.: «For the rest there is a confusion of more or less civilised Russians, in and out of Russia, with no common political ideas and with no common will. They are incapable of producing anything but adventurers and disputes».

В противовес крестьянам и «остальной России» Уэллс отмечает революционную сознательность пролетариата, его «честный фанатизм и почти религиозный революционный пыл» (С. 330). С такими взглядами Уэллса вполне можно было принимать в партию большевиков. Возможно, писатель несколько преувеличил сытый вид крестьян в голодной стране, приняв за крестьян тех многочисленных спекулянтов продовольствием, которые в обилии скапливались на рыночных площадях,

железнодорожных станциях и вокзалах. Также едва ли он был на остановившихся заводах, что обрекло на голод и нищету большинство из пролетариев, так что этот пыл, скорее, был не от фанатизма, а от нехватки пищи.

Очевидная положительная сторона культурной позиции Уэллса в отношении изображения Другого – это его честность и непредвзятость. Он развенчивает основные мифы, распространяемые европейской реакционной пропагандой.

Первый такой миф отражен в расхожем и растиражированном основными европейскими СМИ убеждении в том, что к упадку и разрушению прежнюю Россию привели большевики. Уэллс категорически настаивает, что «не коммунизм, а капитализм [выделено нами – А.С.] построил эти громадные, немислимые города, не коммунизм, а европейский империализм втянул эту огромную, расшатанную, обанкротившуюся империю в шестилетнюю изнурительную войну, не коммунизм терзал эту страдающую и, быть может, погибающую Россию субсидированными извне непрерывными нападениями, вторжениями, мятежами, душил ее чудовищно жестокой блокадой» (С. 384)

Писатель афористически заключает: «Мстительный французский кредитор, тупой английский журналист несут гораздо большую ответственность за эти смертные муки, чем любой коммунист» (С. 384), ср.: «The vindictive French creditor, the journalistic British oaf, are far more responsible for these deathbed miseries than any communist».

Второй миф касается расхожих измышлений о природе большевизма как разновидности «некоего тайного всемирного заговора»: «По версии наиболее безумной части английской прессы, это участники некоего загадочного расистского заговора, агенты тайного общества, в котором перемешались самым диким образом евреи, иезуиты, франкмасоны и немцы» (С. 343). Уэллс аргументированно доказывает, что «загадочные»

большевики суть плоть от плоти русские, порождения социальных и культурных противоречий русской истории, несмотря на увлеченность идеями западного происхождения – марксизмом. Это несправедливый общественный строй изматывает, калечит, ожесточает честных и полных энергии людей. «Это общее негодование сблизило нас, как братьев.

Именно это негодование молодости, жизненных сил, отвергнутых, не нашедших применения, а не какие-то экономические теории, вдохновляет и объединяет марксистское движение во всем мире. Дело не в том, что Маркс был безгранично мудр, а в том, что наш экономический строй неразумен, эгоистичен, расточителен и анархичен» (С. 345).

Но, развенчивая расхожие мифы «империалистической пропаганды», Уэллс и сам не свободен от некоторых распространенных гетеростереотипов в отношении образа России. Особенно это касается тех фрагментов «России во мгле», которые касаются темы русского характера.

В России, как заметил Уэллс, можно видеть рядом «достойное восхищения и нелепое» (С. 351). Если бы он читал Ф.И. Тютчева, он вполне мог бы разделить знаменитое: «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить». Анализируя русский национальный характер, Герберт Уэллс остро пишет о склонности к спорам и дискуссиям – как строить новую жизнь, к беспочвенным авантюрам, отсутствию дисциплины, непрактичности.

Так, явно чтением русской литературы навеяны представления об «известной русской непрактичности и неумении доводить дело до конца» в следующем фрагменте: «И вот, когда произошла катастрофа в России, где не осталось других сил, которые могли бы бескорыстно сплотиться для общего блага, из Америки и Западной Европы вернулось много эмигрантов, энергичных, полных энтузиазма, еще молодых людей, утративших в более предприимчивом западном мире **привычную**

русскую непрактичность и научившихся доводить дело до конца» (С. 359).

В другом месте говорится, что русские в основной массе (за исключением их наиболее организованной части – большевиков) «способны только на пустые споры и беспочвенные авантюры» (С. 332).

При этом в новой русской действительности парадоксальным образом соединяются тотальная бюрократизация и небрежность в делопроизводстве: «Самое обычное делопроизводство в русских правительственных учреждениях ведется из рук вон плохо, с неопишуемой расхлябанностью и небрежностью. («The ordinary work in the Government offices of Russia is shockingly done; the slackness and inaccuracy are indescribable»). Создается впечатление, что служащие тонут в ворохе неразобранных дел и горах окурков. И этого тоже не смог бы изменить никакой контрреволюционный переворот; это **неотъемлемая черта современной русской действительности**. Я говорю об этой русской неорганизованности с особенной резкостью, потому что из-за нее я не смог встретиться с Луначарским» (С. 348).

Когда большевики, придя к власти, «установили самый жесткий контроль и нормирование», они сделали это «вопреки всем русским привычкам и традициям». Здесь мы видим смутный отголосок идеи о странной нелюбви русских к порядку, о тяготении к анархии и установке на сопротивление всякой власти.

«По традициям и привычкам русские – **индивидуалисты и любители поторговать**; чтобы построить новый мир, нужно сперва изменить всю их психологию» (С. 378). Непонятно откуда взялся у Уэллса гетеростереотип: «Русские всегда любили поторговать и поторговаться» (С. 327). Или писатель принял за торговлю тот вынужденный натуральный обмен, когда, чтобы не умереть с голоду, за хлеб отдавали семейные драгоценности?

Русские, в массе своей, неграмотны. Это убеждение Уэллса можно видеть в следующем примере: «Как раз напротив нее на стене дома выведен в рамке знаменитый ныне лозунг: «Религия – опиум для народа». Действенность этой надписи, сделанной в начале революции, значительно снижается тем, что **русский народ не умеет читать**» (С. 376). – («Just opposite to it, on a plaster panel on a house front, is that now celebrated inscription put up by one of the early revolutionary administrations in Moscow: «Religion is the Opium of the People.» The effect this inscription produces is greatly reduced by the fact that **in Russia the people cannot read**»).

Дело в том, что подобный взгляд на крестьянство как на косную, невежественную массу вообще характерен для демократически настроенных левых общественных деятелей, деятелей культуры и литературы: «Крестьяне совершенно невежественны и в массе своей тупы, они способны сопротивляться, когда вмешиваются в их дела, но не умеют предвидеть и организовывать» (С. 384). Именно согласно подобным взглядам всему многомиллионному русскому крестьянству высокомерно отказано в наличии творческого духа и какой-либо культуры: «Ни у крестьян, ни у духовенства нет никакого творческого начала («constructive quality»))» (С. 332).

Даже традиционное представление об особой религиозности русского народа, которое присутствовало почти у всех иностранцев, писавших о России, Г. Дж. Уэллс подвергает иронической дискредитации. С одной стороны, писатель поэтично изображает московские церкви, заполненные народом, несмотря на официальный атеизм большевистской власти: «Десять тысяч крестов московских церквей все еще сверкают на солнце. <...> Церкви открыты; толпы молящихся усердно прикладываются к иконам, нищим все еще порой удается выпросить милостыню. Особенной популярностью пользуется знаменитая часовня чудотворной

Иверской божьей матери возле Спасских ворот; многие крестьянки, не сумевшие пробраться внутрь, целуют ее каменные стены» (С. 376).

С другой стороны, писатель почему-то считает это лишь внешним проявлением следования традиции: «Огромная масса населения России – крестьяне, неграмотные, жадные и политически пассивные. Они суеверны, постоянно крестятся и прикладываются к иконам – особенно это заметно в Москве, – но они далеки от истинной религии» (С. 332), ср.: «The great mass of the Russian population is an entirely illiterate peasantry, grossly materialistic and politically indifferent. They are superstitious, they are for ever crossing themselves and kissing images,–in Moscow particularly they were at it–but they are not religious».

Подобные суждения довольно поверхностны, потому что они никак не аргументируются и не подтверждаются практикой русской жизни. Во всяком случае, об этой стороне русской действительности Уэллс как атеист имеет весьма смутное понятие, чтобы так безапелляционно судить о возможной религиозности или, напротив, нерелигиозности русских.

В главе «Заключение» Уэллс обращается к странам Европы и США с призывом о помощи России: «Еще один год гражданской войны – и окончательный уход России из семьи цивилизованных народов станет неизбежным. Поэтому мы должны приспособиться к большевистскому правительству, нравится нам это или нет» (С. 386).

2.1.4 Типология дистантных отношений: личные встречи Г. Дж.

Уэллса в России (по материалам книги «Россия во мгле»)

При посещении Уэллсом России мы можем говорить о **межличностном типе коммуникации** (по количеству участников и характеру дистантных отношений). Об этом свидетельствуют дружба Г. Дж. Уэллса и М. Горького, знакомство с Лениным, встречи с Глазуновым,

стремление писателя лично пообщаться с учеными, такими как Ольденбург и Карпинский.

Очень многое Уэллс толкует в несколько облегченном свете. Но там, где речь идет о характеристике конкретных людей, там дар писателя и художника берет верх над тенденциозными социально-политическими воззрениями. Большинство встреченных им русских людей, принадлежавших к совершенно разным социальным слоям и кругам, писатель изображает с явной симпатией.

Огромное место отведено писателем теме литературы и искусства. Герберт Уэллс очень тепло относился к своему другу Максиму Горькому, с которым он много общался во время своего пребывания в России. Он пишет, что Горький «занимает в России ... особое... положение» (С. 345). Уэллсу очень импонирует, что во время увлечения его Россией, Горький, в свою очередь, «страстно убежден в высокой ценности культуры Запада и в необходимости сохранить связь духовной жизни России с духовной жизнью остального мира в эти страшные годы войны» (С. 345): Неунывающий, целеустремленный, одержимый, Горький увлечен идеей издания библиотеки всемирной литературы.

Прочувствованные строки «России во мгле» посвящены теме «интеллигенция и революция». Уэллс с восхищением пишет о цвете русской интеллигенции, которая в ужасающих условиях продолжает работать на благо страны: «Если б у меня и не было других оснований испытывать удовлетворение от поездки в Россию, я нашел бы его в тех надеждах и утешении, которые одна лишь встреча с нами принесла выдающимся деятелям науки и искусства. Многие из них отчаялись уже получить какие-либо вести из зарубежного мира. В течение трех лет, очень мрачных и долгих, они жили в мире, которым, казалось, неуклонно опускался с одной ступени бедствий на другую, все ниже и ниже, в непроглядную тьму» (С. 352-353).

Все в России было вовлечено в стихийную катастрофу, именуемую революцией. Но в круговороте ужасающего хаоса «наиболее устойчивым элементом русской культурной жизни оказался театр» (С. 332). Писатель отмечает, что «здания театров оставались на своем месте, и никто не грабил и не разрушал их» (С. 332). Уэллс с почтением говорит о том, что оперное искусство осталось незыблемым и невредимым. «Всем английским любителям музыки знакомо творчество Глазунова; он дирижировал оркестрами в Лондоне и получил звание почетного доктора Оксфордского и Кембриджского университетов. Меня глубоко взволновала встреча с ним в Петрограде» (С. 352). Артисты продолжают работать, несмотря на все лишения, и делают это с удивительным энтузиазмом и самоотверженностью. О Шаляпине писатель говорит, что тот «несомненно, одно из самых удивительных явлений в России в настоящее время, ...он великолепен» (С. 352).

Энтузиазм, патриотизм русских людей поистине безграничен. Они готовы пожертвовать сном, покоем во благо развития науки, которая, несомненно, принесет пользу российскому и даже, наверное, мировому обществу. «Одним из самых моих необычных впечатлений в России была встреча с крупнейшими представителями русской науки, изнуренными заботой и лишениями. Я видел там востоковеда Ольденбурга, геолога Карпинского, лауреата Нобелевской премии Павлова, Радлова, Белопольского и других всемирно известных ученых. Они задали мне великое множество вопросов о последних достижениях науки за пределами России, и мне стало стыдно за свое ужасающее невежество в этих делах» (С. 351). У ученых «нет новой аппаратуры, не хватает писчей бумаги, лаборатории не отапливаются. Удивительно, что они вообще что-то делают. И все же они успешно работают; Павлов проводит поразительные по своему размаху и виртуозности исследования высшей нервной деятельности животных; Манухин, говорят, разработал

эффективный метод лечения туберкулеза, даже в последней стадии, и т.д.» (С. 351).

В глазах писателя Г. Дж. Уэллса цивилизацию способна спасти от краха только культура. И пока русская культура жива, еще не все погибло. С восхищением Г. Дж. Уэллс отмечает, что «Шаляпин все еще великолепно поет и играет, не считаясь ни с какими коммунистическими принципами; Павлов все еще продолжает свои замечательные исследования – в старом пальто, в кабинете, заваленном картофелем и морковью, которые он выращивает в свободное время. Глазунов будет писать, пока не иссякнет нотная бумага». Но многие другие русские люди науки и культуры не выдержали подобных условий. Одним из признаков упадка цивилизации Уэллс считает гибель людей культуры из-за «трагического сознания бесполезности большого дарования». «Смертность среди русской творческой интеллигенции невероятно высока. <...> Они не смогли жить в России 1919 года, как не смогли бы жить в краале среди кафров» (С.356).

Необходимо отметить, что характер развития межличностной коммуникации Уэллса – это **сужение дистанции**. Например, по приезде в Петербург Герберт Уэллс остановился не в отеле «Интернационал», где обычно останавливались иностранцы, а у своего друга Максима Горького, а после организованного осмотра образцовой школы, на следующий день отправился в первое попавшееся рядовое учебное заведение, чтобы пообщаться поближе с простыми школьниками и учителями. Таким образом, он пытается более объективно оценить происходящее и нивелировать роль гетеростереотипов при восприятии действительности.

Несомненно, самым важным примером такого типа коммуникации в произведении Г. Дж. Уэллса является встреча с В.И. Лениным. Отдельная глава книги «Кремлевский мечтатель» («The Dreamer in the Kremlin») посвящена его образу. Ленин изображен Уэллсом крупными и яркими

мазками: «Я ожидал встретить марксистского начетчика, с которым мне придется вступить в схватку, но ничего подобного не произошло» -- в оригинале заимствованное из французского «доктринер» («I had come expecting to struggle with a doctrinaire Marxist»). Это идеалист и практик, романтик и реалист, стоящий во главе огромной разваливающейся страны. Но он не опускает рук от осознания невозможности этой титанической задачи. «Он безгранично верит в свое дело». Он упорно работает для достижения своих, как кажется Уэллсу, несбыточных целей.

С симпатией дан в книге портрет Ленина: он сравнивается с настоящим ученым, мыслителем: «У Ленина приятное смугловатое лицо с быстро меняющимся выражением, живая улыбка; слушая собеседника, он щурит один глаз (возможно, эта привычка вызвана каким-то дефектом зрения). Он не очень похож на свои фотографии, потому что он один из тех людей, у которых смена выражения гораздо существеннее, чем самые черты лица; во время разговора он слегка жестикулировал, протягивая руки над лежавшими на его столе бумагами; говорил быстро, с увлечением, совершенно откровенно и прямо, без всякой позы, как разговаривают настоящие ученые» (С. 372).

Приводя описание беседы с Лениным, Уэллс особое внимание уделяет утопическим мечтаниям вождя мирового пролетариата о том, какие будут города в царстве победившего коммунизма, о том, как перестроить промышленность и т.д. Уэллс восхищается «дерзновенным проектом» электрификации отсталой крестьянской страны: «В какое бы волшебное зеркало я ни глядел, я не могу увидеть эту Россию будущего, но невысокий человек в Кремле обладает таким даром. Он видит, как вместо разрушенных железных дорог появляются новые, электрифицированные, он видит, как новые шоссейные дороги прорезают всю страну, как подымается обновленная и счастливая, индустриализированная

коммунистическая держава. И во время разговора со мной ему почти удалось убедить меня в реальности своего предвидения» (С. 375).

Мы видим, что Ленин произвел на писателя огромное впечатление. Именно благодаря Ленину Уэллс понял, что, «несмотря на Маркса», коммунизм может быть «огромной творческой силой». Ленин, созданный воображением писателя, мало походил на реального Ленина. Образ Ленина – это в чем-то тоже писательский миф; в вожде большевиков Уэллс видел отражение своих социально-политических утопических чаяний по построению «идеального общества будущего». И вот, на глазах писателя, эта утопия воплощалась в жизнь этим изумительным русским: «...встреча с этим изумительным человеком, который откровенно признает колоссальные трудности, сложность построения коммунизма и безраздельно посвящает все свои силы его осуществлению, подействовала на меня живительным образом. **Он, во всяком случае, видит мир будущего, преображенный и построенный заново...**» (С. 376). Кстати, обратим внимание, что в переводе, видимо, из-за невозможности умалять образ Ленина в советское время, пропущено слово *little* («маленький») – «С этим изумительным маленьким человеком...», ср.: «After the tiresome class-war fanatics I had been encountering among the Communists, men of formulæ as sterile as flints, after numerous experiences of the trained and empty conceit of the common Marxist devotee, this amazing little man, with his frank admission of the immensity and complication of the project of Communism and his simple concentration upon its realisation, was very refreshing. **He at least has a vision of a world changed over and planned and built afresh**».

Образ Ленина в «России во мгле» надо воспринимать не как реального человека, а как очередной образ положительных героев его знаменитых научно-фантастических романов – искателей истины и дерзновенных изобретателей – летящих на Луну, стремящихся к центру Земли или пробивающихся сквозь толщу времени. Уэллс слишком хотел,

чтобы хоть что-нибудь или кто-нибудь начал воплощать в жизнь его собственные утопии. И писатель связал эти надежды с Лениным.

При всех своих односторонних характеристиках происходящего Уэллс обнаруживает порою недюжинную проницательность и мощный аналитический ум. Так, он безошибочно диагностировал один из коренных пороков всякой бюрократической тоталитарной власти, увидев только его первые ростки, – это оторванность от народа, кастовая закрытость от народа и боязнь собственного народа. Например, в 1914 г., при «жестоком царизме», по московскому Кремлю спокойно ходили люди. Но теперь свободный вход в Кремль отменен, и попасть туда очень трудно. «Уже в воротах нас ожидала возня с пропусками и разрешениями. Прежде чем мы попали к Ленину, нам пришлось пройти через пять или шесть комнат, где наши документы проверяли часовые и сотрудники Кремля» (С. 371).

2.1.5. Образ России середины 30-х годов (по материалам «Беседы тов. Сталина с английским писателем Г. Уэллсом»)

Следующий визит Г. Дж. Уэллса в Россию приходится на 1934 г. Писатель смог воочию убедиться в реальности прогнозов, которые давал «кремлевский мечтатель». Во многом была решена задача, сформулированная писателем в «России во мгле», – «построить на обломках прошлого новую Россию». Уэллс отмечает в известной записи беседы со Сталиным, датированной 23 июля 1934 г.: «Я еще не могу оценить то, что сделано в Вашей стране, в которую я прибыл лишь вчера. Но я видел уже счастливые лица здоровых людей, и я знаю, что у Вас

делается нечто очень значительное. Контраст по сравнению с 1920 годом поразительный» (с. 38)¹.

В этот момент происходит окончательная трансформация от **убеждающего** типа коммуникации через **информативный** к **аффективно-оценочному**. При этом типе коммуникации восприятие действительности наиболее приближено к объективному, так как происходит освобождение от гетеростереотипов и формирование нового мнения. Россия первой половины 30-х гг. XX в. была уже индустриальной державой с развитой тяжелой промышленностью и мощной армией. Г. Дж. Уэллсу как технократу и социалисту не могла не прийти по душе эта новая Россия. Становление новой российской государственности Уэллс связывает с ее лидером Сталиным – наследником великого Ленина. Свои чаяния и надежды писатель по поводу новой России, восставшей из мглы, Уэллс обращает к Сталину во время беседы, впервые опубликованной в № 17 журнала «Большевик» в 1934 г.

При этом для объективности оценки записи этой беседы нельзя не учитывать исторического контекста этой встречи. Во-первых, к этому времени уже оформилась система всеобъемлющего контроля за пребыванием иностранцев, тем более такого уровня, как Г. Дж. Уэллс, в Советском Союзе. Важной формой воздействия была «техника гостеприимства». Этот термин вводит П. Холландер, который пишет: «Советская власть задействовала значительные средства и ресурсы... на создание у иностранных гостей благоприятного, и только благоприятного, впечатления о советском обществе. Подготовка к приему гостей была четко организована. Чем более значимым власти считали мнение того или иного визитера, тем тщательнее готовились к его приезду». Автор

¹Здесь и далее текст беседы приводится по изданию: Сталин, И.В. Беседа с английским писателем Г.Д. Уэллсом 23 июля 1934 года / И.В. Сталин. // Сталин И.В. Сочинения: В 18 т. – М.: Издательство «Писатель», 1997. – Т. 14. – С. 24–39. – В дальнейшем указываются только номера страниц.

выделяет в этой подготовке две важные составляющие: «Первая - маскировка реальности, попытка контроля над тем, что будет видеть и испытывать визитер. Вторая - способ обхождения с этим визитером. Последняя составляющая, в свою очередь, может быть подразделена на материальные привилегии и удобства, с одной стороны, и нематериальные привилегии, обеспечивающие душевный комфорт и самоудовлетворенность, с другой»¹. Во-вторых, беседа с самим Сталиным была элементом советской пропаганды. Советский вождь неоднократно встречался с выдающимися писателями именно для продвижения своих идей на Запад. В 1931 г. Сталин принял Бернарда Шоу и Эмиля Людвига, в 1927, 1932, 1933 и 1934 гг. - Анри Барбюса, в 1934 г. - Герберта Уэллса, в 1935 г. - Ромена Роллана, в 1937 г. - Лиона Фейхтвангера. В этих встречах Сталин представал в особенно привлекательном своем облике. Рой Медведев в работе «Европейские писатели на приеме у Сталина» цитирует слова Уэллса из его «Опыта автобиографии»: «Я никогда не встречал человека более искреннего, порядочного и честного; в нем нет ничего темного и зловещего, и именно этими его качествами следует объяснять его огромную власть в России. Я думал раньше, прежде чем встретиться с ним, может быть, о нем думали плохо потому, что люди боялись его. Но я установил, что, наоборот, никто его не боится и все верят в него. Русские - это народ целиком ребячливый, инфантильный, но хитрый; у русских мог быть оправданный страх перед коварством как в них самих, так и в других. Сталин - совершенно лишенный хитрости и коварства грузин. Его искренняя ортодоксальность - гарантия безопасности его соратников. Зачарованные Лениным, они боялись вначале отступлений от его магического направления»². Р. Медведев присовокупляет к этому

¹ Здесь и далее текст беседы приводится по изданию: Сталин, И.В. Беседа с английским писателем Г.Д. Уэллсом 23 июля 1934 года / И.В. Сталин. // Сталин И.В. Сочинения: В 18 т. – М.: Издательство «Писатель», 1997. – Т. 14. – С. 24–39. – В дальнейшем указываются только номера страниц.

² Там же

замечание: «Сталина как «сильную личность» Уэллс не переставал почитать до последних своих дней. Среди портретов, висевших над диваном, на котором он умер, была и фотография Сталина.¹ Подобная характеристика Сталина вполне объяснима с точки зрения личностного общения, но в контексте дальнейших событий и их современных оценок вызывает сильное сомнение в возможности объективного взгляда Уэллса на эту встречу.

В-третьих, текст беседы для публикации тщательно выверялся. Г. Куликова, автор статьи «Пребывание в СССР иностранных писателей в 1920-30-х годах», пишет: «Записи бесед Сталина тщательно им редактировались, в текст вносилась подчас значительная правка, и стенограммы почти всегда пересылались для ознакомления членам Политбюро. Достаточно привести записку Сталина, написанную после беседы с Г. Дж. Уэллсом 23 июля 1934 г.: «т. Двинский! Посылаю **просмотренную** (выделено Сталиным. - Г. К.) стенограмму беседы с Уэльсом (так в тексте. - Г. К.). Снимите копии (оригинал оставьте в архиве - моем) и отдайте три копии Уманскому (Уманскому покажите оригинал и мои поправки в тексте) - одну из них для Уэльса, другую для Майского, третью для него самого, - остальные же экземпляры разошлите членам Политбюро ЦК для сведения. 30/VIII-34 г. И. Сталин»².

В связи с этим необходимо обратить внимание на различия между текстом Уэллса (назовем его оригиналом, хотя первой в печати появилась запись на русском языке) и русской версии (условно, перевода). При анализе беседы можно обнаружить некоторые примечательные расхождения между текстом оригинала и переводом. Характерные стилистические правки оригинала в русском тексте перевода направлены

¹ Там же

² Куликова Г.Б. Пребывание в СССР иностранных писателей в 1920-1930-х годах //Отечественная история, №4, 2003, С. 50

на привнесение негативно-оценочной экспрессии в фрагменты, которые в оригинале поданы нейтральном стиле.

Так, например, нейтральное «работодатели» (employers) в фрагменте: «No; there are few who would be willing to break away from their employers and begin reconstructing the world»¹ в русском переводе заменяется на экспрессивное «хозяева», имеющее в русском языке потенциально негативную окраску в данном контексте: «Нет, мало имеется охотников порвать со своими хозяевами и начать реконструкцию мира». Аналогично нейтральное profit «выгода» в отрывке «Are there not plenty of people in the West for whom profit is not an end, who own a certain amount of wealth, who want to invest and obtain a profit from this investment, but who do not regard this as the main object?» – меняется на негативно-окрашенное «нажива»: «Разве мало талантливых и преданных инженеров, организаторов хозяйства, деятельность которых движется стимулами совсем иными, чем нажива?». Аналогично – «освободиться от принципа частной собственности на средства производства» (abolishing the principle of private property in the means of production) передано более экспрессивным глаголом разделаться с явной негативной окрашенностью: «... не разделавшись с принципом частной собственности на средства производства...».

Иногда в тексте перевода возникают вставки, которые отражают реалии именно советской действительности, т.е. Уэллс как бы говорит на языке советских коммунистов. Так, например, Уэллс упоминает о системе образования, а переводчик добавляет – «система народного образования», как в Советской России («There can be no revolution without a radical change in the educational system» – «Не может быть революции без коренного изменения в системе народного образования».

¹ Wells, H.G. Stalin – Wells talk/ The verbatim record and a discussion/ G.B.Shaw, H.G.Wells, J.M.Keynes, E.Toller and others. – L.: New Statesman and Nation, 1934. – 34 p.

В одном месте также примечательна содержательная замена звучащего в оригинале «in future capitalist society» («в будущем капиталистическом обществе») на «в будущем социалистическом обществе», что коренным образом меняет смысл сказанного – получается, что Уэллс видит неизбежность победы социализма в будущем, хотя в оригинале он этого не говорит.

В целом очевидна сознательная стратегия переводчика сделать из Уэллса человека, более сочувствующего идеям коммунизма, чем это есть на самом деле. С этим связаны, например, прямые вставки текста прокоммунистического содержания, которые в оригинале вообще отсутствуют: «Плановое хозяйство предполагает далее, что усиливается производство в тех отраслях промышленности, продукты которых особенно нужны народным массам. А Вы знаете, что расширение производства при капитализме происходит по совершенно иным мотивам, что капитал устремляется в те отрасли хозяйства, где более значительна норма прибыли. Никогда Вы не заставите капиталиста наносить самому себе ущерб и согласиться на меньшую норму прибыли во имя удовлетворения народных нужд». Данный пассаж отсутствует в тексте беседы – это добавка переводчика, видимо, согласованная «в верхах», чтобы усилить позицию Уэллса в выражении критики капиталистической системы и необходимости ее замены на более прогрессивную, социалистическую.

Учитывая все эти детали, обратимся к тексту беседы. Уэллса, как и прежде, интересуют глобальные вопросы мировой политики, для разрешения которых он обращается к мировым лидерам – Рузвельту и Сталину: «Я недавно был в Соединенных Штатах, имел продолжительную беседу с президентом Рузвельтом и пытался выяснить, в чем заключаются его руководящие идеи. Теперь я приехал к Вам, чтобы расспросить Вас,

что **Вы** делаете, чтобы изменить мир...[здесь и далее – выделено нами, А.С.]» (С. 24).

«Новая Россия», по мнению Уэллса, сближающаяся с США по типу своего государственного устройства на базе «планового хозяйства», становится реализованной технократической утопией для Уэллса: **«Благодаря изобретениям и современной науке** приведены в действие громадные силы, ведущие к лучшей организации, к лучшему функционированию человеческого коллектива, то есть к социализму» (С. 27).

Мир движется по линии уменьшения классовой борьбы, социальных и культурных антагонизмов, к гармоническому общественному устройству. Уэллс утверждает: «Ленин в свое время сказал, что надо «учиться торговать», учиться этому у капиталистов. **Ныне капиталисты должны учиться у вас, постигнуть дух социализма.** Мне кажется, что в Соединенных Штатах речь идет о глубокой реорганизации, о создании планового, то есть социалистического хозяйства. Вы и Рузвельт отправляетесь от двух разных исходных точек. **Но не имеется ли идейной связи, идейного родства между Вашингтоном и Москвой?»** (С. 24).

Уэллсу казалось, что сбывается наяву его мечта о едином мировом государстве без социальных, политических и культурных разногласий: «Мне кажется, что вместо того, чтобы подчеркивать антагонизм между двумя мирами, надо было **бы в современной обстановке стремиться установить общность языка между всеми конструктивными силами**» (С. 26). – Единый мир без классовых различий сравнивается Уэллсом с «большим кораблем»: «Большой корабль – это человечество, а не класс» (С. 31).

Перед лицом надвигающегося милитаризма Японии и фашизма Уэллс констатирует, что за последнее время в англосаксонских странах произошел по отношению к СССР серьезный перелом в общественном

мнении. Ему кажется, что на этой основе возможно сближение России и Запада, о котором он размышлял в «России во мгле».

Сталин не разделял энтузиазма своего гостя по поводу строительства нового, справедливого общества во всем мире, в котором будут править мудрецы на основе достижений научно-технического прогресса. Трезвый политик, своей несокрушимой логикой он разбил все мечты Уэллса об идеальном всемирном гармоничном обществе.

Уже на другом уровне исторического развития словно повторилась история встречи Уэллса с Лениным. Уэллс, до этого высказывавшийся о Сталине не очень благоприятно, ушел от него очарованный им, – несмотря на спор, который между ними возник. «Сталина как «сильную личность» Уэллс не переставал почитать до последних своих дней. Среди портретов, висевших над диваном, на котором он умер, была и фотография Сталина»¹.

Уэллс продолжает верить в целительную силу просвещения. В деле достижения взаимопонимания между разными классами, разными народами и разными культурами Уэллс, пусть несколько наивно, надеется на возможности возглавляемого им международного писательского Пен-клуба и предлагает Сталину (!), чтобы советские писатели вступили в него. Важно подчеркнуть, что и в этой «Беседе», несмотря на свои заблуждения, Уэллс выражает ценные в плане кросс-культурной коммуникации мысли о преодолении социальных, политических и культурных границ между народами, которое зависит от доброй воли правителей и ведущих деятелей культуры.

С точки зрения критерия канала информационного взаимодействия Герберт Уэллс, как известный писатель, естественно, в основном реализует **вербальный тип** кросс-культурной коммуникации. Однако в плане установления эмоционально-заинтересованного отношения к

¹Кагарлицкий, Ю.И. Вглядываясь в будущее: Книга о Герберте Уэллсе / Ю.И. Кагарлицкий. – М: Книга, 1989. – С. 404-406.

изображаемым им людям мы можем говорить и о присутствии **невербальной** кросс-культурной коммуникации (просодические, такесические, проксемические и пр. виды), которая: а) органично дополняет вербальную; б) является регулятором вербальной.

В целом, говоря о **кросс-культурной компетенции** Герберта Уэллса, можно сказать, что писатель не имел сознательной тенденциозной установки при изображении чужой культуры, пытался не использовать в своих оценках стандартные, сложившиеся до него стереотипы. В целом он демонстрирует объективное и доброжелательное отношение к России, даже изображая явные недостатки. Уэллс, несомненно, проявлял огромный интерес к культуре нашей страны, успешно общался с представителями чуждой ему культуры (политики, ученые, писатели). Уэллс позиционирует себя как «гражданин мира», он свободно общается с лидерами государств - с Лениным, Сталиным, Рузвельтом, и те охотно принимают его, понимая его роль как авторитетного общественного и культурного деятеля, «властителя дум» в мировом масштабе.

2.2. Россия и русские в свете революционных событий 1917 года в книге У.С. Моэма «Записные книжки писателя»

2.2.1 Публицистика У.С. Моэма в аспекте кросс-культурной компетентности

Иной подход к созданию образа России и русских представлен в публицистическом творчестве английского писателя Уильяма Сомерсета Моэма.

Уильям Сомерсет Моэм (William Somerset Maugham; 1874, Париж – 1965) – выдающийся английский прозаик и драматург, создатель романов и пьес, составивших золотой фонд английской литературы XX в. Это

пьесы «Леди Фредерик» (1907), «Круг» (1921), «Наш Беттерс» (1923), «Верная жена» (1927), известные романы «Бремя страстей человеческих» (1915), «Луна и грош» (1919), «Узорный покров» (1925), «Пирог и пиво, или Скелет в шкафу» (1930), «Театр» (1937), «Острие бритвы» (1944) и др.

Оценивая кросс-культурную компетенцию Сомерсета Моэма, можно сказать, что публицист владел серьезными навыками общения с представителями различных культур: Сомерсет Моэм посетил огромное количество стран и сталкивался практически со всеми видами и типами культур мира. В его произведении «Записные книжки» описано не только путешествие по Транссибирской магистрали, но и родная Англия, не менее родная Франция и любимый Дальний Восток, Малайзия и Америка. Однако Моэм оценивает Россию достаточно субъективно и пристрастно, при формировании образа России в данном произведении автор не проявляет должного настроения на понимание другой культуры, а скорее увлечен познанием собственного внутреннего мира, как писателя.

В 1949 году вышли в свет «Записные книжки» («A Writer's Notebook»). Они состоят из пятнадцати тетрадей. «Записки писателя» охватывают хронологический период с 1892 по 1949 гг., включают в себя путевые заметки, воспоминания и размышления писателя. Кроме Англии и Франции, где долгое время жил писатель, место действия «Записок» – Дальний Восток, Малайзия и Америка, Гавайи и Транссибирская магистраль, а также – Россия. Россия представлена небольшим по объему фрагментом, в котором рассказывается о поездке У.С. Моэма в Россию летом 1917 года, которая была связана с тайным заданием по линии британской разведки.

Во вступительной статье к одному из изданий «Записных книжек» У. С. Моэма в России (2001) Е. Кочетова утверждает, что сам Моэм всегда вспоминал этот «экстравагантный эпизод» в его жизни «с иронией»: «Дело в том, что секретная миссия Моэма в России оказалась бессмысленной. Он

должен был провести тайные переговоры с Керенским и склонить его правительство продолжать войну с Германией на стороне союзников; но не успел Моэм-разведчик покинуть Россию, как произошел Октябрьский переворот, и все его усилия остались тщетными»¹.

Итак, накануне октябрьской революции 1917 года У. С. Моэм приехал в Россию. Несмотря на большое количество публикаций, посвященных самым различным сторонам его жизни и деятельности, важные подробности этой секретной миссии в силу ряда причин остаются неизвестными. Поскольку непосредственно организацией поездки У. С. Моэма в Россию занималось руководство английской разведки, то не удивительно, что официальные публикации хранят о ней полное молчание.

В 70–80-х годах были приоткрыты некоторые интересные подробности этой миссии. Выяснилось, что это была отнюдь не «любительская поездка», а часть продуманной операции под названием «Россия». Моэм прибыл в Россию с целью и заданием помочь Временному правительству удержаться у власти.

Взгляду самого У. С. Моэма на эти события как раз и посвящено неоднократно издававшееся как на Родине писателя, в Великобритании, так и у нас, в России, произведение Моэма «Записные книжки писателя» («A Writer's Notebook»).

Переводчиком на русский язык этого произведения стала Елена Михайловна Нарышкина (Москва) – современный переводчик английских и американских авторов, член Союза писателей Москвы. Она переводила художественную прозу и публицистику таких авторов, как Дж.Б. Пристли, Ч.П. Сноу, М. Дрэбл, научные монографии по истории и социологии, современную детскую литературу англоязычных авторов.

¹Кочетова, Е. «Я достиг всего, о чем мечтал...»: Вступительная статья / Е. Кочетова // Моэм, С. Записные книжки / Пер. с англ. Е. Нарышкиной; Вступ.ст. Е. Кочетовой. – М.: Вагриус, 2001. – С. 6.

Вся книга Моэма состоит из заметок, повествующих о не связанных между собой вещах, которые перемежаются с размышлениями и лирическими отступлениями автора на разные темы. Так же нет какой-то единой композиционной основы, что подчеркивает тем самым образец жанра лирического, а не эпического повествования.

Сам У. С. Моэм так характеризует особенности избранного им подхода к анализу материала – это предельная наблюдательность, основанная на здравом смысле: «Природа не слишком щедро одарила меня, зато я обладаю силой воли, и это, в известной мере, помогло мне восполнить мои недостатки. Мне не откажешь в здравом смысле. Люди, в большинстве своем, почти ничего не замечают, я, напротив, с предельной ясностью вижу, что у меня под носом; самым великим писателям и кирпичная стена не мешает видеть насквозь. Мой взгляд не так всепроникающ. Многие годы меня изображали циником, я говорил правду. Я не хочу выдавать себя за кого-то другого и в то же время не склонен принимать на веру чужие притязания» (С.6). – «My native gifts are not remarkable, but I have a certain force of character which has enabled me in a measure to supplement my deficiencies. I have common-sense. Most people cannot see anything, but I can see what is in front of my nose with extreme clearness; the greatest Writer's can see through a brick wall. My vision is not so penetrating. For many years I have been described as a cynic; I told the truth. I wish no one to take me for other than I am, and on the other hand I see no need to accept others' pretences» (P. 166).

Литературная изысканность для Моэма порой выше правдивости в изображении происходящего. Его «Записные книжки» – это прежде всего записки писателя. Прихотливость мысли и удачно найденная деталь значительно удаляют заметки писателя от хоть какого-нибудь жизнеподобия. По ним, конечно, не стоит изучать реальную историю последних дней Временного правительства.

С другой стороны, для человека, который, подобно Моэму, недостаточно знал реальную обстановку в стране, так же трудно было постичь всю сложность идеологической борьбы, уяснить позицию различных политических партий и группировок, правильно оценить и проанализировать ситуацию.

Не без изрядной доли самоиронии он писал впоследствии о том, что миссия сия была неблагодарной и заведомо обреченной, сам он – никудашным «миссионером», а Керенский и компания – партнерами и того хуже. Закончить описание миссии Моэма, осуществлявшейся в рамках широко спланированной операции «Россия», можно словами одного из ее участников: «Сейчас все это имеет лишь исторический интерес» (С.4).

Потерпев фиаско и уехав за 48 часов до падения Временного правительства, Моэм оставил оригинальные размышления и интересные наблюдения о своем пребывании в России.

В произведениях Моэма, безусловно, виден серьезный подход к жизни; он задавался вопросами, требующими от читателя встречной работы мысли. Всякий раз он остается верен себе; он увлекателен и оригинален в своем неповторимом писательском почерке.

Выделяя несомненные творческие достоинства писателя в его публицистических заметках (талант рассказчика, верное изображение жизненных явлений, яркие образы героев), уместно отметить, что в погоне за литературными эффектами в «Записных книжках писателя» он нередко жертвует жизненной правдой.

Сам Моэм признавал: «Факты и вымысел в моих книгах так перемешаны, что сейчас, оглядываясь назад, я не всегда могу отличить одно от другого»¹. Примеры этого мы видим, в частности, в сюжете о встрече Савинкова и крестьянине, а также в явно беллетризованной

¹Моэм, У. С. Избранные произведения в 2-х т. / У.С. Моэм. – М., 1985. – Т. I. – С.377.

фантазмагорической истории первого учителя русского языка. Он самокритично говорит о себе: «My vision is not so penetrating» («Мой взгляд не столь всепроникающ»). Этому тоже есть подтверждения в его «Записных книжках».

2.2.2. Публицистика У. С. Моэма в свете кросс-культурной типологии культур

Как «Записные книжки писателя», так и незаурядная личность Сомерсета Моэма, зачастую вызывают различное к себе отношение, но, ни сегодня, ни столетие назад никого не оставляют равнодушным. Диалог, который автор ведет с читателем, всегда интересен. Он вызывает на разговор с сопоставлением суждений, оценок и точек зрения. Именно это обуславливает необходимость поставить вопрос об оценке культурной позиции Моэма, представленной в «Записных книжках писателя», с точки зрения теории кросс-культурной коммуникации.

Так же, как Г. Дж. Уэллс, У. С. Моэм является представителем так называемой **низкоконтекстуальной культуры**, что обусловило непонимание и, как следствие, неприятие таких черт русского характера, как жизнь чувствами, повышенная эмоциональность и страстность, тяготение к самокопанию и невнимание к профессиональным обязанностям, к активной деятельности, что воспринимается Моэмом как неорганизованность и неспособность к созидательным действиям, вообще к полезному труду на благо общества.

Однако в отличие от творческой манеры Г. Уэллса, Моэму присущ определенный «литературоцентризм» во взгляде на Россию. Сам писатель обосновывает излишнюю «литературность» своей интерпретации русской жизни тем, что узнать близко реальных людей чужой страны помешает языковой и культурный барьер: **«Пропась, разделяющая англичан и**

русских, широка и глубока. Языковой барьер трудно преодолеть, и это всегда будет препятствовать сближению. Даже если хорошо знаешь язык, все-таки знаешь его недостаточно хорошо, и люди не смогут забыть, что ты иностранец, и будут вести себя с тобой несколько иначе, чем друг с другом. Лишь чтение книг помогает понять иностранцев, и тут полезнее читать второстепенных писателей, чем первоклассных. Великие писатели творят; писатели скромного дарования воспроизводят. Чехов больше расскажет о русских, чем Достоевский» (С.3).

Другими словами, У. С. Моэм использует свое знание русской литературы и ее героев в виде своего рода мерки, которую он прикладывает, описывая реальных людей, с которыми встречается: «А когда сравниваешь людей, которых знаешь, с людьми, о которых читал, складывается мнение возможно и не вполне соответствующее истине, но, во всяком случае, независимое, разумное и обоснованное» (С.3).

Возможно, это не самый объективный метод судить о чужой стране и чужой культуре, потому что таким образом мы больше узнаем о внутреннем мире самого Моэма, нежели об объекте его описаний.

В этом можно видеть существенное расхождение между культурными позициями Уэллса и Моэма в сфере кросс-культурной коммуникации. Г. Дж. Уэллс, при всей своей в хорошем смысле слова тенденциозности, имеет установку на объективное «научное» изображение России, он едет в чужую страну как друг и как доброжелательный помощник, изначально ориентированный на коллаборативность и взаимопонимание.

Моэм воспринимает Россию как очередной экзотический мир (вроде Дальнего Востока, тихоокеанских островов или Африки), по которым так любят путешествовать англичане. Он не пытается встать на точку зрения Другого, не имеет стремления к эмпатии. Более того, прибыв в страну с секретной миссией шпиона, Моэм в силу особенностей своей миссии

обречен настороженно и недоверчиво относится к явлениям и фактам чужой культуры, против интересов которой он объективно действует.

Различается и стиль публицистических произведений этих авторов. Г. Дж. Уэллс предпочитает подчеркнуто объективистский стиль изложения, предназначенный для публикации в еженедельной газете. Стиль Моэма – **субъективно-экспрессивный**, это именно заметки писателя мемуарного характера, для себя, не ориентированные на широкую публику с ее простыми вкусами. Отсюда афористичность и парадоксальность манеры Моэма, неожиданные сближения и ассоциативные переходы мысли, сложность и изысканность метафор и сравнений.

Большое место в «Записных книжках» писатель уделяет рассказу о политической ситуации в нашей стране. Весьма интересны его наблюдения о Съезде демократической партии в Александровском театре в Петербурге.

Вот как он описывает присутствующих: «В целом они (делегаты) производят впечатление не выроdkов, а просто неразвитых и отсталых людей: у них невежественные грубые лица, пустой взгляд, в котором читается ограниченность, упрямство и неотесанность, и, несмотря на то, что некоторые в сюртуках и накрахмаленных воротничках, а другие в форме, в них чувствуется крестьянская медлительность»¹ (С.10).

Из всех, кто принял участие в съезде, Моэм выделяет лишь Керенского: «Единственный оратор, по-настоящему вызвавший энтузиазм на митинге, был Керенский» (С.6). Чем он привлек писателя? Моэм не увидел в Керенском могущественного и сильного политика с наполеоновскими планами, каким его изображали многие: «В нем совершенно не чувствуется силы» (С. 10). – «I was puzzled, for strength is

¹Здесь и далее русский текст произведения У.С. Моэма «Записные книжки» цитируется по изданию: Моэм, У.С. «Записные книжки» 1917 г. / С. Моэм // Литературное обозрение. – 1999. – №4. – С. 3–15. В дальнейшем в скобках приводятся только номера страниц издания.

the one thing he obviously has not»¹ (P. 168). «В итоге он произвел на меня впечатление человека на пределе сил». – «He seemed broken by the burden of power».

На собрании Керенский апеллировал к сердцу, а не к разуму. «Люди, похоже, почувствовали, что перед ними искренний, прямодушный человек, и, если он и допускал ошибки, это были ошибки честного человека. Голос его красивым не назовешь, говорит он на одной ноте, без модуляций; в его ораторских приемах нет контрастов и, я бы сказал, ничего вдохновляющего». «Его единственная сила, казалось, заключалась в серьезности и объективности» (С. 11). – «His only power seemed to be his seriousness and his disinterestedness» (P. 169).

«Его искренность не вызвала во мне сомнений: я увидел в нем человека, который старается сделать все, что может, горящего бескорыстным желанием послужить не так отчизне, как соотечественникам» (С.11), – пишет Моэм. Моэм увидел в нем «бескорыстное желание послужить... отчизне и соотечественникам». – «It was impossible not to believe in his honesty; I felt that here was a man who was sincerely trying to do his best, and who was filled with a very pure enthusiasm to serve not so much to his country as his fellow countrymen» (P. 173), – писал автор в «Записных книжках».

В целом Моэм оценивает Керенского как человека явно не на своем месте. Он не находит в Керенском ни обаяния, ни воли, ни образованности, ни каких-либо иных особых свойств, необходимых государственному человеку: «Разговор его не свидетельствовал не только о большой просвещенности, но и об обычной образованности. Я не почувствовал в нем особого обаяния. Не исходило от него и ощущения особой

¹Здесь и далее английский текст произведения У.С. Моэма «Записные книжки» цитируется по изданию: Maugham, W. Somerset. A Writers notebook /W. Somerset Maugham. – Great Britain: Penguin Books, 1967. В дальнейшем в скобках приводятся только номера страниц издания.

интеллектуальной или физической мощи» (С. 11). Такие люди возносятся на вершину власти только в смутные времена.

«Судя по всему, бремя власти ему непосильно. Это объясняет, почему он не способен ни на какие действия. Боязнь сделать неверный шаг, перевешивает желание сделать верный шаг и в результате он ничего не предпринимает до тех пор, пока его к этому не принуждают. И тогда к каким только уверткам он ни прибегает, чтобы не дай бог не понести ответственность за последствия этого шага» (С. 12).

В плане теории кросс-культурной коммуникации интересен фрагмент, когда Моэм описывает культурные различия в восприятии моделей поведения политических деятелей в России и Англии. По его мнению, в Англии и России людей этого круга оценивают не просто за разные, но за прямо противоположные вещи: «В России пылкость Керенского сослужила ему добрую службу, здесь любят непосредственное выражение чувств; у меня с моей английской сдержанностью это вызывало чувство неловкости. Меня коробило, когда его голос то и дело пресекался от волнения. Я конфузился от того, что такие благородные чувства выражаются в открытую. **Но в этом и состоит одно из тех различий между русскими и англичанами, из-за которых мы никогда не сможем понять друг друга**». – Искренность в выражении чувств воспринимается сдержанным англичанином Моэмом как нечто неподобающее, неприличное рядовому человеку и тем более – политическому деятелю на вершине власти» (с. 13).

«Литературоцентричность» записок Моэма проявляется в самом способе художественного изображения реального человека. На их страницах Керенский напоминает «несчастливого» героя русской литературы (возможно, что-то из Достоевского), который вызывает жалость: «На протяжении беседы он все говорил и говорил так, словно не в силах остановиться, в нем постепенно проступило нечто жалкое; он **пробудил во**

мне сострадание, и я подумал: уж не в том ли сила Керенского, что его **хочется защитить** [*здесь и далее – выделено нами, А.С.*]; он чем-то располагал к себе и тем самым вызывал желание помочь...» (С.13).

В общем, Керенский не производил впечатление человека, способного удержаться у власти и тем более – заставить Россию продолжать войну с немцами. На фоне слабого и измученного Керенского Моэм выделяет эсера Савинкова – еще одного героя смутного периода Временного правительства. Савинков наделен чертами личности воистину демонической и роковой: «Савинков. До революции он возглавлял террористов. Разработал и осуществил убийство Плеве и великого князя Сергея. Полиция охотилась за ним, и он два года жил по британскому паспорту» (С. 9). В изображении Сомерсета Моэма он далек от своего реального прототипа: романизированный Савинков, скорее, имеет сходство с каким-либо героем Достоевского, например, из романа «Бесы».

«Ничто в наружности Савинкова не говорит о его бешеном нраве. Он производит впечатление человека воспитанного, не слишком интересного, но обладающего некоторым весом. Манера поведения у него спокойная, сдержанная и скромная. Лишь когда он заговорил, я понял, что передо мной человек выдающийся» (С. 11).

У. С. Моэм отмечает силу духа Савинкова, его умение точно выражать свою мысль и дар убеждения: «...притом и веская речь, и внушительная сдержанность говорили о железной воле, без нее его беспощадность была бы необъяснима. Я не встречал ни одного человека, от которого исходило бы такое ощущение уверенности в себе» (С.11).

Печать явной литературности носит описанная в «Записных книжках» сцена между Савинковым и крестьянином. Эта сцена настолько выразительна и многозначительна, что приобретает черты притчи: «Савинков сидел в трактире и пил чай, когда к нему подошел крестьянин и спросил: «Где найти Бога?» Он был крепко пьян. Савинков серьезно

посмотрел на него, лишь глаза заулыбались. В сердце твоём, брат, ответил он. Крестьянин помолчал, его одурманенный мозг осваивал ответ Савинкова. «И как же мне в таком случае жить?» – спросил он. На его вопрос Савинков ответил вопросом: «Сколько тебе лет?» Крестьянин помялся, передернул могучими плечами. Сорок, ответил он не слишком уверенно. «Самое время довериться своему чутью, – сказал Савинков. – Сил тебе не занимать стать, ты здоров. Берись за работу, которая тебе знакома, а в остальном делай то, к чему у тебя лежит душа. Иного пути я не знаю». Крестьянин, он стоял, расставив ноги, устремив кроткие, добрые глаза на Савинкова, почесал в бороде; затем низко поклонился и побрел прочь» (С.13).

Трудно поверить, что это было в действительности. Герои этого художественно завершенного этюда ведут себя так, будто они сошли со страниц романа Толстого. Они говорят красивые фразы о Боге и предназначении человека. И все это происходит в замызганном трактире. Вполне возможно, что Моэм сочинил все от начала до конца, словно пробуя перо для своих дальнейших рассказов об Эшендене, успешном агенте британской разведки.

«Полихронная» ориентация русских также вызывает негативное отношение со стороны У. С. Моэма – представителя монохронной культуры: Моэм видит в окружающих его русских только поверхностные проявления этой установки и рассматривает ее как непунктуальность, необязательность, любовь к пустому времяпрепровождению и т.п. Причем все это Моэм видит даже в представителях высших органов власти (Керенский), что для него недопустимо. Не случайно единственный, кто производит впечатление «человека дела» и вызывает тем самым положительную оценку Моэма – это политический террорист и убийца Савинков.

2.2.3. Типы кросс-культурной коммуникации в публицистике

У.С. Моэм. Литературоцентричность.

В «Записных книжках писателя» Моэм реализует **массовый** тип, так как в своих суждениях Моэм (даже изображая непосредственные встречи с политическими деятелями России) опирается не на увиденное своими глазами, а на образы, познанные им посредством чтения русской классической литературы. Даже редкие случаи непосредственной межличностной коммуникации (Керенский, Савинков) были пропущены через призму писательского воображения: следовательно, кросс-культурная коммуникация по своей форме осуществлялась главным образом **вербально** (письменная речь).

Изображая русских людей, Моэм всегда обращается к русской литературе, интерес к которой возник у писателя за много лет до поездки в Россию в 1917 году. Моэм большое внимание уделяет русскому искусству и литературе, обращаясь к творчеству Л.Н.Толстого, И.С.Тургенева, Н.В.Гоголя, Ф.М.Достоевского, А.П.Чехова.

В его «Записных книжках» прослеживается недюжинное знание предмета. Моэм знаком не только с творчеством тех писателей, которые прочно вошли в круг предпочтений западной публики – Толстой, Достоевский, Чехов. Он знает Гоголя, Тургенева, в меньшей степени – Пушкина. Он читал современных ему русских писателей – Горького, Куприна, Сологуба, Короленко, Арцыбашева и т.д.

Очарованность русской литературой преследовала писателя, согласно его же словам, всю жизнь. В «Записных книжках» встречаются многочисленные подтверждения этому обстоятельству: «Россия. Причины, подвигнувшие меня заинтересоваться Россией, были в основном те же, что и у большинства моих современников. Русская литература самая очевидная из них. Толстой и Тургенев, но главным образом Достоевский

описывали чувства, каких не встретишь в романах писателей других стран. Величайшие романы западноевропейской литературы рядом с ними казались ненатуральными» (С. 3).

Достоевский всю жизнь был для Моэма великой и неразгаданной тайной, в его исключительной гениальности писатель был убежден свято: «... взявшись за Достоевского («Преступление и наказание» я прочитал в немецком переводе), я был озадачен и потрясен. Его роман так много мне открыл, что я прочитал один за другим все великие романы этого величайшего писателя России» (С.4).

Оригинальные и парадоксальные аналогии только лишний раз подчеркивают глубоко личностное, прочувствованное отношение Моэма к русской классик. Незабываемо и проникновенно звучит в его «Записных книжках» сравнение Достоевского и Эль Греко: «Dostoievsky reminds me of El Greco, <...>. Both had the same faculty for making the unseen visible; both had the same violence of emotion, the same passion. Both give the effect of having walked in unknown ways of the spirit in countries where men do not breathe the air of common day. Both are tortured by the desire to express some tremendous secret, which they divine with some sense other than our five senses and which they struggle in vain to convey by use of them. Both are in anguish as they try to remember a dream which it imports tremendously for them to remember and yet which lingers always just as the rim of consciousness so that they cannot reach it. With Dostoievsky too the persons who people his vast canvases are more than life-size, and they too express themselves with strange and beautiful gestures which seem pregnant of a meaning which constantly escapes you» (Р.179).

С какой пронизательностью Моэм выделяет главное в Достоевском: «особый дар делать невидимое видимым», «желание передать некую страшную тайну, постигнутую каким-то шестым чувством». Достоевский,

как и Эль Греко, шел «непроторенными тропами в тех областях духа, где не дышат воздухом обыденности».

В другом месте «Записных книжек» Моэм находит проникновенные, идущие из глубины души строки для Алеши Карамазова – любимого героя Достоевского: «Литература никогда не дарила миру образа более обаятельного, чем Алеша Карамазов, и так же, как общение с ним доставляло радость людям, которые с ним общались, оно доставляет радость и читателям. Оно благотворно, как июньское утро в Англии, когда в воздухе разлит аромат цветов, щебечут птицы, с моря вглубь страны доносится свежий соленый ветерок. Жизнь радует. Радует она и в обаятельном обществе Алеши. Он наделен редчайшим и прекраснейшим качеством в мире – добротой, прирожденной наивной добротой, рядом с которой кажутся несущественными все интеллектуальные дарования» (С.10).

Однако здесь следует отметить, что У. С. Моэм, при всей его претензии на доскональное знание русской и мировой литературы и истории, не делает ни одного ни литературного, ни исторического сопоставления. Единственный случай – это Достоевский и Эль Греко, сопоставление оригинальное, но достаточно произвольное. А между тем ранее, в главе первой, мы указывали на ряд значимых сближений английской и русской литературы, когда, например, Байрон повлиял на Пушкина и Лермонтова, Вальтер Скотт – на Пушкина и Толстого, а Достоевский очень ценил гуманистический дар Диккенса. Этот ряд можно продолжить, но и этого достаточно для того, чтобы увидеть, насколько, несмотря на яркую оригинальность, приблизительны и некорректны многие суждения и ассоциативные сближения Моэма по поводу русской литературы и истории.

Среди других русских писателей Моэм отдает должное мощному изобразительному таланту Л. Толстого: «Анну Каренину» я прочитал еще

мальчишкой задолго до того, как начал писать сам, впечатления о романе у меня сохранились самые смутные, и когда много лет спустя я перечел его, уже как произведение искусства, с профессиональной точки зрения, оно показалось мне сильным и неожиданным, но несколько суровым и не согретым чувством» (С. 4).

Даже в не слишком удачных, по мнению Моэма, произведениях сильный талант Толстого дает о себе знать: «Своей репутацией «Воскресение» обязано репутации автора. Искусство в этом романе уступило место нравственной проповеди. Роман скорее походит на трактат. Тюремные эпизоды, рассказ об этапе арестантов неудачны, кажутся написанными на скорую руку; **но талант Толстого столь огромен, что виден и в этом романе.** На редкость удачны описания природы, и реалистические, и поэтические одновременно; а по умению передать запахи деревенской ночи, зной полдня, таинство рассвета в русской литературе ему нет равных. В искусстве создавать характеры он достиг невероятной силы...» (С. 14).

Примечательно стремление Моэма проводить постоянные параллели между русской литературой и русской жизнью. Вот и это рассуждение о романе «Воскресение» писатель заканчивает пассажем о том, что в Нехлюдове воплощен русский характер во всех его главных признаках: «... и в Нехлюдове, <...>, с его мистицизмом, неумением довести что-либо до конца, сентиментальностью, бестолковостью, бесхребетностью и упрямством, он создал тип, в котором большинство русских узнает себя» (С. 14).

Чехов Моэму весьма симпатичен своей жизненностью. В отличие от титанов Толстого и Достоевского, возвышающихся над жизнью обыденности на недостигаемой высоте, Чехов ближе писателю именно своей особой погруженностью в жизнь: «В Чехове я нашел душу, во многом близкую мне. Я чувствовал, что только у Чехова можно найти

ключ к пониманию этой загадочной России... Никто не умеет так четко, как он, передать ощущение места, тональность пейзажа, разговора человека. И делает это Чехов очень легко, без глубокомысленных рассуждений и подробных картин, - одним только точным изложением фактов. Чехов обладает душевным волнением и умеет так передать его, что это волнение находит у вас отклик, и вы становитесь его соавтором»¹.

Высшая похвала от писателя к писателю – оценка виртуозности стиля – сделана именно в адрес Чехова: «Виртуозность Чехова не бросается в глаза, и может показаться, что эти рассказы написал бы каждый, вот только никто так не пишет и это факт».

Неоднозначно отношение У. С. Моэма к Тургеневу. С одной стороны, Тургенев описывается как вполне ординарный писатель: «Потом я прочитал «Отцов и детей» по-французски; я слишком мало знал о России и не сумел оценить этот роман <...> Позже, заинтересовавшись Россией по-настоящему, я прочитал и другие романы Тургенева, но они оставили меня равнодушным. На мой вкус, их идеализм был чересчур сентиментальным, красоту же тургеневского слога, столь ценимую русскими, я в переводе не почувствовал и счел их вполне дюжинными» (С. 8).

Моэм считает, что слава Тургенева слишком раздута: «Читал Тургенева. Нет второго писателя, который сделался бы так знаменит на таких несущественных основаниях. Он, как никто, обязан известностью тому преувеличенному почтению, с которым русские относятся к своей литературе». Моэм считает, что книги Тургенева не вызывают в душе читателя того волнения от встречи с прекрасным, которое является условием знакомства с истинно великими произведениями: «Его книги не так распаляют любопытство, чтобы заглядывать в конец, с ними

¹Скороденко, В.А. Практическая эстетика Уильяма Сомерсета Моэма, или секреты творчества / В.А. Скороденко //Моэм, У.С. Искусство слова: О себе и других. Литературные очерки и портреты / У.С. Моэм. – М.: Художественная литература 1989. – С.5.

расстаешься без сожаления. Читая Тургенева, словно путешествуешь по реке спокойно, неспешно, без приключений и волнений. <...> Основное достоинство Тургенева – его любовь к природе, и его нельзя винить в том, что он описывает ее в духе своего времени, не столько передавая чувства, которые она у него вызывает, сколько перечисляя всевозможные звуки, запахи и виды; описания его исполнены изящества и прелести» (С. 9). Писатель упрекает Тургенева и в том, что характеры у него шаблонные, а галерея созданных им героев небогата.

Но в «Записных книжках» Моэм не стесняется противоречить сам себе. Не изменяет он этому правилу и в рассуждениях о Тургеневе. Приводимый фрагмент о недостатках Тургенева неожиданно завершается самым настоящим панегириком русскому писателю: «У Тургенева нет ни мучительных страстей Достоевского, ни масштаба и безбрежного сострадания к человеку Толстого, это верно, зато у него есть свои достоинства: **обаяние, изящество, лиризм.** В нем есть **элегантность и своеобразие** – замечательные свойства, что то, что другое – **здравый смысл и удивительное ощущение природы.** Даже в переводе видно, какой у него **прекрасный слог.** Он никогда не перехлестывает через край, не фальшивит, не впадает в занудство. Он не пророк и не проповедник; ему довольно того, что он писатель, исключительно и только писатель. Вполне вероятно, что будущее поколение сочтет Тургенева самым великим из этой триады» (С.9).

С другой стороны, Моэм совершенно не принял и не понял гоголевского «Ревизора» (видимо, на момент написания «Записок...» «Мертвые души» ему еще были неизвестны): «Ревизор» в России пользуется невероятной славой. Он один заключает в себе всю русскую классическую драматургию. <...>Для русских в этой одной-единственной банальной пьеске заключены Шекспир и елизаветинцы, Конгрив и Уичерли, Голдсмит и «Школа злословия». Имена ее персонажей стали

нарицательными, и добрая сотня ее строк вошла в поговорку. При всем при том это до крайности ничтожный фарс...» (С. 7). Особенно Моэм удивляет, что эту пьесу «так же высоко оценили критики, имеющие понятие о литературе Западной Европы». Причиной этого он видит недостаточно широкий кругозор «людей, знакомивших мир с Россией». Моэм не может и мысли опустить, что правы именно эти люди, а не он. Здесь писателю явно изменяет его объективность и знание рациональных принципов корректной научной дискуссии.

Отдавая дань русской классике, из современной писателю русской литературы он не выделяет никого. В Горьком он видит простого бытописателя «пролетарской жизни от лица пролетария»: «Горький оставил меня равнодушным. То, о чем он писал, было мне любопытно и ново, но сам он показался мне писателем не крупного дарования; его вполне можно читать, когда он без лишнего пафоса описывает жизнь низов, но мой интерес к трущобам Петрограда быстро иссяк; а его рассуждения и философические отступления представляются мне банальными. Талант Горького неотъемлем от его происхождения. Он писал о пролетариате, как пролетарий, в отличие от большинства авторов, трактовавших эту тему с буржуазной точки зрения» (С. 9).

Славу других писателей – Короленко, Сологуба, Куприна – он полагает излишне раздутой, навеянной модой на все русское: «Русские писатели так вошли в моду, что даже люди здравомыслящие склонны весьма преувеличивать достоинства некоторых из них лишь потому, что они пишут по-русски, и в итоге Куприну, к примеру, Короленко и Сологубу уделялось внимание, отнюдь ими не заслуженное. Сологуб, на мой взгляд, незначительный писатель, но сочетание чувственности и мистицизма, несомненно, делает его притягательным для определенного круга читателей» (С.7). При этом Моэм почему-то выделяет второстепенного писателя Арцыбашева: «С другой стороны, во мне нет

презрения к Арцыбашеву, которым щеголяют некоторые, Санин, на мой взгляд, книга, не лишенная достоинств; она пронизана солнцем, а это в русской литературе большая редкость. Герои Арцыбашева не месят слякоть; у него небо голубеет, ветки берез колышет приятный летний ветерок» (С. 7).

Вообще говоря, и в этом вопросе У. С. Моэм показывает не очень высокий уровень кросс-культурной компетенции. Он слабо знает русскую поэзию и драму, проходит мимо Лермонтова, Некрасова, Островского, Гончарова. Только романы вершинных писателей, которые на слуху у зарубежной публики. Достаточно сказать, что обмолвившись, что русская литература начинается с Пушкина, Моэм потом ни слова в «Записках» не упоминает о нем, хотя находит время и место для Арцыбашева. Пушкин также остался в целом вне сферы интересов писателя.

Пристрастный и при этом – весьма субъективный взгляд на русскую литературу связан у Моэма с его неоднозначным отношением вообще к России и русской жизни. Выходцу из высших слоев британского общества, по рождению и воспитанию плоть от плоти английской культуры, Моэму так и не суждено было понять этих русских: их духовные поиски казались ему хаосом, их крайности – безумием, их эмоциональность – претензией на ложную многозначительность. То смутное время последних дней Временного правительства еще больше укрепили Моэма в мысли о невозможности внести хоть какие-нибудь элементы порядка и организации как во внешнюю, так и во внутреннюю жизнь русского человека.

С иронией Моэм вспоминает о своем первом учителе русского языка, с которым он повстречался на Капри. Учил этот «a little man from Odessa covered with hair», похожий на гнома («He was almost a dwarf»), не очень хорошо. А когда Моэм опрометчиво заплатил ему за уроки вперед, тот исчез. Когда Моэм направился его искать, то обнаружил учителя в его камерке: «I found my Russian sitting on the chair, stark naked, very drunk, with

a huge flagon of wine on the table in front of him. When I went in he said to me: 'I have written a poem.' And without further ado, unconscious of his hairy nudity, with dramatic gestures, he recited it. It was very long and I didn't understand a word» (P. 181). – «Мой русский сидел на стуле, совершенно голый и очень пьяный, на столе перед ним стояла бутылка с вином. Едва я переступил порог, как он сказал: «Я написал стихи». И без долгих слов, забыв о своей прикрытой лишь волосяным покровом наготы, с выражением, бурно жестикулируя, прочитал стихи. Стихи были очень длинные, и я не понял в них ни слова» (С.15).

Эта фантасмагорическая сцена словно сошла со страниц Гоголя или Достоевского. Судя по всему, она надолго стала для Моэма символом всей неупорядоченности и неприкаянности русского человека, всей непостижимой и иррациональной русской действительности.

При этом У. С. Моэм, будучи исключительно одаренным, умным и наблюдательным автором, не мог не видеть того влияния, которое события русской жизни, явления русской литературы и культуры оказывают на Западную Европу. Моэм считает это влияние незаслуженным, приметой переменчивой моды. С другой стороны, он ощущает его пагубность, его заразительность.

Ведь и в себе Моэм ощущает зачарованность русской литературой – чувство, которому он искренне пытается противиться. Создается впечатление, что он хочет отделаться от наваждения, привнесенного в его здоровую английскую ментальность текстами Достоевского, Толстого, Чехова. Русская литература в его заметках сродни душевной болезни, от которой писатель хочет избавить здоровую Европу. Именно с этим, на наш взгляд, связана линия на сознательную дискредитацию русской литературы и русской культуры в «Записках...», что часто проявляется в откровенно несправедливых суждениях.

Даже любимый Моэмом Достоевский подвергается странным нападкам, которые порою имеют характер явных натяжек и передержек «Юмор Достоевского – это юмор трактирного завсегдатая, привязывающего чайник к собачьему хвосту» (С. 9). Даже посетив могилу Достоевского, Моэм находит возможным использовать это посещение для проявления кощунственного остроумия: «Внешность у Достоевского еще более пугающая, чем его произведения. У него вид человека, который побывал в аду и увидел там не безысходную муку, а низость и убожество» (С. 8).

Моэм словно ставит осознанную задачу – развенчать Достоевского, прежде всего в своих собственных глазах. Развенчивая Достоевского, Моэм стремится развенчать культ страдания, безумного и исступленного, привнесенный русской литературой в размеренную жизнь Европы: «У меня не вызывает ничего, кроме ужаса, вошедший недавно в моду культ страдания в литературе. Отношение к нему Достоевского мне претит <...> Не помню случая, чтобы страдание сделало человека лучше. Мнение, будто страдание совершенствует и облагораживает, выдумка» (С 4).

Страдание не созидательно, оно деструктивно, оно разрушает душу, парализует волю к действию – и при этом создает у человека иллюзию его ложной значительности: «Прежде всего страдание сужает кругозор. Сосредотачивает на себе. И свое тело и все, что тебя непосредственно окружает, приобретают непомерную важность. <...> Страдание ... подавляет жизненные силы. Оно не совершенствует человека в нравственном отношении, а огрубляет его; страдания не возвеличивают, а умаляют» (С.4).

Иногда обвинения в адрес русской литературы звучат достаточно нелепо: «Не припомню русского романа, в котором хоть один из персонажей посетил бы картинную галерею» (С. 8). Очень трудно понять, к чему этот несправедливый упрек. Достаточно вспомнить любимого

Моэмом Достоевского, у которого князь Мышкин в «Идиоте» обсуждает картину Гольбейна, а Версилов в «Подростке» восхищается картиной «Золотой век», которую он увидел именно в галерее. У Лескова в одном из романов герои знакомятся в Лувре. Теме искусства и художников посвящено много произведений русской классики – достаточно вспомнить «Портрет» Гоголя.

Отметим, что после этой фразы в «Записных книжках» сразу идет пассаж о том, что «русские не умеют четко мыслить», уже обсуждавшийся нами выше. А непосредственно перед этой фразой «Записных книжках» приводятся рассуждения Моэма об отсутствии нормального и здорового чувства юмора в русской литературе: «... и уж не потому ли русские романы так небогаты типами, что им поразительно недостает юмора. **В русской словесности напрасно будешь искать острот или колких реплик, игривой болтовни, кинжального удара сарказма, интеллектуально освежающей эпиграммы или беззаботной шутки.** Ирония в ней груба и прямолинейна. Если русский смеется, он смеется над людьми, а не вместе с ними; он издевается над причудами истерических женщин, нелепыми нарядами провинциалов, выходками пьяных. Смеяться вместе с ним невозможно: его смех отдает невоспитанностью» (С.8).

Даже как-то неловко оспаривать этот ограниченный и бездоказательный тезис. В сокровищницу мирового искусства эпиграммы входят язвительные эпиграммы Пушкина и Лермонтова, непревзойденный по силе сарказм Гоголя и Салтыкова-Щедрина (не говоря уже о Чехове) не уступят знаменитому юмору Диккенса и Теккерея. «Игривая болтовня» и «беззаботная шутка» в изобилии представлены в шуточных поэмах Пушкина «Граф Нулин» и Лермонтова «Тамбовская казначейша». А вот как раз смеха над людьми, попавшими в неловкое или затруднительное положение, русская литература не знает: она по традиции относится к

таким людям с милосердием и жалостью (вспомним хотя бы «пьяненьких» и «убогих» у Достоевского).

Но в «Записных книжках» Моэма можно встретить нападки на русскую литературу и посерьезнее того, что ее герои не ходят в картинные галереи. Тенденциозный упрек в «скудости русской литературы», да еще и «исключительной», усилен манипулятивной уловкой – апелляцией к форме всеобщего значимого суждения (т.е. якобы Моэм не выражает собственное мнение, а повторяет общеизвестный факт, то, что знает каждый): **«А вот что поражает каждого, кто приступает к изучению русской литературы, так это ее исключительная скудость.** Критики, даже из числа самых больших ее энтузиастов, признают, что их интерес к произведениям, написанным до девятнадцатого века, носит чисто исторический характер, так как русская литература начинается с Пушкина; за ним следуют Гоголь, Лермонтов, Тургенев, Толстой, Достоевский; затем Чехов вот и все! Люди ученые называют множество имен, но не приводят доказательств, чем они замечательны; человеку же со стороны достаточно проглядеть эти произведения, чтобы убедиться, он ничего не потерял, не прочитав их» (С.9).

«Скудости» русской литературы вполне соответствует, с точки зрения Моэма, «скудость ее типов»: «В русской литературе поразительная скудость типов. Встречаешь одних и тех же людей под разными именами в произведениях не только одного писателя, но и разных авторов. Алеша и Ставрогин – два наиболее примечательных и четко обозначенных типа. Они, похоже, неотступно будоражат воображение русских писателей: рискну предположить, что они представляют две стороны русского характера, эту пару в той или иной мере ощущает в себе каждый русский. **Возможно, именно сочетание двух столь непримиримых начал делает русских такими неуравновешенными и противоречивыми»** (С.10).

Столь очевидно односторонний тезис понадобился Моэму лишь для того, чтобы оправдать очередное спорное положение о «неуравновешенности и противоречивости русских», которыми буквально преисполнены «Записки...».

С точки зрения функционального критерия, в произведении У.С. Моэма можно говорить об **убеждающем типе коммуникации**, так как изображаемое в «Записных книжках» посвящено развенчанию мифа о загадочности русской души, о величии русской культуры и литературы с точки зрения идеалов и ценностей «типичного англичанина».

При всей оригинальности мыслей и парадоксальности рассуждений Моэм очень часто, возможно, сам того не замечая, отдает дань расхожим гетеростереотипам в трактовке России и русских, отчасти навеянным и русской литературой: «В жизни русских большую роль играет самоуничижение, оно им легко дается; они смиряются с унижением, потому что, унижаясь, получают ни с чем не сравнимое чувственное наслаждение» (С.8).

Вполне соответствует таким гетеростереотипам рассуждения о крайностях и противоречивости загадочной русской души: «Русский патриотизм – это нечто уникальное; в нем бездна зазнайства; русские считают, что они непохожи ни на один народ, и тем кичатся; они с гордостью разглагольствуют о темноте русских крестьян; похваляются своей загадочностью и непостижимостью; твердят, что одной стороной обращены на Запад, другой на Восток; гордятся своими недостатками, наподобие хама, который оповещает, что таким уж его сотворил Господь, и самодовольно признают, что они пьяницы и невежи; не знают сами, чего хотят, и кидаются из крайности в крайность; но им недостает того **весьма сложного чувства патриотизма, которое присуще другим народам**» (С.4).

Вывод об отсутствии у русских «нормального» сложного чувства патриотизма делается походя, он не аргументирован, не подтверждается ни в одном месте «Записок...». Моэм не удосуживается хоть что-то узнать о русской истории, безапелляционно заявляя следующее: «Читая о русской истории, поражаешься, как мало значит национальное чувство из века в век. **Случаи, когда патриотизм вздымался волной и сметал захватчика, составляют исключения.** Как правило, те, кого захват непосредственно не ущемлял, относились к нему с полным равнодушием. Не случайно Святая Русь так долго и покорно терпела татарское иго. Мысль о том, что Германия с Австро-Венгрией могут отхватить часть русских земель, не вызывает гнева; русские только пожимают плечами и изрекают: С нас не убудет, Россия большая» (С. 7).

Подобных поверхностных суждений у Моэма довольно много. В одном месте «Записных книжек» писатель говорит о том, что он изобрел свой метод изучения языков: «I have my own views about learning a language. I think it waste of time to acquire a greater knowledge than suffices me to read fluently and talk enough for the ordinary affairs of life. The labour required to acquire a real familiarity with a foreign tongue is profitless» (Р. 168). – Иными словами, вполне достаточно научиться бегло читать и поддерживать разговор на обыденные темы; совершенствоваться далее – перевод времени. Усилия, затраченные на то, чтобы изучить язык досконально, уйдут впустую.

Именно так, бегло, не вникая досконально, Моэм «читает» чужую культуру. Выводы, к которым приходит Моэм, иногда озадачивают человека, знакомого с русской культурой не понаслышке. Ср., например: «В русских глубоко укоренено такое свойство, как **мазохизм** <...> Каждого, кто жил среди русских, поражает, как женщины помыкают мужчинами. Они, похоже, получают чуть ли не плотское наслаждение, унижая мужчин на людях; манера разговаривать у них сварливая и грубая;

мужчины терпят от них такое обращение, какое стерпел бы мало кто из англичан; видишь, как лица мужчин наливаются кровью от женских колкостей, но ответить на оскорбления они даже не пытаются, они по-женски пассивны, слезливы» (С. 8).

Часто в «Записных книжках» Моэм грешит скоропалительными обобщениями, которые он не дает себе труда обосновывать: «Они (русские) ленивы и не имеют перед собой ясной цели, слишком много говорят, плохо владеют собой и потому выражают свои чувства более пылко, чем они того заслуживают, но в целом добры и незлопамятны; они великодушны, терпимы к недостаткам других; общительны, вспыльчивы, но отходчивы» (С. 4). Так оценивает автор достоинства и недостатки русских людей, не говоря уже о выводе, к которому приходит Моэм, что «...у русских чувства полностью захватывают личность и поработают ее. Они как эолова арфа, на которой сотня ветров наигрывает сотню мелодий, так что кажется, что инструмент невообразимо сложен» (С. 4) – иными словами, все страсти русских преувеличенны и гротескны, они не стоят ровным счетом ничего, так как возникают на пустом месте...

Однако в тех местах «Записных книжек», которые посвящены проблеме культурных различий между англичанами и русскими, Моэм обнаруживает известную проницательность – ведь мир собственной культуры ему, в отличие от русской, хорошо знаком: «У русских есть явное преимущество перед нами: они не так подчиняются условностям, как мы. Русскому никогда не придет в голову, что он должен делать что-то, чего не хочет, только потому, что так положено. <...> Русский лично куда более свободен, чем англичанин. Для него не существует никаких правил. Он ест, что ему нравится и когда заблагорассудится, одевается, как вздумается, невзирая на общепринятую моду (художник ничтоже сумняшеся может надеть котелок и крахмальный воротничок, а адвокат сомбреро); свои повадки он считает настолько само собой

разумеющимися, что и окружающие так их воспринимают; и хотя нередко он разглагольствует из желания покрасоваться, он никогда не стремится казаться не тем, кто есть, лишь склонен чуточку прихвастнуть; его не возмущают взгляды, которых он не разделяет; он приемлет всё и в высшей степени терпим к чужим чудачествам как в образе мыслей, так и в поведении» (С 9).

Поднимая тему духовной свободы, Моэм, возможно, идеализирует терпимость русских к чужим мнениям и меру личной свободы русских людей. Однако здесь с точки зрения кросс-культурной коммуникации нам важен вывод о том, что то, что в одной культуре считается достоинством, в другой оценивается как недостаток. Именно в этом видится важность проблемы культурного взаимопонимания между народами.

По-писательски погружаясь в мир собственного воображения, Моэм часто путает жизнь и литературу: «только благодаря чтению книг можно получить наиболее полное представление об иностранцах». Он сам неоднократно подчеркивает неразграниченность русской жизни и русской литературы в его писательском сознании: «Нельзя совершить экскурс в русскую литературу или в русскую жизнь и не заметить, какое огромное место занимает там острое чувство греха. Русский не только постоянно говорит, что он грешен, но, безусловно, чувствует это и страдает от угрызений совести. Они (русские) более склонны к самоанализу и обладают более острым чувством греховности»¹. Без сомнения, к этому выводу Моэма привели произведения Достоевского. Но выводы, сделанные писателем из прочтения Достоевского, он незамедлительно переносит и на характеристику реальной русской жизни.

Литературоцентричность «Записных книжек» проявляется и в пейзажных зарисовках, в описаниях сцен из городского быта Петрограда.

¹Моэм, У.С. Искусство слова: О себе и других. Литературные очерки и портреты / У.С. Моэм. – М.: Художественная литература 1989. – С.318.

Например, на страницах «Записных книжек» мы находим описание Невского проспекта в Петербурге: «It is dingy and sordid and dilapidated. It is very wide and very straight. The houses on either side are low, drab, with tarnished paint, and their architecture is commonplace. <...> The shop windows are crowded with vulgar wares. They look like bankrupt stock from the suburbs of Vienna or Berlin. The dense crowd flows ceaselessly to and fro. Perhaps it is the crowd that gives the Nevsky its character. It does not, as in those other streets, consist chiefly of one class of the population, but of all; and the loiterer may there observe a great variety of his fellow creatures, soldiers, sailors and students, workmen and bourgeoisie, peasants; they talk incessantly; in eager throngs they surround the men who sell the latest edition of a paper» (P. 178).

Итак, это «грязная, унылая и запущенная улица, очень широкая и прямая... Витрины магазинов забиты вульгарными товарами. Нераспроданные товары разорившихся пригородных лавчонок Вены или Берлина вот что они напоминают. Густая толпа постоянно течет туда и обратно. Наблюдатель может увидеть здесь великое множество типов: солдат, моряков, студентов, рабочих, буржуа и крестьян» (С. 5).

И вдруг реальная улица пропадает, а вместо нее незаметно на авансцену выходит Невский проспект как герой русской литературы. «Здесь нет однородности, обычно свойственной толпе в других странах; как будто душевные страсти более ясно написаны на их лицах, и эти лица не маски, а некий каталог, и, идя по Невскому, **можно увидеть целую галерею персонажей великих русских романов и назвать одно за другим их имена**» (С.5).

Пейзажные зарисовки у Моэма обязательно переплетаются с суждениями и обобщениями о русском характере. Так и здесь, наблюдая праздную толпу персонажей русской литературы на Невском, Моэм делает вывод о примитивной чувственности русских как основе их загадочной природы, – вывод, с которым едва ли можно согласиться: «Русские вечно

твердят, что миру точно так же не дано понять их, как им самих себя. Они слегка кичатся своей загадочностью и постоянно разглагольствуют о ней. Не берусь объяснить вещи, объявленные множеством людей необъяснимыми, однако задаюсь вопросом: а что, если отгадка скорее проста, нежели сложна. Есть нечто примитивное в том, как безраздельно властвует над русскими чувство» (С.6).

Описание русской действительности ассоциативно переходит в рассуждения о русском характере и в изящной пейзажной зарисовке, изображающей закатный Петроград: «Петроград. Вечерами он куда красивее. <...> Неяркие, приглушенные краски. Близкие к пастельным, но такие нежные, какие художникам редко удается передать: туманно-голубые и тускло-розовые тона, как на эскизах Кантен де Латура, зеленые и желтые, как сердцевина розы. Они пробуждают те же чувства, что французская музыка восемнадцатого века с ее пронизанным грустью весельем. **От каналов веет тишиной, бесхитростностью и наивностью; этот фон представляет отрадный контраст русским с их необузданным воображением и буйными страстями».**

Здесь нетрудно заметить, как настороженно и подозрительно относится типично английский писатель Моэм, с присущей его культуре сдержанностью и умением скрывать свои чувства, к искренним проявлениям чувств, характерным для русских людей. С точки зрения кросс-культурной компетенции следует отметить, что автор и не думает понять и принять особенности чужого национального характера – для него они составляют лишь устраненный предмет любопытства. Любопытно и то, что Моэм ни разу так и не усомнился в том, что сдержанность как признак истинной цивилизованности и культуры выше искренности и непритворной душевной открытости. У него эти свойства русской души вызывают лишь недоумение и культурный шок.

Один из главных пунктов Моэма – развенчание расхожего гетеростереотипа о загадочности русской души. Моэм везде, где можно и нельзя, хочет сорвать этот флер загадочности, нарочито огрубляя и заземляя возможные причины этой загадочности. Все страсти по поводу русской души сильно преувеличены, считает У. С. Моэм: «Русские, как мне кажется, непохожи на нас. Они более склонны к самоанализу, чем мы, чувство греховности у них обострено. Оно и в самом деле переполняет их, и они готовы, облачившись в рубище и посыпав главу пеплом, рыдая и вопия, каяться в прегрешениях, которые никоим образом не смутили бы нашу менее чувствительную совесть» (С. 13).

А обостренное чувство совести и желание постоянно слезливо каяться в грехах у русских Моэм связывает с «одной физиологической причиной», имя которой – пьянство («Вся нация мучается с похмелья»): «То-то была бы потеха, если бы водку запретили и русские в одночасье потеряли те свойства характера, которые так занимают умы склонных к сентиментальности западных европейцев» (С.14).

Интересны высказывания Моэма и о русских женщинах: «Все, кто жил в России, бывали поражены тем, как агрессивны женщины по отношению к мужчинам. Кажется, им доставляет чувственное удовольствие унижать их перед другими» (С. 4). И опять автор обращается к литературе: «Героини И.С.Тургенева умны, энергичны и предприимчивы, в то время как герои – безвольные мечтатели, не способные к действию. Это характерная черта русской литературы, и я полагаю, что она исходит из глубины русского характера» (С. 6).

Вряд ли можно согласиться с определением «агрессивный» по отношению к русским женщинам, тем более он не подходит героиням Тургенева. Да и Базарова с большим трудом можно назвать «безвольным мечтателем».

Еще одно из суждений, которые находит Моэм в русской национальной традиции – это «идея о том, что в любви лежит тайна мироздания»: «Откровение, которое русские преподнесли миру, на мой взгляд, не отличается большой сложностью: тайну вселенной они видят в любви. Ее противоположностью они считают своеволие соперничающую, но злую силу; русские романисты без устали показывают, к каким бедствиям оно приводит тех, кто не в силах с ним совладать» (С. 14).

Любви «духовной» русские противопоставляют, по мнению Моэма, своеволие (нетрудно заметить, что и эти идеи навеяны чтением Достоевского): «Но, противопоставляя любовь и своеволие, Россия всего лишь противопоставляет два романтических вымысла. Оба они мнимость, и их принимают за нечто другое лишь потому, что они невероятно обостряют наше восприятие жизни. Впрочем, у русских все начинается и **кончается чувством**».

Причем русскими почитается «именно пассивная сторона любви, ее жертвенность и смирение притягательны для русских, в них они обретают искомый ответ на мучающую их тайну».

Здесь мы снова видим излюбленную идею Моэма о том, что разум выше чувства и страсти, что в жизни чувствами нет ничего хорошего, они деструктивны и примитивны, как у животных. Только разум делает человека человеком.

Но русские не вписываются в стройную модель мироздания У. С. Моэма, они не уважают мысль и не умеют мыслить: «К мысли это явно не имеет никакого касательства, здесь происходит капитуляция мысли перед чувством; когда русские говорят, что загадка вселенной в любви, они признают, что перестали искать ее разгадку. **Поразительно, что русские, которых так занимает человеческая судьба и смысл жизни, решительно неспособны к метафизическим рассуждениям.** У них не появилось ни одного философа хотя бы второго разряда. Они, похоже, **не**

могут четко и глубоко мыслить. В умственном отношении все они заражены обломовщиной [в оригинале – с большой буквы Oblomovism, – А.С.]. Интересно задаться вопросом, почему это русское откровение имело такой успех в Европе» (С. 14).

«Obviously, the idea that this has no bearing on them; here we have a sense of surrender to the thought; when Russian say that mystery of the universe in love, they recognize that it stopped looking for clues. **Strikingly, Russian, so that takes human destiny and the meaning of life, absolutely incapable of metaphysical speculation.** They did not add any philosopher at least second class. **They can not seem to think clearly and deeply.** In all of them mentally infected **Oblomovism.** It is interesting to wonder why this Russian revelation was so successful in Europe» (С. 181).

Вывод о том, что русские не способны к метафизическим рассуждениям, так же, как и многие другие тезисы Моэма, выглядит поверхностным и легковесным; Моэм, очевидно, не знаком с предметом и не знает, что у русских были к тому времени уже и философы-славянофилы, и Чаадаев, и Данилевский, и Аксаков с братьями Киреевскими и др. И эти имена были знакомы европейской культуре.

Широкой известностью на Западе пользовались также и представители русской общественной мысли революционно-демократического направления. Так, по данным «Философской энциклопедии» идеи Белинского, Добролюбова, Чернышевского получили широкий отклик на страницах европейской печати. Например, Анатоль Франс высоко оценил эстетические и литературные взгляды Белинского, заложившего, по его мнению, основы понимания того, что мерою всех вещей был объявлен человек, что философия и искусство должны служить жизни. Г. де Мопассан в 1880 дал восторженную оценку Белинскому: «Этот человек оказал решающее влияние на литературное движение своей страны, и авторитет его был более распространен и более могуществен,

чем авторитет любого другого критика в любую из эпох в любом месте». Английский историк Р. Хезр показывает Белинского моралистом-индивидуалистом и либералом, идеалистом-рационалистом, требовавшим в конце жизни «ликвидации всяких систем философии» (1951). В 1954 г. в Кембридже вышла монография Х. Э. Боумена «Wissarion Belinski», а в 1957 г. в Лондоне издается книга Э. Ламберта «Studies in rebellion. Belinsky, Bakunin and Herzen», где признается самостоятельность философской мысли Белинского и новаторство его трудов¹.

Особой известностью в Европе пользовался Герцен, проживший, как известно, многие годы в Лондоне. По данным «Философской энциклопедии», за границей творчество Герцена издавна было предметом внимания и изучения: Н. Rosen, *Die socialpolitischen Ideen Alex. Herzens*, Halle, 1893; О. Sperber, *Die socialpolitischen Ideen Alexander Herzens*, Lpz., 1894 и др. В 20 - 50-х гг. XX в. иностранные авторы выпустили ряд книг и статей о Герцене: R. Labry, *Alexandre Ivanovic Herzen. Essai sur la formation et le developpement de ses idees*, P., 1928; его же, *Herzen et Proudhon*, P., 1928; M. Wiedemann, *Herzen und der «Kolokol»*, Charlottenburg, 1935; Ch. Corbet, *Dobroljubov et Herzen*, «Rev. 5tudes slaves», P., 1951, t. 27; F.P. Seeley, *Herzen's «Dantean» period*, «Slavonic and E. Europ. Rev.», 1954, v. 33, № 80 и др.² Огромный интерес вызывала также фигура Бакунина.

Создается впечатление, что Моэм передергивает сознательно, чтобы аргументировать свою общую идею о том, что русские – носители хаоса и беспорядка, и с ними невозможно иметь дело. Возможно, так он бессознательно стремится как-то оправдать неудачу своей секретной миссии. С таким «недоброкачественным человеческим материалом» любой шпион потерпел бы неудачу.

¹Философская энциклопедия: В 5 т. / Под ред. Ф.В. Константинова. – М.: Советская энциклопедия, 1960. – Том 1. – С.143.

²Философская энциклопедия: В 5 т. / Под ред. Ф.В. Константинова. – М.: Советская энциклопедия, 1960. – Том 1. – С.363.

Это, на наш взгляд, проявление определенной некомпетентности Моэма в сфере кросс-культурной коммуникации. Сегодня мы знаем, что возможен и принципиально иной взгляд английского писателя на Россию и русских философов и общественных деятелей той поры, который может быть признан кросс-культурно компетентным в высокой степени. Речь идет о драматической трилогии выдающегося современного английского драматурга Тома Стоппарда «Берег Утопии» (англ. «The Coast of Utopia») (2002)¹.

Эта драматическая трилогия повествует о России XIX века, в которой действует множество персонажей, как русской, так и зарубежной истории: Александр Герцен, Пётр Чаадаев, Иван Тургенев, Виссарион Белинский, Михаил Бакунин, Николай Огарёв, Николай Станкевич, Николай Чернышевский, Тимофей Грановский, Иван Аксаков, Карл Маркс и др.

Произведение состоит из трех частей: «Путешествие», «Кораблекрушение» и «Спасение» (иногда последнюю часть называют «Выброшенные на берег»). История начинается в 1833 году в селе Прямухино, родовом поместье Михаила Бакунина. Мы наблюдаем семью Бакунина, а также Белинского, Станкевича и Ивана Тургенева: молодые люди, добрые друзья, увлеченные идеями немецких философов-идеалистов. В следующей части («Кораблекрушение») главными героями являются Герцен, умирающий от чахотки Белинский, Николай Огарев, Бакунин. Бакунин, уже анархист, Герцен и Тургенев становятся очевидцами французской революции 1848 года. Надежды на свободу сменяются разочарованием. И, наконец, последняя часть: в Лондоне встречаются после краха европейских революций эмигранты. Герцен,

¹Стоппард, Т. Берег Утопии: Драматическая трилогия / Т. Стоппард: Пер. с англ. А. Островского и С. Островского. — М: Иностранка, 2006.

Огарев и его жена Наталья составляют любовный треугольник. Бакунин возвращается из ссылки.

Именно Герцену принадлежит в пьесе главная мысль трилогии: «Свобода – это то, что люди дают друг другу, а не то, что забирают друг у друга». Исторические личности русских революционеров-демократов изображены с симпатией, они показаны прежде всего с человеческой стороны. Герцен, например, в итоге понимает, что гармоничное общество должно существовать по тем же законам, что и счастливая семья, это должно быть «соревнованием в благородстве», тем более, что в семье уже есть идеальная модель человеческого поведения – отношения между детьми и родителями.

Герцен, Бакунин, Огарев, Тургенев показаны очень реалистично, как живые люди, со своими слабостями и проблемами. Стоппард нарушает наши привычные представления о них. Высокая степень кросс-культурной компетентности Т. Стоппарда вызвана его искренним интересом к российской истории и желанием разобраться в судьбах ее героев.

Так, драматург рассказывает, что сначала его интересовала только нравственная тематика, но «когда вы начинаете читать Бакунина, Тургенева, Герцена, Белинского, вас неизбежно начинает интересовать Россия. Мне кажется, история нации, страны может быть так же интересна и пронзительна, как история одного человека»¹.

Совсем иначе относится к освещению России и русских У. С. Моэм. Несмотря на все разнообразие представленных в «Записных книжках» характеристик русских, на всю их внутреннюю противоречивость, все же в рамках оценки кросс-культурных взаимодействий можно сформулировать общую тональность в отношении Моэма к русским.

Это некоторая снисходительность представителя более высокой цивилизации и культуры, носителя разума и здравого смысла, по

¹Киеня, Н. Два берега русских утопий / Н. Киеня // Газета «Известия». – 16 марта 2007. – № 45 (27329).

отношению к неким примитивным существам, живущим исключительно чувствами, неспособным контролировать свои эмоции, целесообразно действовать и рационально мыслить. Все те качества русского характера, которые так очаровывали мыслящих людей Запада, вызывают у Моэма несколько брезгливое недоумение.

Писатель всячески пытается развенчать миф о загадочной русской душе, дать ему исключительно земное, материалистическое объяснение (большие просторы, привычка к тирании и деспотизму, отсутствие индивидуальной предприимчивости, неорганизованность внешней и внутренней жизни, безответственность, бездеятельность, лень, пьянство и т.п.). Не сомневаясь в культурном превосходстве западной модели жизни, Моэм не пытается понять мир Другого, подходит к нему со своими мерками.

Искаженная логика Моэма приводит к самым невероятным объяснениям самых очевидных фактов. Например, любовь русских к своей литературе и доскональное знание ими своей литературы, что при других обстоятельствах должно безусловно оцениваться как знак культурности и образованности нации, у Моэма получает весьма неожиданное обоснование: «Именно потому, что у их литературы такая короткая история, русские знают ее досконально. Всякий, кто имеет привычку читать, прочитал все и так часто перечитывает, что знает эти произведения наизусть, как мы версию Библии короля Якова I. А так как русскую литературу в основном составляют романы, словесность в России в жизни людей просвещенных играет куда большую роль, чем в других странах» (С. 10).

Остается так и невыясненным, что плохого в том, что знание собственной литературы играет большую роль в жизни просвещенных людей какой-либо страны? Разве это не признак культурности жителей

этой страны? Почему очевидное достоинство интерпретируется как некий постыдный недостаток?

«Русская тема» в произведениях Моэма очень важна для изучения вовсе не для того, чтобы оспорить сомнительные и неверные суждения. Ошибки Моэма поучительны, и даже негативный опыт такого художника имеет несомненную познавательную ценность, лишней раз убеждая в неумолимости им самим сформулированного закона: «Пиши о том, что знаешь». Даже в той части, где сам Моэм нарушает этот закон, этот закон действительно неумолим, потому что в фрагментах, где остроумие писателя подменяет его познания в области русской жизни и русской культуры, для того, кто знаком с русской литературой и культурой не понаслышке, все натяжки и передержки обнаруживают себя самым явным образом.

Взгляды, изложенные в «Записных книжках писателя», имеют много противоречий и порой резких суждений, но их изучение очень важно с точки зрения англо-русских кросс-культурных отношений. Позиция Моэма примечательна тем, что она воплощает достаточно типичный набор гетеростереотипов о России и русских (пусть и в оригинальной версии писателя) с точки зрения определенной части образованных британцев, которые не очарованы всем русским, а сохраняют достаточно прохладное отношение к России. «Записные книжки» также представляют типичный набор оценок и заблуждений, которые свойственны многим англичанам при взгляде на русскую культуру. Знание этого может способствовать совершенствованию кросс-культурной коммуникации Англии и России.

В целом надо сказать, что Уэллс в большинстве оценок России и русских занимает конструктивную позицию: видя серьезные недостатки и искренне ужасаясь разрухе, писатель предлагает конкретную программу помощи стране Советов. Уэллс приехал в Россию как доброжелательный наблюдатель и как друг.

Моэм очень любит свою страну, его патриотизм не напускной, это «сложное чувство», которого, по его мнению, недостает русским. Для утописта и технократа Уэллса патриотизм скорее является пережитком, империалистическая Англия ему также неприятна, как и царская Россия. Поэтому Г. Дж. Уэллс, как создатель идеи Мирового правительства, кажущееся отсутствие его в русских (например, в большевиках) он рассматривает как благо.

Моэм разочарован фактом отсутствия у русских чувства патриотизма, так как это является прямой помехой для успешного завершения его секретной миссии. Поэтому Моэм воспринимает хаос и разруху в России исключительно с позиции того, насколько это выгодно Англии.

Ноты раздражения, негодования и возмущения по поводу бездеятельности и безволия русских в тексте «Записных книжек писателя» вытекают из постулата, что в России нет сильной власти. Нужно сохранить прогнившее Временное правительство, потому что только с ним можно договориться о продолжении войны, только оно могло бы попытаться удержать бегущих с фронта солдат. В отличие от Уэллса Моэм не озабочен вопросами сохранения культуры и цивилизации, пошатнувшихся от Мировой войны, вопросами спасения России от разрухи, он не видит проблему в глобальном свете, как Уэллс, потому что стоит на страже узконациональных интересов английских политических элит. Политический и социальный анализ Уэллса достаточно глубок, тогда как Моэм превосходит Уэллса в анализе литературы и культуры.

Имеются аналогии в том, как Уэллс и Моэм пытаются подвергнуть рациональному объяснению «загадочность» русской души. Оба автора стремятся объяснить её непониманием общественных условий, которые сформировали определенный тип национального характера. Для обоих писателей в целом не свойственно преувеличивать роль национального

своеобразия в оценке разных культур. Например, следующее высказывание Моэма: «По большей части люди, знакомившие мир с Россией, плохо представляли другие страны; они восхищались некоторыми ее свойствами, как типично русскими лишь потому, что они отличны от английских, не зная того, что эти свойства результат определенных условий жизни и соответственно присущи всем странам с примерно такими же условиями жизни» (С. 5). В том же духе высказывается и Г. Дж. Уэллс.

Удивительно, как доброжелательный Уэллс и иронически-отстраненный Моэм сходятся в трансляции одних и тех же гетеростереотипов. Уэллс пишет об «известной русской непрактичности и неумении доводить дело до конца», о том, что «способны только на пустые споры и беспочвенные авантюры», практически те же идеи, в похожих формулировках, встречаются у Моэма. То же можно сказать о пьянстве русских людей в интерпретации обоих авторов. Уэллс и Моэм сходятся в ироническом недоверии к искренности русских в отношении к религии, скептически относясь к мифу о особой религиозности русских.

Отметим, что под «русскими людьми» Уэллс и Моэм часто понимают представителей разных классов. Если на страницах «России во мгле» мы видим упоминания о пролетариате и о крестьянах, о лидерах правительства и членах партии большевиков, о деятелях литературы и искусства, то объект изображения у Моэма, за исключением беллетризованных портретов реальных исторических личностей Керенского и Савинкова, представляет собой усредненный тип русского интеллигента. Литературоцентризм Моэма ставит знак равенства между этим типом русского человека и литературными героями русских писателей.

В заключение отметим разные позиции Уэллса и Моэма в общей оценке русской жизни и русских людей. Культурная пропасть между

Россией и Англией – это главная тема Моэма. В отличие от Уэллса, который предпринимает практические шаги по ее преодолению, Моэм исходит из того, что она непреодолима, поэтому не стоит и предпринимать попыток.

На основе проведенного анализа можно сделать вывод, что уровень межкультурной компетенции У. С. Моэма, на наш взгляд, ниже, чем у Г. Дж. Уэллса, который, несмотря на ряд поверхностных суждений, все же имеет установку на взаимопонимание между разными культурами, на устранение недоразумений и коммуникативных провалов в кросс-культурных отношениях.

ГЛАВА III. Образ страны в советский и постсоветский периоды в публицистике Великобритании второй половины XX

3.1. Послевоенная страна в очерках Дж. Б. Пристли

Следующим этапом в становлении образа России в английской литературе и публицистике явились события Великой Отечественной войны, после победы в которой, во многом изменились приоритеты и акценты в восприятии России зарубежными авторами. С одной стороны, приоткрывшийся «железный занавес», свидетельства советских граждан, оказавшихся на Западе, и иностранцев, оказавшихся в Советском Союзе в период войны, привели к огромному разочарованию тех, кто верил в русский социализм. Вершинным произведением в этой области стал роман Д. Оруэлла «1984» (1948), который создал самые устойчивые стереотипы восприятия страны Сталина, ее идеологии, образа жизни, несвободы личности, переписывания истории и т.д. С другой стороны, Советский Союз и русский народ воспринимаются как творцы великой победы, как спасители Европы от фашизма, и от традиционной настороженности в оценке «загадочных русских» многие английские писатели переходят к живому и заинтересованному отношению к России, исполненному искреннего дружелюбия и симпатии. Ярким примером подобного отношения к России и русским является послевоенная публицистика Дж. Б. Пристли.

Джон Бойнтон Пристли (John Boynton Priestley 1894, Бадфорд – 14 августа 1984, Стратфорд-на-Эйвоне) – один из самых известных английских писателей XX века, автор более 15 романов и около 40 пьес. Его главные произведения широко известны в России. По словам Ю.И. Кагарлицкого, известность Пристли у нас в стране порою превосходила

его популярность на родине писателя. По-русски вышли все его главные романы: «Улица ангела», «Герой-чудотворец», «Они бродили по городу», «Затемнение в Гретли», «Дневной свет в субботу», «Сэр Майкл и сэр Джордж», «Дядя Ник и варьете», «Тридцать первое июня», «Эта старая, старая страна».

Пьесы Пристли «Опасный поворот», «Время и семья Конвей», «Визит инспектора», начиная с 30-х годов, не сходят со сцен отечественных театров. Первым постановщиком «Опасного поворота» был великий Н.П. Акимов, в пьесах Пристли играли такие мастера, как Е. Юнгер, Л. Сухаревская, Б. Тенин, П.Н. Гайдебуров, а пьеса «Визит инспектора», одно из самых ярких социально-обличительных произведений писателя, по его желанию получила первое сценическое воплощение не в Англии, но в Советском Союзе¹.

Однако многие исследователи, как у нас в стране, так и за рубежом, считают, что основной вклад в историю английской и мировой литературы внес Пристли-эссеист².

Эссе – традиционный жанр английской литературы, давший ей не одно славное имя и множество блистательных произведений. Едва ли за всю историю английской словесности найдется и десяток писателей, не обращавшихся к этому виду прозы, зато с легкостью обнаружатся несколько десятков авторов, достигших на этом поприще значительных успехов, – Поуп, Дефо, Аддисон, Стерн, Хэзлитт, Теккерея, Лэм, в XX в. – Киплинг, Честертон, Шоу, Беллок, Вирджиния Вулф, Моэм, Дилан Томас, Энгус Уилсон, Грэм Грин. В этом далеко не полном перечне совсем не последнее место принадлежит Джону Бойнтону Пристли, автору более двадцати пяти сборников очерков и эссе.

¹Кагарлицкий, Ю.И. Пристли / Ю.И. Кагарлицкий // История западноевропейского театра. – М.: Искусство, 1985. – Т. 7. – С. 232-254.

²См., например: Brome, V. J.B. Priestley / V. Brome. – L.: Hamish Hamilton, 1988; Ершова, Т.В. Дж.Б. Пристли – литературный критик и публицист: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.В. Ершова; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М., 1979.

Как пишет Е. Гениева: «Жанр эссе, разговора запросто, короткой изящной зарисовки, как нельзя лучше соответствует темпераменту Пристли – энергичному, требующему немедленного выхода. Собственно и сам писатель понимает, что эссе – «его жанр»: «писать романы и даже пьесы мне было трудновато, я постоянно что-то в себе преодолевал, что-то сам себе доказывал. Другое дело – эссе. Здесь я вольно дышу».¹

Первые опыты писателя относятся к началу 20-х гг. В послевоенные годы у Пристли одна за одной выходят книги эссе. Теперь он – мастер, остроумный, яркий, парадоксальный, превосходно владеющий материалом, блестящий стилист. В первую очередь, Пристли – просветитель: для него нет большей радости, как поделиться своими, действительно, обширными знаниями с читателями. С нашей страной Пристли впервые познакомился в трудные послевоенные годы. О впечатлениях он рассказал в книге «Поездка в Россию» («Russian journey»), вышедшей в 1946 г., цельной по замыслу, полной неподдельного уважения к стране, освободившей мир от фашизма»². О его сильной симпатии к стране победившего фашизма свидетельствует примечательный факт: гонорар за эту книгу Пристли передал Обществу англо-советских культурных связей.

Дж. Б. Пристли с женой были приглашены в Россию в качестве гостей ВОКСа (Всесоюзного общества культурных связей с заграницей). За полтора месяца автор побывал в Москве, Ленинграде, Сталинграде, Киеве, Грузии, посетил колхозы в южной части России. Итогом его поездки и стала книга путевых заметок «Поездка в Россию».

Переводчиком этого произведения является Виктор Абрамович Ашкенази (1940 г.р.) – современный переводчик английских и

¹ Гениева, Е. Музыка человечности / Е. Гениева // Пристли Дж.Б. Заметки на полях : худож. публицистика. – М.: Прогресс, 1988.

² Гениева, Е. Музыка человечности / Е. Гениева // Пристли Дж.Б. Заметки на полях : худож. публицистика. – М.: Прогресс, 1988.

американских авторов, редактор журнала «Иностранная литература», член Союза писателей Москвы. Наибольшую известность ему принесли новые переводы некоторых произведений А. Конан Дойля («Исповедь узника камеры №24», «Картонная коробка»), книги Г. Дж. Уэллса «Колесо фортуны», новелл Б. Шоу, рассказов Дж. Б. Пристли и т.д.

Книга состоит из 6 небольших по объему очерков, заголовки которых фиксируют географию поездки писателя: «Москва», «Колхозы», «Южные республики», «Сталинград», «Ленинград» – и завершающего очерка, который обобщает итоги поездки, под символическим названием «Русские и мы».

Что касается непосредственно содержания «Поездки в Россию», что мы можем условно выделить две линии в повествовании Пристли.

Первая линия связана с изображением быта русских людей, их трудовых будней, особенностей социальной и культурной жизни, психологии и национального характера – т.е. всего того, что является продуктом непосредственного писательского наблюдения. В традициях лучшей английской эссеистики, Пристли находит яркие художественные краски, описывая то городские пейзажи, разрушенные войной, то своеобразную красоту русской природы от севера до юга.

Вторая линия связана уже с размышлениями писателя об особенностях восприятия русского мира Европой, писатель проводит постоянные параллели между жизнью русских и европейцев, отмечает ряд преимуществ русского мироустройства, не забывая, конечно, и о недостатках. Важным пунктом этих размышлений является установка на развенчание сложившихся стереотипов восприятия России и русских людей на Западе.

Далее мы рассмотрим особенности публицистического произведения Дж. Б. Пристли в аспекте теории кросс-культурной коммуникации.

3.1.1. «Поездка в Россию» Дж. Б. Пристли с точки зрения типологии кросс-культурной коммуникации.

Оценивая культурную позицию Дж. Б. Пристли с точки зрения типов кросс-культурной коммуникации, можно сказать, что в «Поездке в Россию» Пристли реализует **межличностный тип** коммуникации, так как оценивает изображаемое, непосредственно наблюдая события и встречаясь с людьми в неформальной обстановке. Характер развития – **сужение дистанции**, вплоть до **эмпатии** – взгляда на чужую культуру как бы «изнутри», с позиций ее носителя.

На самых первых страницах писатель четко очерчивает основные цели своего визита, который «носил не политический, а культурный характер». Это знакомство с жизнью людей другой культуры, проникнутое заинтересованной симпатией и доброжелательностью. Как пишет сам Дж. Б. Пристли: «I **did** travel thousands of miles, **did** [здесь и далее – выделено нами, А.С.] see all I wanted to see, and as I am supposed to be an experienced observer of ordinary men and women I made full use of this opportunity of **using my eyes and ears and wits**» (С. 3)¹ – «... за полтора месяца я проехал тысячи миль, увидел все, что хотел увидеть, и, стараясь оправдать свою репутацию опытного наблюдателя и знатока жизни простых людей, я воспользовался этой возможностью, чтобы смотреть, слушать и делать выводы [в оригинале это звучит еще сильнее – за счет использования эмфатической конструкции с *did* и стилистической градации – *using my eyes and ears and wits*]» (С. 234)².

¹Здесь и далее английский текст произведения Дж.Б. Пристли «Поездка в Россию» цитируется по изданию: *Priestley, J. B. Russian journey* / J. B. Priestley. – L.: Issued under the auspices of the Writers Group of the Society for Cultural Relations with the U.S.S.R. 1946. – 40 p. В дальнейшем в скобках приводятся только номера страниц издания.

²Здесь и далее русский текст произведения Дж.Б. Пристли «Поездка в Россию» цитируется по изданию: Пристли, Дж.Б. Поездка в Россию / Дж. Б. Пристли // Дж. Б. Пристли. Заметки на полях. Художественная публицистика; сост., авт. предисл. и коммент. Е.Ю. Гениева. – М.: Прогресс, 1988. – С. 234-258. В дальнейшем в скобках приводятся только номера страниц издания.

Пристли и в этом произведении сохраняет главную особенность своей эссеистики – писать о том, что видишь, не домысливать того, о чем не имеешь представления. Это выгодно отличает «Поездку в Россию» от произведения У. С. Моэма, в котором последний часто подгонял свои наблюдения под заранее сделанные предвзятые выводы.

Общее настроение книги можно выразить словами Пристли в завершающем очерке «The Russians and Ourselves» («Русские и мы»): «These are fine people, and I will never willingly say a word to hurt them of the way of life they are creating. They have my friendship. And even if they should decide that they do not want my friendship, I shall go on offering it to them» (С 40). – «Русские – чудесные люди, и я никогда добровольно не скажу о них и о жизни, которую они строят, ни одного дурного слова. Я отдал им свою дружбу. И я буду снова и снова предлагать ее русским, даже если они решат, что моя дружба им ни к чему» (С. 258).

Уже в первом очерке «Москва» формируется особая атмосфера, особая тональность путевых очерков писателя, закладываются основные художественные приемы, использованные им на протяжении всей книги. Пристли умело чередует развернутый рассказ о представителях другой страны с краткими, полными юмора и наблюдательности заметками о характерных, поразивших его чертах чужого быта и чужого устройства жизни.

Так, он подробно описывает трудную, но наполненную глубоким содержанием жизнь простой русской семьи – Ивана и Наташи. Их жизнь, а так же жизнь их поколения лёгкой не была. В 30-е годы, ценой великих усилий и лишений, они помогали своей стране создавать тяжелую промышленность, которая в результате была безжалостно разрушена фашистскими захватчиками. Они сражались и победили, после чего немедленно приступили к восстановлению своей экономики.

Иван и Наташа работают механиком и швейей, зарабатывая тысячу двести рублей в месяц. За одну или две комнаты они платят не больше двадцати пяти – тридцати рублей в месяц. Ребенок ходит в детский сад при швейной фабрике. Оба они являются членами профсоюза, получающего от государства субсидию в размере восьми – двенадцати процентов заработной платы, и профсоюз заботится об их благосостоянии (сюда входит медицинское обслуживание, дома отдыха и т. д.), посещают московские театры. «Seats for the theatre, opera, ballet, concerts, are relatively cheap, as are books and anything else to do with knowledge and the arts. In Moscow, for less than the price of an ice-cream there, you can see theatrical productions perfection that not all the money in America can buy» (С. 6). – «Билеты в драматические и оперные театры, в концертные залы стоят довольно дешево, так же как книги и все, что имеет отношение к просвещению и искусству. В Москве, заплатив меньше, чем стоит порция мороженого, вы можете попасть на такой спектакль, которого в Америке не увидишь ни за какие деньги» (С. 237).

Примечателен вывод о духовном превосходстве простых русских людей над их сверстниками в Европе, который делает Пристли: «Стоит ли удивляться, что они плохо одеты, живут в неудобных перенаселенных квартирах, а транспорт оставляет желать лучшего. Но перед ними горы работы, а о безработице они никогда и не слышали; **каждый твердо знает, что все его таланты и способности найдут себе применение и будут реализованы до конца** [в оригинале – «and if they have any special talent or skill they will be eagerly encouraged to make full use of it»]. Они росли свободными от опошляющего влияния денег, которое так часто ведет к душевной убогости... Они любят футбол, волейбол, любят веселые ярмарки в парках; в то же время **они страстно хотят учиться, читать, спорить о прочитанном, наслаждаться великим искусством** [в

оригинале – «but they also **have a passionate desire** to learn, to read and discuss, to enjoy great drama and music»]» (С. 238).

Как уже было сказано выше, подробный рассказ как бы вписан в полотно ярких и остроумных кратких наблюдений, которые создают неповторимую художественную атмосферу эссе, полную доброго юмора и подлинной симпатией. Вот Пристли описывает перелет из берлинского аэропорта в Москву. Весь полет длился как нескончаемый праздник, в режиме русского застолья, способствующего объединению разных людей: «Все курили, играли на аккордеонах и пели; бутылки переходили из рук в руки; **царила праздничная атмосфера, очень русская и очень сердечная...**» (С. 235). – «... and there was a birthday-party atmosphere, **very Russian and very genial...**» (С. 4).

А вот его первое краткое впечатление о москвичах: «And at first the Muscovites, though vigorous enough, appear somewhat dour and withdrawn into themselves» (С. 3). – «Москвичи, люди довольно живые и энергичные, в первую минуту производят впечатление угрюмых и погруженных в себя» (С. 236). Затем, в последующих очерках, он развернет эту мысль – не суди людей иной культуры по первому впечатлению. Русские люди поразили писателя своим дружелюбием, открытостью и сердечностью, но эти богатые духовные качества открываются не любому первому встречному, а только доброжелательному и искреннему наблюдателю. Нужно за невзрачной вещностью видеть глубокое внутреннее содержание – это еще один важный вывод Пристли.

Также Пристли был поражен удивительной тягой русских людей к литературе, театру, искусству. Он с удивлением пишет о тех толпах людей, которые буквально рвались на его писательский вечер с показом сцен из пьес: «Something like this could happen at a football match in London, at a prize-fight in New York but to see and hear an author? That could happen only in Moscow» (С. 7). – «Нечто подобное можно увидеть на футболе в

Лондоне, на бое боксеров-профессионалов в Нью-Йорке – **но на встрече с писателем?** Такое бывает только в Москве» (С. 238).

В главе «The Southern Republics» («Южные республики») Пристли рассказывает о путешествии на поезде, который «привез нас в самую гущу русской жизни» [«It took us straight into the heart of contemporary Russian life» (С. 13)]. Он с симпатией говорит об украинцах: «The Ukrainians, who are chunky handsome folk with a notable sense of humour, like to enjoy themselves» (С. 14). – «Украинцы, красивые коренастые люди с удивительным чувством юмора, любят хорошо повеселиться» (С. 242), но при этом Пристли не забывает отметить в качестве контраста, что это стремление к «богатой и радостной жизни» тем более ценно, что оно протекает на фоне ужасающих следов войны.

Пристли использует яркую, но исполненную глубокого смысла деталь: «Thus, in one village we visited, out of a pre-war population of seven hundred, the Nazis had shot and hanged a hundred men. The driver of our car, a tough little Red Army hero, who loved to drive at full speed and talk to my wife at the same time, **mentioned casually** how he had helped to take dozens of children's bodies out of a well» (С. 15). – «В одной деревне, где мы побывали, до войны было семьсот жителей; из них фашисты расстреляли и повесили сто человек. Наш шофер, крепкий, коренастый красноармеец, любивший ездить «с ветерком» и одновременно разговаривать с моей женой, **мимоходом упомянул о том**, что он помогал вытаскивать трупы детей из колодца» (С. 242). Писателя потрясла сила духа и воля к жизни народа, который потерял в войне более 20 000 000 человек, но упорно стремится построить новую, счастливую жизнь.

Пристли находит емкую характеристику и для грузин: «The Georgians are a romantic, handsome, mountain people, and the best dancers, in their own traditional style, that I ever saw» (С. 16). – «Грузины – романтический и красивый народ, как и подобает жителям гор, а лучших

танцоров в народном стиле я просто никогда не видел» (С. 243), – и для армян: «Armenians are a quick clever people, with an ancient culture and a tragic history. They have come at last, they believe (and I believe with them) to a safe anchorage in the Soviet Union» (С. 17). – «Армяне – живые умные люди; у их народа древняя культура и трагическая история. Они верят (и я вместе с ними), что нашли наконец надежное прибежище в Советском Союзе» (С. 244).

С искренним восхищением Пристли описывает выступление танцевального ансамбля из Сухуми, которое для него – свидетельство того, что «the best of the old native culture being carefully preserved» («лучшее, что есть в народной культуре, искренне оберегается»): «I became a raging admirer of this particular Georgian troupe, and am determined that they shall visit London, where they would take our audiences by storm, so exquisite are the gliding girls, so energetic are the men. I can still hear the haunting little tunes they danced to, still see the romantic figures moving as in a dream» (С.18). – «Я горячий поклонник этой грузинской труппы и мечтаю, чтобы она приехала в Лондон; если это случится, она сразу же покорит нашу публику – так изысканно бесшумно скользящие девушки, так брызжут энергией мужчины. У меня в ушах до сих пор звучат неотвязные мелодии, под которые они танцевали, а перед глазами плывут фантастические [в оригинале – «романтические»] фигуры,двигающиеся словно во сне» (С. 245).

Важно подчеркнуть, что мы не встречаем здесь ни намека на культурное превосходство представителя западной культуры, с высоты которого он наблюдает танцы «диких аборигенов» (эти ноты часто проскальзывали, например, в «Записных книжках» Моэма). Пристли занимает позицию заинтересованного наблюдателя, который понимает и принимает чужую культуру, пропуская ее через свою душу, осознает

важность сохранения и сбережения культурного наследия любого народа на Земле как проявления лучшего, что есть в человечестве.

С точки зрения функционального критерия, в произведении Дж.Б. Пристли, как и в книге Г. Дж. Уэллса, мы можем отметить органичное взаимодействие **информативного** типа коммуникации (так как осуществлялся сбор информации и аналитический способ ее подачи) и **аффективно-оценочного** типа коммуникации: это можно видеть на примере разнообразных эмоционально-экспрессивных отступлений от сюжетного способа подачи материала, выражающих позитивную оценку России и русских, а также в многочисленных авторских комментариях, в том числе иронического и юмористического характера.

Идейно-художественным центром всего повествования, на наш взгляд, выступает очерк «Сталинград». Сталинград в глазах людей всего мира – разумеется, не просто город. Это символ подвига народа, сокрушившего фашизм. Писатель возвращает читателей в недавнее прошлое, воскрешая в памяти основные этапы Сталинградской битвы, «if only to make you understand what we felt» (С. 23) [«чтобы вы могли понять, с каким чувством мы осматривали город» (С. 247)].

Но снова, на фоне описания ужасающих следов войны в этом городе («It was like finding oneself in the middle of the Wells' film «Things To Come»» (С. 23). – «Мы словно смотрели – только не на экране, а в жизни – фильм по роману Уэллса «Облик грядущего» (С. 246)), автор находит возможность подчеркнуть внутреннюю красоту и сердечность русских людей.

Писатель даже испытывает по отношению к русским какую-то духовную близость, ощущает себя «как дома», – а это с точки зрения англичанина, с его любовью к дому как непреходящей жизненной ценности, есть высший комплимент: «After the Caucasus, and its remote and romantic inhabitants, we had a sense here **almost of home-coming**, for though

these Stalingrad folk were Russian to the last hair, there was about them something that reminded my wife of her native Wales and suggested to me my own north country. And if this is contradictory, I cannot help it» (С. 23). – «После Кавказа с его экзотикой мы чувствовали себя здесь **почти как дома** – что-то в этих сталинградцах, русских с головы до пят, **напоминало нам наши родные края**: моей жене Уэльс, а мне – север Англии. Если вы усмотрите тут противоречие, я ничего не могу поделать (в оригинале – «ничем не могу помочь»))» (С. 246).

В следующем очерке под названием «Ленинград» продолжается тема недавней войны, но она обогащается темой служения культуре и искусству. Ленинград – это культурная столица России, «in many ways Leningrad seemed to us the best city of all» («во многих отношениях Ленинград показался нам самым лучшим городом»).

Писатель сразу отмечает: «There is immense civic pride in Leningrad, as well there might be. The two-hundred-and-fifty-thousand persons died here during the siege» (С.29). – «В ленинградцах чувствуется огромная гражданская гордость, что вполне понятно. Двести пятьдесят тысяч человек погибло здесь во время блокады» (С. 251). Вспоминая ужасные страницы блокады Ленинграда, Пристли размышляет над причинами героизма русских людей: «The most ruthless discipline in the world cannot compel people to make such sacrifices... Hitler had his S.S. men and his Gestapo, but where were the Leningrads and Stalingrads of Germany when Hitler's iron empire was invaded?» (С. 29). – «Самая жестокая в мире дисциплина не может заставить людей приносить такие жертвы... У Гитлера были эсесовцы и гестапо, но куда девались немецкие Сталинграды и Ленинграды, когда война велась уже на территории гитлеровской железной империи?» (С. 251).

Писатель приходит к выводу, что страх не может заставить человека проявлять преданность и героизм: «They **have to believe heart and soul**

[английская идиома – «телом и душой»] in what they are defending. Hitler's mistake was in assuming that the Soviet regime a been imposed by force on the Russians, who therefore would not fight log for it. And there are people who still talk like that. They should go to Leningrad for few days and **keep their eyes and ears open**» (С. 28-29). – «Он должен всей душой верить в то, что он защищает. Ошибка Гитлера заключалась в том, что он считал, будто советский режим навязан русским силой и они не станут его защищать. Есть люди, которые до сих пор это повторяют. Им надо приехать на несколько дней в Ленинград, **посмотреть и послушать** (в оригинале – «держат глаза и уши открытыми»)» (С. 251).

Вторая важная тема очерка «Ленинград» – тема просвещения, культуры и искусства. Проблема культурного наследия прошлого, «России Достоевского» возникает при красочном поэтичном описании церкви: «We had a glimpse on a Sunday morning of **old pre-revolution Russia** in Leningrad. A large church, belonging to the orthodox Greek Church of old Russia, was open, so in we went. No seats anywhere: you have to stand in the Greek Church. Much incense and intoning in various corners. Queues of oldish poor folk, waiting to kiss in turn the sacred ikons. **It was the Russia of Dostoievsky again**» (С. 29). – «В воскресенье утром нам удалось увидеть кусочек **старой, дореволюционной России**. Большая православная церковь оказалась открытой, и мы вошли внутрь. Нигде никаких скамеек: в православной церкви вы должны стоять. Много ладана; в углах эхом отдается голос священника. Вереница старых, бедно одетых людей, ожидающих своей очереди поцеловать священные иконы. **Это снова была Россия Достоевского**» (С. 251).

Но с восторгом пишет Пристли и о новой, «молодой России, которую он встретил в Ленинградском университете». Писатель не противопоставляет дореволюционную Россию новой, как это принято у

многих западных писателей. Он, напротив, видит духовную и культурную преемственность и связь.

Пристли поразила тяга к знаниям у современной ленинградской молодежи, в том числе к английской литературе и культуре. Он констатирует, что обычные ленинградцы – носители культуры в большей степени, чем рядовые европейцы. Они – «большие знатоки литературы». Пристли пишет и о великолепных советских театрах, которые не уступают лучшим европейским, а в чем-то и превосходят их. И, конечно, ему по душе знаменитые душевные русские разговоры: «... Russian conversation, for they are copious, lively and untiring talkers, and the dour silent types they send abroad are, I fancy, merely acting a part» (С. 32). – «... русские очень словоохотливые, живые и неутомимые собеседники, а мрачные молчаливые субъекты, которых они посылают за границу, по-моему, просто притворяются таковыми [в оригинале – «играют роль»]» (С. 253).

Далее, в завершающем очерке «The Russians and Ourselves» («Русские и мы»), писатель отметит: «In some ways Russia is a giant going to school. But what a schooling! Since 1918, 821,000 different books and pamphlets, amounting to ten billion copies, have been published, including 31,618,000 copies of Pushkin, 24,000,000 of Tolstoy. **And if this is darkness, show me the light**» (С. 36). – «В некоторых отношениях Россия похожа на великана, который отправился в школу. Но какая это школа! С 1918 года здесь напечатали 821 000 различных названий книг и брошюр общим тиражом около десяти миллиардов экземпляров, в том числе 31 618 000 экземпляров произведений Пушкина и 24 000 000 – Толстого. **Если это тьма, покажите мне свет**» (С. 254).

С точки зрения критерия канала информационного взаимодействия Пристли, как мастер эссе, естественно, в основном реализует **вербальный тип** кросс-культурной коммуникации.

Как уже говорилось выше, Пристли-эссеист – мастер яркой и запоминающейся детали. Очень емкий в художественном отношении образ – фигура немецкого военнопленного, бредущего по городу без всякой охраны и курящего «драгоценную сигару». И как мастерски обыгран этот образ, с помощью которого вновь Пристли удается показать величие русской души: «... yet it was he and his kind who behaved like sadistic madmen, looting and destroying and murdering, from the Baltic to the Black Sea. The Russian is tough, but not vindictive and coldly revengeful» (С. 24). – «... и все же это он и ему подобные вели себя как взбесившиеся садисты, грабя, разрушая и убивая на всем пространстве от Балтийского до Черного моря. Русских можно назвать несговорчивыми, но они не злопамятны и не мстительны» (С. 250).

Также в финале очерка забываем образ помощника комиссара, данный несколькими выразительными мазками: в его сияющем лице «валлийская восторженность соединилась с йоркширской прямоотой» («... who seemed to combine Welsh enthusiasm with Yorkshire directness»). И снова из этой детали вырастает символическое обобщение, исполненное торжественного пафоса любви и уважения к людям, победившим фашизм и восстанавливающим из руин этот город: «He and his kind helped to save the world by holding on to every stone of Stalingrad. They will rebuild it, I believe, as a great city deserves to be built» (С. 24). – «Он и такие, как он, помогли спасти мир, сражаясь за каждый камень Сталинграда. И я верю, что теперь они восстановят его так, как того заслуживает этот великий город» (С. 250).

Очерк «Ленинград» завершается лирической зарисовкой – трогательной сценой прощания, когда все новые знакомые писателя пришли проводить его с цветами и подарками. Здесь Пристли выходит на важную для него тему искренней, непоказной дружбы между представителями разных культур, завершая повествование открытым

вопросом, обращенным к английскому читателю: «The last we saw of Russia was the sigh, of their friendly smiling faces, whose images remained with us as the lights vanished and there was only a vague blur of snow in the darkness. **They welcomed us as friends; they said good-bye to us as friends; and, come what may, we shall remain their friends. Wouldn't you?»** (С. 33). – «Последнее, что мы увидели в России, были их приветливые улыбки, которые остались в наших сердцах, когда огни исчезли в темноте и за окном повисла только туманная снежная пелена. **Они встретили нас как друзей; они простились с нами как с друзьями; и что бы ни случилось, мы останемся их друзьями навсегда. А вы?»** (С. 254).

В «Поездке в Россию» проявились лучшие черты Пристли-эссеиста. В частности, это касается его мастерства пейзажиста. Пейзаж у Пристли – не самоцель, он всегда одухотворен какой-то важной художественной идеей, он служит яркой и эмоциональной иллюстрацией публицистической мысли писателя.

Вот, например, городской московский пейзаж на самых первых страницах путевых заметок: «Moscow looked gloomy when we first saw it, but later, when the snow came, **it had a strange beauty of its own**. Some parts of it looked like Manchester in November; other parts (notably the parks) like **Blackpool**; but there were always the green or gilded onion-shaped domes to suggest an Oriental fairy-tale. There is **little war damage** to be seen, but obviously this is a city that has fought a long grim war» (С. 4-5). – «При нашей первой встрече Москва выглядела мрачновато, но потом пошел снег, **и мы почувствовали ее своеобразную красоту**. Кое-где она напоминала нам **Манчестер** в ноябре, кое-где **Блэкпул** (особенно в парках); но повсюду, словно в восточной сказке, виднелись зеленые или позолоченные луковки – купола церквей. **Следов войны** не так много, но сразу понимаешь, что этот город выстоял в долгой и суровой битве» (С. 236).

Здесь своеобразная красота Москвы сопрягается с напоминанием о прошедшей войне. Еще одна характерная черта художественной манеры Пристли в описании русских городов – он сравнивает их с известными английскими или европейскими городами, подчеркивая неразрывную связь культур.

На тех же художественных принципах основано изображение Киева – в яркое и праздничное описание города словно невзначай проникает деталь «весь центр лежит в развалинах», и приводится сравнение с Берлином: «Kiev is the right kind of capital city for the rich, fat, smiling Ukraine, and has a livelier freer atmosphere than Moscow. All the centre of the city, including its finest buildings, is **a ruin** that reminded us of **Berlin**» (С. 14). – «Киев – самая подходящая столица для богатой, плодородной, веселой Украины, здесь царит более живая и непринужденная атмосфера, чем в Москве. Весь центр города, включая его красивейшие здания, лежит в **развалинах**, при виде которых мы вспомнили **Берлин**» (С. 242).

Еще более ярко эти принципы проявляются в описании Сталинграда: ««Stalingrad», he cried, beaming and pointing. There were **miles and miles of ruins**. Stalingrad, which is a great river port, is one of the three longest cities in the world, extending for about fifteen miles along Volga. It looked like **Ipres** multiplied by twenty» (С. 22-23). – «Сталинград!»– сияя, воскликнул наш спутник и указал рукой туда, где на много миль тянулись **развалины**. Сталинград – большой речной порт и один из трех самых длинных городов в мире; его длина по берегу Волги – около пятнадцати миль. Когда мы его увидели, он напоминал **Ипр**, только увеличенный в двадцать раз» (С. 246).

Ленинград, самый европейский из городов России, также описывается на контрасте праздничной красоты, архитектурного великолепия и следов войны, и он тоже вписан в контекст описания городов Европы, сравнения с ней: «We saw it first on a clear morning, with crisp snow everywhere, and **its coloured Italian palaces, its noble sweep of**

waterfront, its innumerable canals and bridges, were all enchanting. **It is a city that seems nearer to us in the West than Moscow and the other Russian cities.** <...> In spite of the long siege, the **war damage** is now not very noticeable, although when you visit a number of the larger buildings you soon discover that most of them still contain wrecked rooms, chiefly the result of shellfire» (С. 28). – «Он предстал перед нами ясным зимним утром, под ногами похрустывал снег, и **разноцветные итальянские палаццо, благородная красота широких ленинградских набережных, бесчисленные каналы и мосты** – все это было восхитительно. **Нам, живущим на Западе, этот город ближе, чем Москва и остальные русские города.** <...> Несмотря на долгую блокаду, **следы войны** теперь уже не очень заметны, хотя, осмотрев некоторое количество больших зданий, обнаруживаешь, что почти во всех еще остались разрушенные помещения – результат артиллерийского обстрела» (С. 250).

Иначе описываются южные города, не знавшие войны. Тбилиси дан одной краткой, но выразительной деталью – «a remote and romantic city» («далекий и сказочный город»), а Ереван сильно выигрывает в сравнении с европейскими городами: «Now there are two-hundred-and-fifty-thousand people, a university (where there is a large English department, for I visited it), technical institutes, hospitals, boulevards, a fine opera house and several theatres, where Armenian plays are given. **Erivan has in fact many amenities that cities of the same size in Britain cannot show**» (С. 17). – «Теперь это двухсотпятидесятитысячный город с университетом (и большим отделением английского языка и литературы, где я побывал), институтами, больницами, бульварами, прекрасным оперным театром и несколькими драматическими, где идут армянские пьесы. **Если сравнить Ереван с британскими городами, равными ему по величине, то сравнение будет не в их пользу. Ереван гораздо красивее и удобнее**» (С. 244).

Однако ярче всего в «Поездке в Россию» Пристли как мастер символического одухотворенного пейзажа проявил себя в описании Волги – символа России. Найден удивительный поэтический образ – Волга с самолета, заходящего на посадку: «Then it looked as if somebody had dropped a fat grey ribbon on a brown carpet» (С. 22). – «Потом мне показалось, что кто-то бросил на коричневый ковер блестящую серую ленту» (С. 245).

А далее – характерное для Пристли патетическое обобщение: «I realised that that ribbon was the Volga, which is more than Russia's greatest river, for **it is her treasure, her symbol, her destiny**, and it was here, on the Volga, that the Nazis were first checked and then crushingly defeated» (С. 22). – «Я понял, что это Волга, река, которая является не только величайшей рекой России, но и **чем-то большим – ее сокровищем, ее символом, ее судьбой**; именно здесь, на Волге, фашисты были впервые остановлены, а затем потерпели сокрушительное поражение» (С. 245-246).

3.1.2. «Поездка в Россию» Дж. Б. Пристли в свете проблемы межкультурной компетенции личности писателя.

Говоря о **кросс-культурной компетенции** Дж. Б. Пристли, можно сказать, что писатель разрушает сложившиеся негативные гетеростереотипы, сознательно отказывается от стандартных оценок, честно и непредвзято изображает то, что видит: у Пристли отсутствует культурная дистанция между разными образами жизни, для него характерна установка на дружбу и взаимопонимание представителей разных культур, признание культурного равноправия. В соответствии с понятийным аппаратом кросс-культурной коммуникации, Пристли является в высшей степени **межкультурно компетентной личностью**, превосходя в этом отношении Г. Дж. Уэллса, который иногда все же

оценивал русскую культуру свысока, с позиции «просвещенного европейца».

Все это отчетливо проявляется в сюжете, композиции, поэтике «Поездки в Россию». Так, непосредственные наблюдения о жизни России и русских людей, об особенностях русского национального характера перемежаются в книге «Поездка в Россию» пространными публицистическими отступлениями, рассуждениями о насущных проблемах российско-европейских отношений, а также о некоторых особенностях российского мироустройства, важных в плане развенчания расхожих стереотипов России и русских, сформировавшихся на Западе.

Примечательным в этом плане является его полное убийственной иронии рассуждение о разрушении иллюзий о «неотвратимой российской шпиономании», об атмосфере слежки и всеобщего доноительства по поводу иностранцев, в самом начале очерка «Москва»: «... truth compels me to say that we spent our first morning in Moscow strolling around by ourselves, just as we might in London or New York or anywhere else. (**Unless the secret police were successfully disguised as sparrows**) And here is the place to state emphatically that **we did not spend our time hedged around by interpreters, detectives and dictaphones**, that we saw what we wanted to see and often made last-minute choices and so paid unexpected visits, and that if we wanted to be alone ... then we were left alone» (С. 4). – «... в интересах правды я должен сообщить, что первое утро в Москве мы провели, бродя по улицам вдвоем – как в Лондоне, Нью-Йорке или любом другом городе. (**Если, конечно, за нами не следовали по пятам агенты тайной полиции, умело загримированные под воробьев.**) Здесь нужно заявить со всей определенностью, что **мы не были окружены стеной из переводчиков, детективов и диктофонов**; мы видели все, что нам хотелось, причем часто принимали решение в последнюю минуту и

приходили, когда нас никто не ждал; если же у нас возникало желание остаться одним, ... нас оставляли одних» (С. 235).

Пристли также развенчивает еще один расхожий миф об «угрюмости, недоброжелательности и подозрительности русских». Он, напротив, считает, что все указанные признаки как раз присущи Западу в отношении к русским, говоря в очерке «Ленинград» о том, что «Soviet hospitality to visiting Writer's or scientists is so much better than ours, which badly needs organising and improving. **It is no use pleading, as I did frequently in Russia, for more cultural exchanges, if we on our side do not learn how to receive our guests properly**» (С. 31) [«советское гостеприимство в отношении иностранных писателей и ученых настолько превосходит наше, плохо организованное и вообще оставляющее желать много лучшего. **Нет смысла призывать к расширению культурных связей, что я часто делал в России, если мы со своей стороны не научимся должным образом принимать наших гостей**» (С. 253)].

А наблюдая за танцевальным вечером в одном из рабочих клубов Сталинграда, Пристли видит явное сходство между отдыхающей молодежью России и Запада как отсутствие культурных границ между мирами. Поэтому он призывает в оценке России и русских отказаться от предвзятых мнений официальных источников о России: «And they were very like our young people attempting the same sort of thing: seven out of ten were bashful and awkward, two out of ten were embarrassingly confident, and the tenth had real talent. I might have been **at home, in some youth centre, instead of in far away Stalingrad**. That is why it is necessary to go to these places, **instead of trying to imagine what Russia is like from reading what Mr. Molotov said to Mr. Bevin**» (С. 26). – «Эти ребята очень напоминали нашу английскую танцующую и поющую молодежь: семеро из десяти были робки и неловки, двое – потрясающе самоуверенны, а десятый по-настоящему талантлив. Мне даже показалось, что я **не в далеком**

Сталинграде, а дома в каком-нибудь молодежном центре. Вот почему нужно видеть все это своими глазами, не пытаясь представить себе Россию по газетным сообщениям о том, что сказал Молотов Бевину» (С. 249).

Логика кросс-культурной позиции Пристли как установки на подлинное взаимопонимание между людьми разных стран отчетливо проявляется в очерке «Колхозы». Само слово «колхоз» до Пристли на Западе считалось чем-то ругательным – символом нарушения прав человека, подавления свобод и деспотизма.

Пристли попытался и здесь увидеть положительное зерно, связав коллективистский путь ведения сельского хозяйства, с одной стороны, с особенностями нелегких природных условий в России, а с другой – со спецификой русского национального характера. Он развенчивает мрачный ореол, сложившийся вокруг самого слова «колхоз» и пытается проникнуть в самую суть явления: «Actually a Collective Farm is simply a co-operative farm. Several hundred people combine to run a large farm instead of all scratching away at little farms. This might not be an advantage in British agriculture but it is clearly an enormous advantage in Russia, which needs large farms, if only to make full use of machines. (And before the war the Soviet Union had enough tractors to plough up all the cultivated land in Britain in less than two days)» (С. 90). – «Колхоз, коллективное хозяйство, – это просто-напросто совместное хозяйство. Несколько сотен людей объединяются в одно большое хозяйство, вместо того чтобы в одиночку копать на маленьких клочках земли. В Англии это, вероятно, не дало бы особенного выигрыша, но в России выигрыш бесспорный – ведь большие хозяйства позволяют на все сто процентов использовать технику. (До войны в Советском Союзе было столько тракторов, что они могли бы вспахать всю обрабатываемую в Англии землю меньше чем за два дня.)» (С. 238-239).

Писатель оценивает увиденное с чисто человеческой точки зрения. Он считает, что именно совместный способ ведения хозяйства способен помочь устранению извечных крестьянских пороков – «notably, narrowness of outlook, a hard meanness, a constant sour greed» («узость взгляда, мелочная скаредность, угрюмая заскорузлая жадность»). Отметим, что изначальное неприятие крестьянства как носителя невежества и мракобесия объединяет Дж. Б. Пристли с Г. Дж. Уэллсом.

Однако Пристли, в отличие от Уэллса, находит в себе смелость отказаться от своих предубеждений, его очерк – это своего рода гимн простому русскому крестьянину: «They were citizens and not serfs of the soil. They welcomed education instead of bitterly opposing it. They were keeping the best of their charming old customs but ridding themselves of bigotry, superstition and prejudice. **And the kind of decent sensible world that they are as anxious to see as you and I are, they are worthy of a good place – and will, I think, find one**» (С. 12). – «Это граждане, а не крепостные рабы. Из злобных противников просвещения они превратились в его горячих сторонников. Они сохраняют лучшие из своих чудесных старых обычаев, но избавляются от фанатизма, суеверий и предрассудков. **В достойном и разумном мире, который им хочется увидеть** [в оригинале эта идея выражена с большей силой – *are anxious* ‘жаждут, сильно желают’] **не меньше, чем нам с вами, они по справедливости должны занять почетное место – и они его займут**» (С. 241).

Лейтмотивом всего произведения является установка на дружбу и взаимопонимание между простыми людьми России и Запада. В очерке «Колхозы» она формулируется особенно четко – несмотря на то, что политические деятели двух стран находятся в состоянии антагонизма, «there, in the heart of Soviet Russia, were all those **simple and lovable people, who treated me as a friend**. And a friend I hope to remain» (С. 11) [«здесь, в

сердце Советской России, **простые и славные люди встретили меня как друга**. И я надеюсь сохранить их дружбу» (С. 240)].

Сегодня, с высоты наших знаний о трагической истории коллективизации в России, суждения Пристли могут показаться наивными, показывающими только одну сторону дела, и даже в чем-то неверными. Но нельзя отрицать, что они отражают главную мысль Пристли, чрезвычайно важную в аспекте кросс-культурной коммуникации: каждый народ имеет право на выбор своего пути развития, который кажется ему оптимальным в данных исторических условиях. Нельзя огульно отрицать и односторонне оценивать выбор чужой страны, чуждой культуры, исходя из собственных культурных пристрастий и стереотипов, из того, что привычно и правильно в рамках своей культуры и принятых в ней мировоззренческих позиций.

В этом плане любопытно, что Пристли, как честный и непредвзятый наблюдатель, очень часто выражает мысль о предпочтительности некоторых явлений, наблюдаемых им в российской действительности, над аналогичными явлениями в мире Запада. Это, например, его рассуждение о «культурном национализме», который в России выражается в сбережении культурного наследия многих народов, населяющих нашу страну:

«I have always held that the proper sphere of fervent nationalism is not in politics and economics, where it leads to war, but in **culture, where it adds to the variety of life**. The stupid old Imperial regimes always made the mistake of trying to suppress national cultures The Soviet Union, which shows a wisdom in dealing with its own peoples that it too often lacks in its relation with foreigners, has not made this mistake It deliberately encourages and fosters these traditional national cultures, and the wide Soviet land glitters and hums with their dance and song» (С. 19). – «Я всегда считал, что сферой проявления национализма должна быть не политика и экономика, где он ведет к войне, **а культура, где он разнообразит жизнь**. Старые имперские режимы в своей тупости

всегда пытались подавлять национальные культуры. Советский Союз, проявляющий во внутренней политике мудрость, которой ему подчас недостает на международной арене, не сделал этой ошибки. Он сознательно оказывает содействие их развитию, и бескрайняя советская земля сверкает и звенит от танцев и песен» (С. 245).

Не менее любопытен пример из очерка «Сталинград», в котором Пристли развенчивает еще один расхожий западный стереотип о так называемой «асексуальности» русских. В частности, критики советской системы считают, что в Советском Союзе женщины, которым приходится работать наравне с мужчинами, постепенно перестают быть женщинами.

Пристли находит убедительный контраргумент, который основан на мысли о том, что не у русских слишком мало секса, а на Западе его слишком много. В капиталистических странах, особенно в Америке, сексу придают чрезмерное значение, используя его, с одной стороны, в коммерческих целях, а с другой стороны – в качестве допинга: «The Soviet young people, whom I observed carefully in many different places, **seemed to me refreshingly normal, virile, and affectionate**, and to have grown up sexually in the right atmosphere. **Indeed, I regard this as one of the greatest and the least-known triumphs of the Soviet system**» (С. 24). – «Советские же юноши и девушки, с которыми я не раз встречался и за которыми с большим интересом наблюдал, **производят впечатление непривычно нормальных, сильных и страстных людей**, чье сексуальное развитие протекало в здоровой атмосфере. **И это, на мой взгляд, одно из величайших и наименее известных завоеваний советской системы**» (С. 248).

Книгу «Поездка в Россию» завершает наиболее важный, согласно оценке самого автора, очерк «Русские и мы», в котором не только подводятся итоги путешествия по России, но и излагается целая программа развития кросс-культурных связей России и Англии (и в целом – всего западного мира). Наличие подобной программы в чем-то роднит книгу Дж.

Б. Пристли с книгой Г. Дж. Уэллса «Россия во мгле», которая также завершается изложением программы помощи России.

Но Уэллс говорил как бы свысока, с позиции развитой культуры по отношению к культуре, которой надо помочь. У Пристли совершенно иной подход. Он провозглашает принцип дружеского взаимопонимания и равноправия культур, взаимного уважения на всех уровнях кросс-культурного взаимодействия – между официальными лицами, представителями культуры и искусства и простыми людьми.

Писатель подчеркивает общечеловеческую общность русских и англичан – «они такие же, как и мы»: «Lastly, I like the Russian people enormously.... they are direct, warm-hearted, generous, and they happen **to enjoy the things I enjoy**, which creates a bond between us» (С. 24). – «Наконец, мне чрезвычайно нравятся русские ... они прямодушны, сердечны, благородны, **они радуются тому же, чему радуюсь я**, и это связывает нас узами дружбы» (С. 254).

Писатель не закрывает глаза на недостатки, но видит и достоинства. «Lots of things are still done badly in Russia that are well managed elsewhere. (Though on the other hand, there are other things done better in Russia than anywhere in the world)» (С. 24). – «Еще очень многое из того, что повсюду научились делать хорошо, в России делается плохо (Хотя, с другой стороны, есть вещи, которые в России делают лучше, чем во всем мире.)» (С. 254).

Так, Пристли высказывает ряд справедливых упреков по поводу закрытости русских от иностранных журналистов. Это мешает объективному освещению России и русских и приводит к нагнетанию атмосферы тотальной подозрительности. По меткому выражению Пристли, «Soviet Russia has far more friends, and fewer enemies, than she imagines» (с. 28) [«У Советской России куда больше друзей и куда меньше врагов, чем ей представляется» (С. 257)]. Сомневается писатель и в марксизме,

который «as a philosophy of life and not as a political and economic creed– was too narrow, with its pedantic dialectic, for the expansive but brooding Russian soul» (С. 27) [«как философия жизни со своей педантичной диалектикой слишком узок для экспансивной, но самоуглубленной русской души» (С. 256)].

Однако в целом, по мнению Пристли, русские дружелюбно относятся к другим народам и об английском народе всегда говорят с горячим интересом и даже любовью, признают, что английская культура немало им дала. Но иностранные правительства до сих пор вызывают у них подозрения, несмотря на помощь, которую они оказывали России во время войны.

Пристли призывает «строить мосты между нашими странами, открывать двери и распахивать окна». Несмотря на то, что во многих важных вопросах – таких, например, как представление о демократии, – Запад и русские стоят на противоположных позициях, в целом возможен равноправный диалог между странами, который прежде всего должен стать «диалогом культур».

Важная мысль Пристли – надо видеть за словами суть дела. Он предпочитает то, что видел собственными глазами, всем пропагандистским заявлениям. «They have harped too much upon material things, upon producing so many tractors an hour. They have not said enough about the psychological and spiritual gains, on which they could issue a formidable challenge to the capitalist countries, with their masses of frustrated and often unhealthy-minded young people. **The Soviet people have made advances in regions that cannot be mapped and illustrated in propaganda sheets**» (С. 36-37). – «Они слишком много говорят [в оригинале это выражено сильнее – *harped on* ‘занудливо, надоедливо твердят’] об одном и том же – о материальном производстве, о количестве тракторов, выпускаемых у них в течение часа, – и очень мало о моральных и духовных ценностях, хотя тут они намного

опережают капиталистические страны с их опустошенной, надломленной молодежью. **Советские люди добились успехов в таких областях, которые нельзя нанести на карту и проиллюстрировать в пропагандистских листках»** (С. 256).

Самое главное в миссии Пристли – это призыв к дружескому взаимопониманию между народами, основанный на откровенности в отношениях: «I declare emphatically that what the Russians want is not power or glory or some of the outside world's possessions but **friendship, real solid friendship**. They will not say so, for they have their pride and their bitter memories of sneers and snubs. But they are essentially a warm-hearted, impulsive, and expansive people, eager to learn, anxious to teach, born artists and intellectuals, with much that is childlike in them still alive and unwearied» (С. 38). – «Я подчеркиваю, что цель русских – не власть, не слава, не чужие владения, а **дружба, настоящая крепкая дружба**. Они этого не скажут, потому что у них есть гордость и горькие воспоминания о доставшихся на их долю насмешках и оскорблениях. Но по сути своей это сердечные, порывистые и открытые люди, стремящиеся учиться и желающие учить, прирожденные художники и ученые, в которых сохранилось столько детской непосредственности» (С. 257).

Писатель обращается к официальным властям и людям доброй воли Запада с призывом предложить русским не только помощь и поддержку, но «прежде всего нашу искреннюю дружбу». Писатель высоко оценивает духовные качества русских людей, противопоставляя их миру бездуховности, воцарившемуся на Западе. Он видит в основе жизни русского общества некое великое чувство, *воспетое русскими писателями*: «It is an intense feeling of fraternity, a conviction that men are brothers needing each other's help. Yes, in spite of political police, sudden arrests, labour camps, and all the grim tactics of suppression that feeling is there, a deep hidden tide of emotion» (С. 39). – «Это чувство братства, убежденность в том, что все

люди братья и каждому нужна помощь другого. И это чувство, незримый поток, текущий глубоко под землей, существует, несмотря на жестокие репрессии, политическую полицию, неожиданные аресты, трудовые лагеря» (С.258).

Люди холодные, практичные, расчетливые ведут себя иначе и спокойно обмениваются ничего не значащими любезностями. Русские не такие. Поэтому Пристли призывает Запад, прежде всего, к искренности в отношениях с русскими: «...we must make the approaches, and go on making them, proving in every possible way our genuine interest and growing friendliness. Criticism without friendship will get us nowhere: it is too late for that. But friendly criticism, offered and welcomed, will improve and enrich both our lives and theirs, for **we have much to teach, much to learn**» (С. 39). – «... мы должны делать новые и новые попытки, всеми возможными способами проявляя наш искренний интерес и растущее дружелюбие. Критика без дружбы никуда нас не приведет – сейчас не то время. Но дружелюбная критика, высказанная и принятая, улучшит и обогатит нашу и их жизнь, **ведь мы можем многому научиться друг у друга**» (С. 258).

Эта фраза – «we have much to teach, much to learn» – составляет квинтэссенцию кросс-культурной позиции Пристли, выраженной в его произведении «Поездка в России». Конечно, во многом его призывы видятся наивными, идеалистическими и неприменимыми в практике сложившихся международных отношений. Но важен сам подход, продемонстрированный Пристли в его «Поездке в России». И не случайно книга завершается на высокой и оптимистической ноте – патетическим высказыванием о вере в будущее человечества: «And now I can thank them for the greatest of their gifts, and it is one about which they know nothing – that I returned from their country **far more hopeful and confident than when I went about the future of mankind**» (С. 40). – «А теперь я хочу поблагодарить их за величайший из даров, о котором они и не

подозревают,— за то, что, вернувшись из их страны, **я стал намного больше уверен в будущем человечества»** (С. 258).

Сегодня, с высоты нашей осведомленности на уровне начала XXI века, мы многое знаем о трагической и противоречивой эпохе Советской России. Мы понимаем, что писатель во многом отражает «парадную» сторону России, во многом видит лишь то, что ему хотели показать. Но Пристли не был столь наивен, чтобы не знать об ограничениях свободы слова и вероисповедания, о кошмаре коллективизации, о репрессиях и трудовых лагерях, упоминание о чем имеется и в этом произведении.

Дело, как нам представляется, не в ограниченной информированности писателя, а в его творческой установке и жизненной позиции, которые воплотились в «Поездке в Россию». Писатель абстрагировался от негативных явлений русской действительности, потому что сознательно ставил своей целью изобразить Россию и русских с лучшей стороны, чтобы развеять негативные стереотипы их восприятия на Западе. Поэтому у него получилась светлая и жизнеутверждающая книга, исполненная веры в будущее человечества.

В целом отметим, что «Поездка в Россию» Дж. Б. Пристли является в известном смысле образцом в плане кросс-культурной коммуникации «Россия – Англия». О чем бы ни писал Пристли: о природе, о разрушенных городах, о бесконечных приемах с обильными возлияниями, о тяжелой работе русских женщин, об успехах сельского хозяйства в России и т.д. – он всегда сохраняет трезвое и взвешенное, но вместе с тем полное дружелюбной заинтересованности и симпатии отношение к России и русским, продиктованное искренним желанием понять мир другой культуры, без заранее установленных стереотипов вникнуть в особую логику жизни другой страны и установить подлинно равноправные отношения с ее людьми, основанные на взаимном уважении и дружбе.

3.2. Публицистика Великобритании о постсоветской России

В посвящённых России XX века мемуарах, дневниках, путевых очерках или путевых заметках формируется многогранный и противоречивый «образ страны, народа, человека в данной стране живущего»¹.

XX век ознаменовался чередой исторических событий, повлиявших не только на ход развития нашей страны, но и на политическую ситуацию во всем мире. Несомненно, именно с этими историческими событиями связан увеличившийся интерес зарубежных писателей XX в. к формированию образа России данного исторического периода. Русская тема и образы русских не раз появлялись в прозе, поэзии, документальных жанрах (у Ремарка, Арагона, Барбюса, Джона Рида и др.). Пики всплеска этого интереса приходились на 20-е годы, на Вторую мировую войну и на начало постсоветского периода.

В целом можно утверждать, что на протяжении первой половины XX века сформировались **две линии** в кросс-культурных, в том числе англо-русских, отношениях.

Первая линия основывалась на искреннем интересе к России и русским, на желании познать чужую культуру в адекватных формах, без заранее установленных предубеждений и стереотипов восприятия: в этом подходе вектор кросс-культурных отношений ориентирован на дружеское и равноправное взаимопонимание разных культур в пространстве кросс-культурных взаимодействий.

Вторая линия базируется на эксплуатации негативных гетеростереотипов России и русских, на механическом перенесении принципов, сформированных в недрах родной культуры, на восприятие и

¹Михальская, Н.П. Империология и современная англистика / Н.П. Михальская // Английская литература в контексте мирового литературного процесса. – Киров: 1996. – С.147.

оценку другой: при этом подходе своя культура считается превосходящей, а чужая – недостаточно развитой, в результате чего складывается атмосфера враждебности и недоверия между представителями разных культур, основанная на непонимании «образа Другого».

Вся сложная и неоднозначная история восприятия России и русских со стороны Западной культуры проходит под знаком взаимоотталкивания и взаимопритяжения двух указанных тенденций – дружеской симпатии и враждебного неприятия. В разные хронологические периоды на первый план попеременно выходят то одна, то другая тенденция. В некоторых случаях, как, например, с публицистикой У.С. Моэма возможен даже причудливый синтез этих двух тенденций.

Самый ранний в хронологическом плане значимый для осмысления материал изложен Голсуорси в статье «Русский и англичанин», написанной для журнала «Россия XX в.» в 1916 г. Различия, существующие между странами и народами, чертами этноса, автор вполне осознает и объясняет неодинаковостью географических, климатических условий, особенностями политического устройства. Голсуорси не критикует русский народ, а говорит лишь о разном мировосприятии. Он настаивает на факте «взаимодополнения» народов. «Русский и англичанин составляют как бы две дополняющие друг друга половины одного целого...»¹, «мы совместимы, но отнюдь не взаимозаменяемы»². Немаловажно отметить отношение автора к русскому искусству и литературе. Голсуорси представляет творчество Гоголя, Тургенева, Достоевского, Толстого как образец. Он отмечает искренность, прямоту, правдивость и открытость их произведений. Благодаря им, по его

¹Голсуорси, Д. Собр. соч.: В 16-и т. Т. 16. – С. 370.

²Голсуорси, Д. Собр. соч.: В 16-и т. Т. 16. – С. 374.

признанию, он лучше понимает «русскую душу» («это лес менее темный, чем многие другие»¹).

С точки зрения теории кросс-культурной коммуникации, это представляет собой пример дистантной культурной позиции в отношении к другому, но при которой отсутствует заранее предуготовленная мерка, критерии оценки чужой культуры с высоты своей.

В том же кросс-культурном ключе интересуется проблемой «русский и англичанин» другой английский писатель Джеймс Олдридж. «Русской темы» непосредственно касается и один из самых известных романов Дж. Олдриджа «Дипломат» («The Diplomat», 1949), за который в 1953 г. писатель получил Золотую медаль Всемирного Совета Мира. В этом романе в лице его положительного героя – ученого и политика Мак-Грегора – писатель высказывает свою симпатию России и ее людям, недавно избавившим мир от фашизма.

В данном романе развернута тема острой дипломатической борьбы в высших эшелонах власти в начале «холодной войны». Представитель британской дипломатической службы лорд Эссекс прибывает в Москву в 1946 г., далее его миссия имеет место в иранском Азербайджане и завершается в Лондоне. Эссекс пытается распространить мнение, что россияне «экспортируют революцию», но оно нейтрализуется и фактически становится сорванной через противодействие Мак-Грегора. Дж. Олдридж в этом романе изображает исторических личностей – Сталина, Молотова, Вышинского и пр. Он считает, что именно страны Запада виновны в нарастании международной напряженности, а Россия, напротив, проводит миролюбивую внешнюю политику и является сторонником всех народно-демократических движений в мире.

Одну из своих статей Дж. Олдридж симптоматично называет «Англичане и Советский Союз» (получена в рукописи и опубликована

¹Голеуорси, Д. Собр. соч.: В 16-и т. Т. 16. – С. 370.

журналом «Иностранная литература» в 1987 году). Открывает статью он упоминанием о Лоуренсе Оливье, исполнителе роли Астрова в спектакле Национального театра «Дядя Ваня». Затем пишет об обществе культурных связей с СССР и тех писателях, которые его поддерживали, о фильмах военных лет и «сотнях шпионских книжек». Олдридж пишет о важных культурных контактах с СССР, о том, что все-таки массовая литература, выполняющая определенный социальный заказ, на его взгляд, не смогла достичь главного – «привить английскому народу чувство ненависти к Советскому Союзу»¹.

Статья интересна содержательным обзором эволюции восприятия России в Англии с 20-х гг. по 80-е гг. XX в. По его мнению, интерес к России в Англии существенно активизировался после Октябрьской революции, в 20-30-е гг. XX в. когда в нашей стране англичане видели величайший эксперимент, надежду на будущее всех обездоленных. После революции Советский Союз поддерживали такие яркие писатели и общественные деятели, как Г. Дж. Уэллс, Б. Шоу, У. С. Моэм, Виржиния Вульф и др. Потом, когда на политическую арену вышел фашизм, Советский Союз стал единственной альтернативой фашизму и добавил себе сторонников среди демократически настроенных представителей английского общества. Олдридж честно пишет и о тех негативных сторонах российской действительности, которые вызывали неприятие западной интеллигенции. Однако Мировая война открыла новую эру в отношении англичан к Советскому Союзу, растопила «льды недоверия и ненависти».

Отношение англичан к России в послевоенные годы уже зависело от того, «устоят ли они против новой волны антисоветизма», вызванных атмосферой «холодной войны». Олдридж прямо обвиняет реакционные силы Запада в разжигании ненависти к России, что повлияло и на

¹Олдридж, Д. Англичане и Советский Союз / Дж. Олдридж // ИЛ. – 1987. – № 11. – С. 165.

формирование «английского интеллектуального климата», который по отношению к России в послевоенные годы заметно «похолодел»¹.

В 80-е гг. свою роль сыграла последовательная политика Советского Союза в области ядерного разоружения и мирные инициативы Михаила Горбачева в Рейкьявике. Благодаря этому «отношение англичан к Советскому Союзу заметно потеплело». Согласно пронизательному замечанию Дж. Олдриджа: «Разумеется, невозможно отделить познания англичан о Советском Союзе от чувств, которые они питают к Советскому Союзу. Поэтому в их отношении к вашей стране дружелюбие всегда смешано с восхищением, восхищение – с замешательством»². Олдридж связывает это с негативной направленностью СМИ, пишущих о России, которые продолжают эксплуатировать расхожие гетеростереотипы о России и русских.

Писатель восхищается переменами, происходящими в России, которые связаны с перестройкой и гласностью. Важно, что Олдридж обосновывает насущную необходимость культурного взаимодействия Англии и России на основе равноправных дружеских отношений, выражает в этом плане веру в молодое поколение англичан, свободных от старых предубеждений в отношении к России.

Обратим внимание, что Олдридж, не касаясь бытовых деталей – он оценивает общие вопросы культуры и политики в контексте «борьбы за мир». Это типичный дистантный тип культурной позиции в отношении к Другому. Его задача – опровергнуть стереотипы «образа врага», и с этим связан ярко полемический стиль его работы, которая тем самым несколько грешит поверхностностью.

Альтернативную позицию в создании образа России в английской литературе и публицистике занимают те авторы, которые ориентированы

¹Олдридж, Д. Англичане и Советский Союз / Дж. Олдридж // ИЛ. – 1987. – № 11. – С. 163-164.

²Олдридж, Д. Англичане и Советский Союз / Дж. Олдридж // ИЛ. – 1987. – № 11. – С. 166.

на негативное отношение к России. Линия культурного и этического неприятия России существовала в английской культуре на протяжении всего периода существования англо-русских кросс-культурных взаимодействий, равно как и линия сочувственного отношения к нашей стране со стороны английских авторов.

В наши дни линия определенного культурного неприятия России и русских на основе гетеростереотипов продолжается, например, в произведениях Сью Таунсенд. Ее основное произведение – книга «Публичные признания женщины средних лет» (2001)¹, в основу которой легли документальные очерки, создававшиеся ею на протяжении ряда лет для журнала «Сейнсбериз мэгэзин».

Когда Таунсенд пишет о России, то она занимает позицию Чужого, взгляд которого скользит по поверхности, не проникает вглубь богатейших пластов культуры и не стремится преодолеть барьеры, а фиксирует только абсурдность русской жизни. Как пишет Т.Г. Струкова: «В авторском идиолекте проявляется, к сожалению, двойная непереваемость – лингвистическая и культурная. Ложная конвенциональность оказывается почти непреодолимой: британский образ жизни предстает организованным и демократичным, а русский – хаотичным и совершенно не поддающимся упорядочиванию»².

Такое мнение писательницы обусловлено воздействием нескольких факторов: во-первых, Таунсенд писала для английского еженедельного издания, которое рассчитано на широкого читателя, а его представление о русской культуре следует в русле устоявшихся гетеростереотипов. Ни наивный читатель, ни издатели не готовы изменить традиционную точку

¹Townsend, S. The Public Confession of a Middle-aged Woman / S. Townsend. – L., 2001.

²Струкова, Т.Г. Отражение авто-/гетеростереотипов в рассказах Сью Таунсенд / Т.Г. Струкова // Имагологические аспекты русской и зарубежных литератур: межвузовский сборник научных трудов / Вят. гос. гуманит. ун-т; отв. ред.: О.Ю. Поляков. – Киров: Радуга-ПРЕСС, 2012. – С. 73.

зрения. А во-вторых, писательница, будучи сама частью британского этноса, особо не стремилась эти гетеростереотипы переломить.

В книге «Публичные признания женщины средних лет» интерпретация Таунсенд России и русской культуры 90-х гг. XX в. не очень разнится от клише, которые были широко распространены в Британии еще в первой половине XX столетия. Гетеростереотипные представления британца о России все те же: древние иконы и Достоевский (книги которого мало кто из англичан читал), КГБ и шпиономания, лучший в мире балет, страшные морозы и беспробудное пьянство. Представления британцев о русских и русскости сформированы в парадигме «свой/чужой», для них Россия – это страна, в которой свирепствует тирания, народ повально спился, а потому ни демократические преобразования, ни создание великих произведений уже невозможно.

Т.Г. Струкова справедливо отмечает, что «гетеростереотипы удобны, они позволяют подсознательно возвысить собственную культуру. Этническая конвенциональность приводит к непризнанию равновеликости русской культуры с другими культурами в едином интертекстуальном поле»¹. При этом Таунсенд иронически относится к соотечественникам, едко замечая, что англичане – это та нация, которая «обожает выступать в роли героев, преодолевающих трудности»². В этом автостереотипе отражена положительная сторона британского характера – умение посмеяться над собой. В миниатюре «Водка»³ Таунсенд ехидно повествует, как однажды она отправилась с друзьями в лондонский бар «Царь». Естественно, это было «заведение в русском стиле».

¹Струкова, Т.Г. Отражение авто-/гетеростереотипов в рассказах Сью Таунсенд / Т.Г. Струкова // Имагологические аспекты русской и зарубежных литератур: межвузовский сборник научных трудов / Вят. гос. гуманит. ун-т; отв. ред.: О.Ю. Поляков. – Киров: Радуга-ПРЕСС, 2012. – С. 74.

²Таунсенд, С. Публичные признания женщины средних лет / С. Таунсенд; Пер. с англ.– М., 2004. – С. 307.

³Таунсенд, С. Публичные признания женщины средних лет / С. Таунсенд; Пер. с англ.. – М., 2004. – С. 360.

Когда писательница упоминает о визитах в Советский Союз, то немедленно актуализируется шпионский стереотип, вариация на тему КГБ. Самое первое впечатление автора от посещения Советского Союза, которое она считает верным, было следующим: «Эта страна балансирует на грани хаоса и не дает ей в него упасть только водка». Далее писательница объясняет падение «правительства Горбачева» изменением правил продажи алкоголя, а Москву девяностых годов называет городом, где «пили напропалую»¹.

В очерке есть, к примеру, такой пассаж: «Чтобы войти после полуночи в гостиницу... приходилось переступать через швейцара. Он лежал в ливрее, распластавшись на полу и загораживая вход. Впервые натолкнувшись на этот живой барьер, я решила, что у человека приступ, и стала озираться по сторонам, ожидая появления «скорой», но быстро все поняла, наблюдая за маневрами других гостей вокруг тела»². Таунсенд изумляется тому, что все постояльцы бесстрастно переступали через швейцара. Гетеростереотип отражается и в упоминании о «скорой помощи», которую лихорадочно разыскивала писательница, тогда как окружающие не обращали на происшествие никакого внимания. Выстраивается оппозиция двух ассоциативных рядов, составляющих реализацию негативного гетеростереотипа России и позитивного автостереотипа Великобритании: «пьянство, отсутствие милосердия – Россия», «Великобритания – отсутствие алкоголизма и милосердие к Человеку».

Автора поражают русские холода, когда «замерзает дизельное топливо», а водители жгут «факелы из газет под топливным баком». Окончание миниатюры показательное: после того, как шофер завел мотор

¹Таунсенд, С. Публичные признания женщины средних лет / С. Таунсенд; Пер. с англ. – М., 2004. – С. 363.

²Таунсенд, С. Публичные признания женщины средних лет / С. Таунсенд; Пер. с англ. – М., 2004. – С. 362.

автобуса, он «застывшими пальцами с трудом отвинтил крышку металлической фляжки, запрокинул голову и влил в себя водку. В Великобритании наверняка тут же подняли бы на ноги медиков и спасателей, но этот бедолага сделал то единственное, что нужно, чтобы выжить в России»¹. Противопоставление «цивилизованный / нецивилизованный» тонко акцентируется упоминанием «медиков и спасателей», которых «поднимают на ноги», если в Великобритании человек перебирает со спиртным, а в России поступок водителя признается единственно правильным.

Можно сделать вывод, что в рамках англо-русской кросс-культурной коммуникации Таунсенд с уважением и интересом относится к России, но гетеростереотипы остаются живучими даже после непосредственного знакомства с русской жизнью. Для писательницы Россия остается чужой, непроницаемой, хаотичной, некультурной и неупорядоченной страной, существование культуры оказывается весьма проблематичным.

Негативный гетеростереотип России и русских отражается и в путевых заметках современных английских авторов, анализ которых представлен в обзоре Т.Н. Красавченко «Восприятие России и русских на рубеже XX-XXI веков» (2008) В обзоре анализируются путевые заметки ряда журналистов и писателей.

Современный английский писатель и публицист Поль Теру побывал, во Владивостоке, в «вырождающемся городе на краю света», который стал одним из центров «скинхедов». По итогам своей поездки П. Теру издал эссе под примечательным заглавием «Будто снова в СССР»², П. Теру приводит любопытную беседу одного английского бизнесмена с его русским коллегой: «Владивосток – вот это да! – восклицает бизнесмен. – Мы летели сюда семь часов и все еще в России. Поразительно! Это все еще

¹Таунсенд, С. Публичные признания женщины средних лет / С. Таунсенд; Пер. с англ. – М., 2004. – С. 363.

²Theroux, P. It's just like being back in the USSR / P. Theroux // Seven. – L., 2008. – 24 August. – P.13 – 16.

Европа!». П. Теру иронизирует: «Европа?». Т.Н. Красавченко справедливо замечает: «Возможно, «подслушанный разговор» – это «маленькая хитрость» журналиста, для того, чтобы чужими устами «покритиковать» и свою родину: «Англия – конченная страна, – говорит похожий на литературный персонаж бизнесмен. – Потребуется двадцать лет, чтобы прийти в себя после вреда, который причинил Блэр. <...> Мы – 51-й штат», а вот «вам нужно вернуть монархию¹».

П. Теру не делает тенденциозных обобщений, он рисует мрачными красками картину, которая оставляет ощущение безнадежности. Не случайно, словно заразившись извечной русской болезнью, он в отчаянии напивается почти до полусмерти – так живописно изображено отношение П. Теру к увиденному. Отметим, что в этом труде отражается расхожий английский гетеростереотип в отношении России, проявляющийся в ассоциативном ряду «пьянство» – «бескультурие» – «тоталитаризм»

Далее в обзоре Т.Н. Красавченко анализируются путевые заметки о России еще одного английского автора, Питера Акройда. Этот британский писатель, поэт и литературный критик по поручению журнала «Эсквайр» совершил в августе 2006 г. поездку по России (он посетил Москву, Тверь, Торжок, Вышний Волочек, Старая Русса, Псков и Михайловское). По итогам путешествия были опубликованы путевые заметки «Тайное России-матери» и «Ледяное сердце России».

Важно, что П. Акرويد также смотрит на Россию в свете русской литературы: «Буду искать остатки той России, которую знаю по литературе XIX в. <...>, дух Гоголя, Достоевского и Пушкина. Этими писателями восхищаюсь и ставлю их в один ряд с Диккенсом и

¹Красавченко, Т.Н. Восприятие России и русских в английской литературе на рубеже XX – XXI веков [Электронный ресурс] / Т.Н. Красавченко // Новые российские гуманитарные исследования [Электронный журнал]. – Оpubл. 10.12.2008. – Режим доступа: http://www.nrgumis.ru/articles/article_full.php?aid=88&binn_rubrik_pl_articles=269

Шекспиром»¹. П. Акройд сопоставляет собственное восприятие российской провинции с известными рассуждениями Н.В. Гоголя, который упоминает в «Мёртвых душах» о Руси, ее бедности, убожестве и таинственной притягательности. Также П. Акройд находит ключ к пониманию «русского характера» в мысли Ф.М. Достоевского о «двух глубинах»: «глубине благородных идеалов» и глубине «отчаяния и вырождения».

С позиции англо-русской кросс-культурной коммуникации отметим, что и этот гетеростереотип о загадочных безднах «русской души» также оказался весьма живуч и дожил до начала III-его тысячелетия.

Для С. Таунсенд, П. Теру и П. Акройда характерен односторонний взгляд на Россию: образ России в их работах основан на расхожих гетеростереотипах, которые сохранились у образованной части английской пишущей публики со времен публицистики XVIII-XIX веков, дополненных самыми общими представлениями о русской классической литературе, которая исчерпывается для них крайне ограниченным кругом имен. Это при том, что И Таунсенд, и Акройд являются весьма эрудированными авторами, обнаруживающими блистательную эрудицию в области своей национальной культуры. Только библиографические списки Акройда, сопровождающие его романы биографии, содержат сотни наименований, а сами романы свидетельствуют не только о знакомстве с большинством из этих источников, но и о их тонком понимании.

Более объективную и взвешенную культурную позицию с точки зрения кросс-культурных отношений занимает Дж. Димблби, который демонстрирует способность отказаться от стереотипов и пересмотреть свои прежние впечатления о России, взглянув на страну глазами непредвзятого и сочувственного наблюдателя. В его изложении ситуация в

¹Герасимова, О. Русские валенки для английского денди / О. Герасимова // Моск. комсомолец. – 2006. – 18 авг. –С.13.

современной России также не свободна от недостатков, но он искренне отмечает и достоинства. Это контактная культурная позиция в кросс-культурной коммуникации, которая лишена высокомерного снобизма представителя страны высокой культуры в державе дикарей.

Английский журналист и писатель Дж. Димблби в процессе работы над документальным фильмом «Россия: Путешествие с Джонатаном Димблби» для BBC, проехал всю Россию, от Мурманска до Владивостока. В результате Дж. Димблби пишет книгу «Россия: Путешествие в сердце страны и ее жителей» (2008), в которой делает ряд пронизательных наблюдений и остроумных выводов. Так, Дж. Димблби пишет о значимости прошлого России в качестве ключа для понимания ее настоящего и будущего: «Перенасыщенная страданиями, трагическая история» – пишет он – «глубоко въелась в душу нации»¹. Он отмечает глубокое культурное своеобразие России, будучи глубоко потрясенным и тронутым тем, «... в какой мере сохранились в России особенности, индивидуальность религии и культуры, <...>несмотря на долгие «репрессивные» годы советского коммунизма»². Дж. Димблби вспоминает свой первый визит в Россию, который произошел еще в годы «холодной войны»: тогда иностранные журналисты были «под колпаком» КГБ, передвижения по стране отслеживались, а в наши дни можно ехать в любую точку страны и свободно беседовать с любыми людьми. Димблби пишет, что при первом впечатлении русские относятся к иностранцам с подозрением и отчуждением, но если удастся «копнуть глубже», то сразу же открывается тепло и честность этих людей. Также журналист замечает, что русским в большинстве своем не присущи такие черты характера, как занудство и склонность к жалобам.

¹Dimbleby, J. Russia: A Journey to the Heart of a Country and its People / J. Dimbleby. – L.: DDC Books, 2008.

²Dimbleby, J. All for the motherland / J. Dimbleby // The Times. – L., 2008. – October 4.– P.8.

Русские люди, с точки зрения Дж. Димблби, несмотря на географическую и этническую неоднородность, сходятся в своем отношении к миру, которое формируют две тенденции в общественной жизни России, этой «капиталистической автократии»: **«неприятие ключевых принципов либеральной демократии и страстная любовь к Родине»**.¹ В целом Дж. Димблби справедливо констатирует: **«Русские – это другие ...»**². Но, наряду с этим, писатель, обнаруживая высокий уровень кросс-культурной компетенции, признает, что общение с русскими обогатило его.

Т.Н. Красавченко отмечает, что и такой объективный автор, как Дж. Димблби, все же не свободен от определенных стереотипных представлений о России, прежде всего это касается известной идеи о том, что трагическая история русских сформировала в их ментальности такую черту, как смирение перед судьбой и фатализм: «Она [трагическая история – А.С.] породила поразительное смирение и в то же время глубокий цинизм в отношении ко всему, кроме Родины. После столетий автократии или, иными словами, диктатуры власти, нет ничего удивительного в том, что фатализм пронизал русскую душу. «Живи сегодня – завтра ты можешь умереть» – таким может быть национальный девиз»³.

Если оценивать в целом восприятие России и русских в публицистике анализируемых авторов, то следует отметить две взаимосвязанные тенденции. Во-первых, они склонны воспринимать общественную и культурную ситуацию современной России, в основном через призму гетеростереотипов, имеющих как обобщающий характер: «государство и политика далеки от народа», «людям жить тяжело и

¹Dimbleby, J. All for the Motherland / J. Dimbleby // The Times. – L., 2008. – October 4.– P.8.

²Dimbleby, J. All for the Motherland / J. Dimbleby // The Times. – L., 2008. – October 4.– P.8.

³Красавченко, Т.Н. Восприятие России и русских в английской литературе на рубеже XX – XXI веков [Электронный ресурс] / Т.Н. Красавченко // Новые российские гуманитарные исследования [Электронный журнал]. – Оpubл. 10.12.2008. – Режим доступа: http://www.nrgumis.ru/articles/article_full.php?aid=88&binn_rubrik_pl_articles=269

трудно», «русские-фаталисты», так и более частный характер: «мороз», «водка», «шпиономания». Последние также тяготеют к обобщенному представлению о дикости русской природы. Во-вторых, изображение современной России осуществляется с позиции иных по отношению к российской традиции политических и культурных моделей. При этом не принимается во внимание историко-культурная специфика общественного развития России, более того, большинство авторов на рубеже XX-XXI веков и не стремятся к осмыслению этой специфики.

Таким образом, современная публицистика, по сути, возвращается к гетеростереотипам, складывающимся в период с XVI по начало XIX века. Эти прочно усвоенные национальным сознанием клише в какой-то степени дополняются образами, впечатлениями от русской классической литературы. Но современные писатели и публицисты Великобритании не имеют того первозданного восторга, который отличал английских читателей Л.Толстого, Ф.Достоевского, А. Чехова на рубеже XIX-XX веков. Они открывали для себя не только особый русский мир, но и способность непревзойденным, не достигнутым в их стране высочайшим мастерством донести до читателя универсальные ценности человеческого бытия. Масштабность мира России усваивалась под влиянием и осознанием гениального русских писателей и философов. Сегодня восприятие этой литературы проходит не столько через непосредственное чтение, сколько опять-таки через готовые клише, созданные предшественниками. Соответственно, к одним штампам добавлены другие. Поэтому большинство наблюдений остаются вполне поверхностными и никак не способствующими полноценной кросс-культурной коммуникации.

Таким образом, к началу XXI века в определенной степени теряется тенденция к кросс-культурному диалогу, заложенная в публицистике начала двадцатого столетия и сохранившая свой импульс до 1980-х годов,

в том числе за счет ярких работ таких крупных представителей английской литературы, как Дж. Б. Пристли и Дж. Олдридж. Позднее интерес к постсоветской России парадоксальным образом приводит к возрождению более ранних и упрощенных до уровня клише массовой культуры стереотипов ее восприятия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В литературном процессе Великобритании XX века свое место занимает публицистика, авторы которой обнаружили интерес к России и создали свои образы нашей страны. Особое место в этом ряду занимают те писатели, которые обратились к русской проблематике в годы, особенно значимые в европейской и мировой истории, после Первой мировой войны и Октябрьской революции в России 1917 года и после Второй мировой войны. Изучение этих периодов, свидетельствующих о том, как невероятно трагичны могут быть процессы конфронтации между нациями и государствами, является необходимым для исследования возможностей, наоборот, диалога культур, их взаимообогащающего взаимодействия. Потребность в подобном диалоге, явная необходимость в нем последовательно осмыслялась мировым гуманитарным знанием после 1945 года. Одним из результатов стала разработка теории кросс-культурной коммуникации.

Применение понятийного аппарата этой теории продуктивно и в сравнительном литературоведении, частью которого стала имагология, исследующая образы «чужого» (чужой страны, народа и т. д.) в общественном, культурном и литературном сознании. В связи с тем, что в литературе особую роль играет создатель произведения, исследование роли его произведения в создании образа «чужой страны» заставляет обратиться, прежде всего, к «межкультурной компетенции» писателя. Также продуктивными оказываются категории типов коммуникации, типологии культур, функциональных критериев.

На основе проведенного анализа публицистической, мемуарной и художественной литературы, научно-теоретических и историко-культурных источников по теме исследования были реализованы цель и

задачи исследования – выявлены особенности формирования образа России и русских в английской публицистике 20-х гг. XX в. на основе сопоставительного анализа произведений Г. Дж. Уэллса «Россия во мгле» («Russia in the Shadows»), У.С. Моэма «Записные книжки писателя» («A Writer's Notebook») и Дж. Б. Пристли «Поездка в Россию» («Russian journey») по данным современной имагологии в свете теории кросс-культурной коммуникации, и были доказаны положения, вынесенные на защиту.

В истории англо-русских отношений в 1920-1930-е годы особую роль сыграла книга Г. Дж. Уэллса «Россия во мгле». К началу 20-х годов Герберт Уэллс имел в своей стране репутацию одного из самых значимых писателей своего времени, создателя нового жанра социально-фантастического романа и автора социальных романов, свидетельствующих о его глубоком понимании общественных проблем и Великобритании, и в целом современной цивилизации. Современники отчетливо осознавали масштаб его личности и тех его качеств, которые впоследствии оценили как дар научного и социального прогнозирования. Особенно важно подчеркнуть его явное стремление к активному участию в переустройстве общества и соответствующие социалистические убеждения. Укорененность взглядов Уэллса в давней для Великобритании социалистической традиции, его участие в фабианском обществе не только предопределили его интерес к России, в которой была осуществлена первая в истории человечества социалистическая революция, но и позволили воспринять ее с «положительной точки зрения» и представить в своих очерках образ страны, совершающей одно из самых значимых общественных переустройств современности. Важно подчеркнуть, что встреча со Сталиным в 1934 году, нашедшая отражение в записи их беседы, приводит Уэллса к выводу о том, что полуразрушенная Россия

1920 года находится в решающей стадии преобразования в новый тип государства.

Высокий уровень профессиональной компетентности в совокупности с хорошим знакомством с национальной культурой России, в том числе в процессе непосредственного погружения в реальность страны в 1913, 1920, 1934 годы, в совокупности с непосредственными контактами с государственными лидерами В.И. Лениным и И.В. Сталиным, с межличностным общением с деятелями культуры, в том числе дружескими отношениями с М. Горьким, определяют высокий уровень межкультурной компетенции Герберта Уэллса.

Социалистическая традиция, к которой относился Уэллс, обеспечила ему читателей в его стране, представляющих в то время значительную часть мыслящей элиты Великобритании. Соответственно, значение образа советской России, созданного им, было очень велико и сохранило свою инерцию вплоть до Второй мировой войны и первого послевоенного десятилетия.

У.С. Моэм к моменту приезда в Россию являлся достаточно известным писателем в своей стране, однако масштаб его социального влияния несоизмерим с деятельностью Г. Дж. Уэллса. Россия для Моэма является лишь одним из объектов посещения экзотических для англичанина стран. Межличностные контакты определяются специальной задачей приезда, а именно организацией переговоров со Временным правительством, которые после октябрьских событий 1917 года утратили смысл.

Уэллс и Моэм в целом демонстрируют противоположные кросс-культурные позиции в оценке русской жизни и русских людей. Уэллс занимает конструктивную позицию: видя серьезные недостатки и искренне ужасаясь разрухе, писатель предлагает конкретную программу помощи стране Советов. В отличие от Уэллса, Моэм не задумывается о сохранении

культуры и цивилизации России после Мировой войны, потому что воспринимает разруху и хаос в этой стране только с позиции того, насколько это выгодно Англии. Политический и социальный анализ Уэллса достаточно глубок, тогда как Моэм превосходит Уэллса в анализе литературы и культуры.

Г. Дж. Уэллс в целом демонстрирует установку на доброжелательное отношение к России и русским. Признавая объективно существующую дистанцию между двумя культурами – английской и русской, Г. Дж. Уэллс всем пафосом своего творчества и личного участия в качестве общественного деятеля декларирует мысль о том, что при наличии доброй воли и желания к сотрудничеству между культурами, указанную дистанцию можно преодолеть на благо взаимодействующих культур и народов.

Для обоих писателей характерен определенный «литературоцентризм» в изображении русской жизни – взгляд на русскую действительность в контексте героев русской литературы и ее авторов.

Моэм склонен отрицательно оценивать возможные последствия для Европы «моды на все русское». Моэм признает, что между английской и русской культурой – пропасть, утверждает неизбежный и фатальный характер этой пропасти.

Моэм, возможно, даже помимо собственной воли, изобретает целую стратегию по развенчиванию «культы России» в глазах просвещенной Европы. Один из приемов этой стратегии весьма прост и действен. У. С. Моэм берет все признанные в глазах Запада достоинства русской культуры, такие, как высокая духовность, склонность к милосердию и состраданию, жизнь чувствами, любовь к чтению и знание своей литературы – и объявляет их недостатками, порожденными общей незрелостью русской культуры и недостаточной цивилизованностью русских.

В сравнении с Г. Дж. Уэллсом У.С. Моэм допускает много несправедливых и неправильных оценок изображаемого, рисует пристрастный и крайне субъективный образ России. Он не настроен на понимание другой культуры, ему, как писателю, важнее разобраться в своем собственном внутреннем мире.

Однако кросс-культурная позиция Моэма примечательна тем, что она воплощает достаточно типичный набор гетеростереотипов России и русских (пусть и в оригинальной версии писателя) с точки зрения определенной части образованных британцев, которые не очарованы всем русским, а сохраняют достаточно прохладное отношение к России. «Записные книжки» также представляют типичный набор оценок и заблуждений, которые свойственны многим англичанам при взгляде на русскую культуру. Знание этого может способствовать совершенствованию кросс-культурной коммуникации Англии и России.

На новом хронологическом этапе развития кросс-культурных отношений Англии и России, связанном с осмыслением итогов Великой Отечественной войны во второй половине 40-х гг. XX в., линию Уэллса во многом продолжил и существенно усовершенствовал Дж. Б. Пристли в путевых заметках «Поездка в Россию» (1946). Эта книга, исполненная восхищением и искренней дружеской симпатией по отношению к изображению России и русских, отражает высокую степень кросс-культурной компетентности писателя, который развенчивает расхожие гетеростереотипы о России и рисует русскую жизнь в исключительно положительных тонах. В книге отражена принципиальная установка Пристли-эссеиста по отношению к повествованию о другой культуре – писать о том, что видишь сам, не полагаясь на предвзятые установки и предубеждения, сформированные в недрах своей собственной культуры. При этом кросс-культурная позиция Пристли превосходит аналогичную позицию Уэллса: у Пристли отсутствует свойственный Уэллсу взгляд на

Россию свысока, с позиции более высокой культуры, Пристли утверждает идею равноправного, откровенного «диалога культур», основанного на искренней дружбе и взаимопонимании между народами. Ключом к пониманию межкультурной позиции Пристли может быть его фраза, подводющая итог общению с советскими людьми, и особенно риторический вопрос, обращенный, возможно, не только к соотечественникам: «Они встретили нас как друзей; они простились с нами как с друзьями; и что бы ни случилось, мы останемся их друзьями навсегда. А вы?»

Известное сходство кросс-культурных позиций Г. Дж. Уэллса и У. С. Моэма в плане неверной интерпретации ряда черт русской цивилизации можно понимать как следствие искажения восприятия английскими писателями – представителями низкоконтекстуальной и монокронной культуры – русских, воплощающих принадлежность к высококонтекстуальной и полихронной культуре. В этом плане отмечается существенное отличие позиции Дж. Б. Пристли, который попытался понять другую культуру как бы изнутри, при отсутствии культурной дистанции. В его изложении различия низкоконтекстуальной, монокронной культуры европейцев и высококонтекстуальной, полихронной культурой русских практически не отражены: писатель, напротив, подчеркивает общечеловеческое сходство русских и европейцев на всех уровнях и культурных срезах.

Таким образом, отчетливо выявляются две основные линии в формировании образа России и русских – линия на позитивное изображение России, на попытку понять другой народ в целях налаживания полноценного диалога культур и линия на тенденциозное и одностороннее воспроизведение расхожих негативных гетеростереотипов России и русских.

К сожалению, публицистика на рубеже XX-XXI веков, по сути, возвращается к гетеростереотипам, складывающимся в период с XVI по начало XIX века. Эти прочно усвоенные национальным сознанием клише, в какой-то степени дополняющиеся впечатлениями от русской классической литературы. Однако современное восприятие этой литературы проходит не столько через непосредственное чтение, сколько через готовые клише, созданные предшественниками. Поэтому большинство наблюдений остаются вполне поверхностными и никак не способствующими полноценной кросс-культурной коммуникации.

К началу XXI века в определенной степени теряется тенденция к кроссу-культурному диалогу, заложенная в публицистике начала двадцатого столетия и сохранившая свой импульс до 1980-х годов, в том числе за счет ярких работ таких крупных представителей английской литературы, как Дж. Б. Пристли и Дж. Олдридж. Позднее интерес к постсоветской России парадоксальным образом приводит к возрождению более ранних и упрощенных до уровня клише массовой культуры стереотипов ее восприятия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники текстового материала:

1. *Maugham, S.* A Writer's Notebook / S. Maugham. – Great Britain, L.: Penguin Books, 1967.
2. *Maugham, S.* Christmas Holiday Book / S. Maugham. – L.: P.R. Collier Son, 1939.
3. *Priestley, J. B.* Russian journey / J. B. Priestley. – L.: Issued under the auspices of the Writer's Group of the Society for Cultural Relations with the U.S.S.R. 1946. – P. 40.
4. *Wells, H. G.* Russia in the Shadows / H. G. Wells. – L.: Hodder & Stoughton, Ltd., 1920. – Электронная версия репринта: Сайт Project Gutenberg Australia: A Treasure-trove of Literature [Электронный ресурс]. – URL: <http://gutenberg.net.au/ebooks06/0602371h.html#chap01>
5. *Wells, H.G.* Stalin – Wells talk/ The verbatim record and a discussion/ G.B.Shaw, H.G.Wells, J.M.Keynes, E.Toller and others. – L.: New Statesman and Nation, 1934. – P. 47.
6. *Моэм, У.С.* Записные книжки 1917 года / У.С. Моэм; пер. с англ. Е.М. Нарышкиной // Литературное обозрение. – 1999. – №4. – С. 3-15.
7. *Пристли, Дж.Б.* Поездка в Россию / Дж. Б. Пристли // Дж. Б. Пристли. Заметки на полях. Художественная публицистика; сост., авт. предисл. и коммент. Е.Ю. Гениева. – М.: Прогресс, 1988. – С. 234 – 258.
8. *Сталин, И.В.* Беседа с английским писателем Г.Д. Уэллсом 23 июля 1934 года / И.В. Сталин. // Сталин И.В. Сочинения: В 18 т. – М.: Издательство «Писатель», 1997. – Т. 14. – С. 24–39.
9. *Уэллс, Г.Дж.* Россия во мгле / Г.Дж. Уэллс; пер. с англ. В. Пастоева и И. Виккер; предисл. Г. Кржижановского. – М.: Политиздат (пер.), 1958.

10. Уэллс, Г. Дж. Россия во мгле / Г. Дж. Уэллс; пер. с англ. В. Пастоева и И. Виккер; предисл. Г. Кржижановского. – М.: Правда, 1964.

Мемуарная, публицистическая и художественная литература:

11. *Aldington, R.W.* Somerset Maugham / R.W. Aldington. – N. Y.: Doran and co., Inc., 1939. – P. 34.

12. *Dimbleby, J.* All for the Motherland / J. Dimbleby // The Times. – L.: Clays Ltd. – 2008. – October 4. – P. 8.

13. *Dimbleby, J.* Russia: A Journey to the Heart of a Country and its People / J. Dimbleby. – L.: Clays Ltd, 2008. – P. 564.

14. *Beasle, R.* Russia in Britain, 1880- 1940: From Melodrama to Modernism/ L.: Oxford University Press., 2013. – P. 336.

15. *Huntington, S.* The Clash a Civilization? / S. Huntington // L.: Foreign Affairs. – 1993. – №3. – P. 22.

16. *Hurn, B.J., Tomalin, B.* Cross-Cultural Communication / B.J. Hurn, B. Tomalin. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2013. – P. 308.

17. *Smith, A.* I Was a Soviet Worker / Andrew Smith, Maria Smith. – L.: R. Hale, 1937. – P. 304.

18. *Tomalin, B.* Cultural Awareness / B. Tomalin. – L.: Oxford University Press, 1994. – P. 165.

19. *Tomalin, B., Nicks, M.* The World's Business Cultures and How to Unlock Them, Thorogood Publishing / B. Tomalin, M. Nicks. – L.: Thorogood, 2007. – P. 268.

20. The Russian Revolution. // The Review of Reviews. – 1905. – №81.

21. *Theroux, P.* It's Just like Being Back in the USSR / P. Theroux // Seven. –L., 2008. – 24 August. – P.13 – 16.

22. *Townsend, S.* The Public Confession of a Middle-aged Woman / S. Townsend. – L.: Penguin Books Ltd, 2001. – P. 368.

23. *Wells, H.G.* Experiment in Autobiography. Discoveries and Conclusions of a Very Ordinary Brain (since 1866) / H.G. Wells. – N. Y.: The Macmillan Co., 1934. – P. 556.
24. *Битти, Б.* Красное сердце Петрограда / Б. Битти; пер. с англ. – Пг.: 1919.
25. *Брайант, Л.* Шесть месяцев в Красной России / Л. Брайант; пер. с англ. – М.: 1921.
26. *Вильямс, А.Р.* Ленин – человек и его дело / А.Р. Вильямс. – М., 1924.
27. *Герасимова, О.* Русские валенки для английского денди / О. Герасимова // Московский комсомолец. – 2006. – 18 авг. – С.13.
28. *Голсуорси, Дж.* Русский и англичанин / Дж Голсуорси; пер. с англ. // Голсуорси Дж. Собр. соч.: В 16-и т. – М.: Огонек, 1962. – Т. 16.
29. *Дионео (И.В. Шкловский).* Из Англии / Дионео // Русское богатство. – 1898. – № 2-5.
30. *Дионео (И.В. Шкловский).* Письма из Англии. Письмо пятое / Дионео // Русь. – 1907. – № 349.
31. *Замятин, Е.* Герберт Уэллс / Е. Замятин. – Пг.: Эпоха, 1922. – С.47.
32. *Моэм, У.С.* Искусство слова: О себе и других. Литературные очерки и портреты / У.С. Моэм; пер. с англ. – М.: Художественная литература, 1989. – С.400.
33. *Моэм, У.С.* Любовь и русская литература / У.С. Моэм; пер. с англ. В. Вебера // Смена. – Сентябрь 2008. – № 1727.
34. *Моэм, У.С.* Подводя итоги / У.С. Моэм; пер. с англ. – М.: АСТ Москва, 2007. – С.357.
35. *Олдридж, Дж.* Англичане и Советский Союз / Дж. Олдридж; пер. с нгл. // Иностранная литература. – 1987. – № 11.
36. *Олдридж, Дж.* Дипломат / Дж. Олдридж; Пер. с англ. В двух томах. – М.: Прогресс, 1976. – С.829.

37. *Олдридж, Дж.* Сын земли чужой / Дж. Олдридж; пер. с англ. В двух томах. – М.: Прогресс, 1976. – С.829.
38. *Оруэлл, Дж.* Англия, ваша Англия / Дж. Оруэлл; пер. с англ. // Иностранная литература. – 1992. – № 7.
39. *Раппопорт, С.И.* По поводу «Новой утопии» / С. И. Раппопорт // Вестник Европы. – 1906. – №3.
40. *Рид, Дж.* Десять дней, которые потрясли мир / Дж. Рид; пер. с англ. – М.: Книга, 1987. – С. 607.
41. Россия XV – XVII веков глазами иностранцев / Подг. текста и комм. Ю.А. Лимонова. – Л.: Лениздат, 1986. – С.543.
42. *Сталин, И.* Беседа с английским писателем Г. Д. Уэллсом, 23 июля 1934 г. – М.: Партиздат, 1935.
43. *Стейнбек, Дж.* Русский дневник / Дж. Стейнбек; пер. с англ. – М.: Мысль, 1989. – С.109.
44. *Стоппард, Т.* Берег Утопии: Драматическая трилогия / Т. Стоппард: Пер. с англ. А. Островского и С. Островского. – М: Иностранка, 2006. – С.479.
45. *Таунсенд, С.* Публичные признания женщины средних лет / С. Таунсенд; Пер. с англ. – М.: Фантом Пресс, 2004. – С.50.
46. *Успенский, Л.* Записки старого петербуржца / Л. Успенский. – Л.: Лениздат, 1970. – С.102.
47. *Уэллс, Г.Дж.* Современная утопия / Г.Дж. Уэллс; пер. с англ. // Уэллс Г. Дж. Собр. соч. в 15 т. – М.: Правда, 1964. – Т.15.
48. *Чуковский, К.И.* Англия накануне победы / К.И. Чуковский. – Пг.: А.Ф. Маркс, 1917. – С.146.

Научная, критическая и учебно-методическая литература:

49. *Baughman, J.* The Republic of Mass Culture: Journalism, Filmmaking, and Broadcasting in America since 1941 (The American Moment)/ J. Baughman. – 1992. – P. 320.

50. *Boulding, K. National Images and International Systems / K. Boulding // Journal of Conflict Resolution. – 1959. – № 3. – P. 120 – 131.*
51. *Braine, J. J.B. Priestley / J. Braine. – L.: Weidenfeld and Wicolson, 1978. – P. 163.*
52. *Brander, L. Somerset Maugham. A Guide / L. Brander. – Edinburgh – L.: Oliver & Boyd, 1963. – P. 368.*
53. *Brome, V. J.B. Priestley / V. Brome. – L.: Hamish Hamilton, 1988. – P. 187.*
54. *Brophy, J. Somerset Maugham / John Brothy. – L.: Longmans Green & co., 1952. – P. 127.*
55. *Brown, I. W. S. Maugham / I. Brown. – L.: Bloomsbury Reader, 1970.*
56. *Calder, R. L. W. S. Maugham and The Quest For Freedom / R. L. Calder – L.: Heinemann, 1972. – P. 324.*
57. *Condon, J. An Introduction to Intercultural Communication / J. Condon, Y. Fathi. – N. Y., 1975. – P.306.*
58. *Cooper, S. J.B. Priestley. Portrait of an Author / S. Cooper. – L.: Heinemann, 1970. – P. 240.*
59. *Cross, A. The Russian Theme in English Literature from the Sixteenth Century to 1980. An Introductory Survey and a Bibliography / A. Cross. – Oxford, 1985. – P. 278.*
60. *Cross-Cultural Management Textbook. – Create Space Publ., Charleston, USA, 2012. – P. 81–117.*
61. *Curtis, A. The Pattern of Maugham: A Critical Portrait / A. Curtis. – L.: Taplinger Pub. Co, 1974. – P.278.*
62. *Devos, T. Asymmetries In Judgements of Ingroup and Outgroup Variability / T. Devos, L. Comby, J-C. Deschamps // European Review of Social Psychology / Ed.by W. Stroebe, M. Hewstone. John Wileyandsons. – LTD, 1996. – Vol.7. P.2 – 757.*

63. *Dyserinck, H.* Imagology and the Problem of Ethnic Identity / H. Dyserinck // Intercultural Studies – 2003. – №1.
64. *Hall, E.T.* Hidden Differences: Studies in International Communication / E.T. Hall. – H.: Grunder & Jahr, 1950. – P. 97.
65. *Hall, E.T.* The Silent language/ E.T. Hall. – N. Y.: Doubleday, 1959. – P. 240.
66. *Hastings, Selina.* The Secret Lives of Somerset Maugham / S. Hastings. – L.: Arcade Publishing, 2010. – P. 640.
67. *Hingley R.* The Russian Mind / R. Hingley. Lnd, Sydney, Toronto: The Bodley Head, 1978. – P. 35.
68. *Hirsch, E.D.* A First Dictionary of Cultural Literacy / E. D. Hirsch. – B.: Houghton Mifflin, 1989. – P. 320.
69. *Hirsh E. D. Jr., Kett, J. F., Trefil, J.* The New Dictionary of Cultural Literacy: What Every American Needs to Know / E. D. Jr. Hirsh, J. F. Kett, J.Trefil. – N. Y.: Houghton Mifflin, 2002. – P. 672.
70. *Huntington, S.* The Clash a Civilization? / Huntington, S. // Foreign Affairs. – 1993. – №3.
71. Imagology. The Cultural construction and literary representation of national characters. A critical survey / ed. M. Beller and J. Leerssen. – Amsterdam: Rodopi, 2007. – P. 496.
72. *Kanin, G.* Remembering Mr. Maugham / G. Kanin. – N. Y.: Samuel French, Inc, 1966. – P. 54.
73. *Langford, P.* Englishness Identified: Manners and Character 1650 – 1850 / P. Langford. – N.Y.: Oxford University Press, 2000. – P. 408.
74. *Partridge, M.* Russian, Russian Literature and London Library / M. Partridge // Россия. Запад. Восток. Встречные течения./ Под ред. Д.С. Лихачева. – СПб.: Наука, 1996.
75. *Raphael, F.* Somerset Maugham and His World / F. Raphael – L.: Thames and Hudson, 1976. – P. 128.

76. *Rogal, S.J.* A William Somerset Maugham encyclopedia / S.J. Rogal. – L.: Greenwood, 1997. – P. 400.
77. *Russia Under Western Eyes* / ed. with an introduction by Anthony Cross. – L.: Elek Books, 1971 – P. 400.
78. *Sherborne, M. H.G.* Wells: Another Kind of Life/ Peter Owen. – L.: Peter Owen Publishers, 2010. – P. 165.
79. *Stereotypes and Nations* / Ed. by Teresa Walas. – Cracow: International Cultural Centre, 1995.
80. *Trager, G.* Culture as Communication: A Model and Analysis / G. Trager, E. Hall. – N. Y., 1954. – P.205.
81. *Warren, J., Fassett, D.* Communication: A Critical/Cultural Introduction. – N.Y.: SAGE Publications Inc., 2010. – P. 232.
82. *Алексеев М.П.* Очерки из истории англо-русских литературных отношений (XI XVII в.в.): тезисы докт. дисс. / М.П. Алексеев -Л.,1937. – 28 с.
83. *Алексеев М.П.* Русско-английские литературные связи: XVIII в. – первая половина XIX в. / М.П. Алексеев; Исслед. М. П. Алексеева; предисл. И. С. Зильберштейна. М.: Наука, 1982. – 863 с. (Серия «Литературное наследство», Т. 91).
84. *Анастасьев, Н.* В защиту жизни (Джон Пристли) / Н. Анастасьев // Пристли Дж. Б. Затемнение в Грэтли. Повести. Рассказы. Пьесы. – М.: Правда, 1988.
85. *Англистика в СССР: Библиографический указатель статей и материалов конференций (1945–1970 гг.)* / Сост. Г. М. Райхель. – Калинин, 1973.
86. *Аникин, Г.В.* Трагическое в романах Сомерсета Моэма «Луна и грош» и «Раскрашенная вуаль» / Г.В. Аникин// Уч. зап. / Перм. гос. ун-т. – 1966. – № 145. – С. 77 – 109.

87. *Аникст, А. А.* Английские писатели XIX-XX вв. о литературе / А.А. Аникст // Писатели Англии о литературе XIX - XX вв. Сборник статей. – М.: Прогресс, 1981. – С. 14-16.
88. Антология американской прозы XX века. – М.: Прогресс, 1986.
89. *Батулин, С.С.* Джон Стейнбек и традиции американской литературы / С.С. Батулин. – М.: Высшая школа, 1984.
90. *Бестужев-Лада, И.В.* Герберт Уэллс как социолог / И.В. Бестужев-Лада // Социологические исследования. – Ноябрь 2008. – № 11. – С. 128 – 134.
91. *Вартанова, Е.Л.* Образ страны и СМИ: к вопросу о взаимодействии / Е.Л. Вартанова // Образ России в стране и за рубежом: Гуманитарное измерение. Сборник материалов к Всероссийской конференции «Современный образ России: проблемы и решения» – М.: изд-во Московского университета Москва, 2008.
92. *Вежбицкая, А.* Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая; Пер. с англ.; Отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз. – М.: Русские словари, 1997.
93. *Венгерова, З.* Фантастический роман в Англии / З. Венгерова // Ежедневная газета Карелии «Северный курьер». – 1900. – № 161.
94. *Веселовский, А.Н.* Историческая поэтика / А.Н. Веселовский. – М.: Высшая школа, 1989.
95. *Виноградова, Н.С.* Политико-психологический анализ образа России в англо-американских печатных СМИ: Дис. ... канд. полит. наук: 19.00.12. / Н.С. Виноградова. – М., 2010.
96. *Витгенштейн, Л.* Культура и ценность. О достоверности / Л. Витгенштейн; пер. с нем. и англ.. – М.: АСТ, Астрель, Мидгард, 2010.
97. *Ворсобин, В.* Пристли-драматург / В. Ворсобин. // Пристли Дж. Б. Избранное. В 2-х т. – М.: Искусство, 1987. – Т.2. – С. 508-549.
98. *Гачев, Г.Д.* Космо-Психо-Логос: Национальные образы мира./ Г.Д. Гачев. – М., 1993.

99. *Гениева, Е.* Музыка человечности / Е. Гениева // Пристли Дж.Б. Заметки на полях: худож. публицистика. – М.: Прогресс, 1988. – С.5 – 20.
100. *Головенченко, А.Ф.* История зарубежной литературы XX века: 1917-1945: Учебное пособие / А.Ф. Головенченко, З.Т. Гражданская, Е.Я. Домбровская, В.Н. Богословский. – М.: Просвещение, 1984.
101. *Громыко, А.А.* Образы России и Великобритании: реальность и предрассудки: Монография / А.А. Громыко. – М.: Русский сувенир, 2008.
102. *Грушевицкая, Т.Г.* Основы межкультурной коммуникации: Уч. для вузов / Т.Г. Грушевицкая, В.Д. Попков, А.П. Садохин; под ред. А.П. Садохина. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002.
103. *Гудков, Д.Б.* Межкультурная коммуникация: проблемы обучения / Д.Б. Гудков. – М.: Изд-во МГУ, 2000.
104. *Гузик, М.А.* Драматическое начало в романе Сомерсета Моэма «Пирог и пиво» / М.А. Гузик // Драма и драматургический принцип в прозе. – Л., 1991. – С. 117 – 124.
105. *Данилин, С.А.* Образ России и ее политики в англо-американской публицистике конца XIX - начала XX вв.: Дис. ... канд.истор.наук: 07.00.02 / С.А. Данилин. – М., 2006.
106. Диалог культур в глобализующемся мире: Мировоззренческие аспекты / Под ред. академиков РАН В.С. Степина, А.А. Гусейнова. – М., 2005.
107. *Дианова, Е.М.* Лексико-синтаксические особенности эссе как жанра публицистического стиля: на примере публицистики Дж.Б. Пристли / Е.М. Дианова // Семантические и стилистические особенности английских слов и словосочетаний. – М.: Наука, 1988.
108. *Динамов, С.* Герберт Уэллс (Опыт характеристики) / С. Динамов // На литературном посту. – 1927. – № 24.

109. *Дмитрова, Е.В.* Образ современной России на страницах газеты The Guardian: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Дмитрова; Томский гос. ун-т. – Томск, 2002.
110. *Долгова, В. Н.* Русско-английские культурные связи в конце XIX-начале XX веков: автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.02 / В.Н. Долгова. Орел, 2005. – 22 с.
111. *Дьюкс, П.* Львы и двуглавый орел: история российско-британских отношений / Пол Дьюкс // Родина. – 2003. – № 5-6. – С. 6 – 10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.istrodina.com/rodina_articul.php3?id=35&n=2
112. *Дьяконова, Н.Я.* Джон Бойнтон Пристли и проблемы английской драматургии / Н.Я. Дьяконова // Вестник ЛГУ. – 1962. – № 8. – Вып. 2. – С. 99 – 110.
113. *Елистратов, В.С.* Россия как миф (к вопросу о структурно-мифологических типах восприятия России Западом) / В.С. Елистратов // Россия и Запад: Диалог культур. – Вып. №1. – М., 1994.
114. *Емельянов, Ю.* Отечественные записки. Русский след Моэма. Писатель, которому было приказано сорвать Октябрьскую революцию / Ю. Емельянов // Газета «Советская Россия». – 11.2010. – № 3.
115. *Емельянов, Ю.* Писатель, который чуть не остановил Октябрьскую революцию / Ю. Емельянов // Слово. – 2001. – №2. – С. 99 – 102.
116. *Емельянов, Ю.* Сомерсет Моэм: человек, который мог остановить Октябрьскую революцию / Ю. Емельянов // Россия. – 1993. – 3-9 ноября (№ 45).
117. *Ерофеев, Н.А.* Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских, 1825-1853 гг. / Н.А. Ерофеев. – М.: Наука, 1982.
118. *Ершова, Т.В.* Дж.Б. Пристли – литературный критик и публицист: автореф. дис. канд. филол. наук / Т.В. Ершова; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М., 1979.

119. *Ершова, Т.П.* Философские аспекты публицистики Дж.Б. Пристли (Проблема времени и её трактовка публицистом) /Т.П. Ершова; Деп. рук. Московской ордена Ленина институт инженеров геодезии, аэрофотосъёмки и картографии. – М., 1981.
120. *Жантиева, Д.Г.* Некоторые «итоги» и «точки зрения» (Эстетические взгляды и творческий путь С. Моэма) / Д.Г. Жантиева // Иностранная литература. – 1960. – №2. – С. 185 – 192.
121. *Жантиева, Д.В.* Предисловие / Д.В. Жантиева // Голсуорси Дж. Собрание сочинений в 16-ти томах. – М: Правда, 1962. – Том №1.
122. *Зализняк, А.А., Левонтина, И.Б., Шмелев, А.Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сборник статей / А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2005.
123. *Замятин, Д.Н.* Образ страны: структура и динамика./ Д.Н. Замятин. // Общественные науки и современность. – 2001. – № 1.
124. Зарубежная литература конца XIX начала XX века: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. М. Толмачев, Г. К. Косиков, А. Ю. Зиновьева и др.; Под ред. В. М. Толмачева. – М.: АCADEMIA, 2003.
125. Зарубежные писатели: Библиографический словарь: В 2 ч. / Под ред. Н. П. Михальской. – М.: Просвещение: Учеб. лит., 1997.
126. *Зашихин, А.Н.* «Глядя из Лондона». Россия в общественной мысли Британии. Вторая половина XIX – начало XX в: Очерки / А.Н. Зашихин. – Архангельск: Помор. междунар. пед. ун-т, 1994.
127. *Ивашёва, В.В.* Джон Бойнтон Пристли / В.В. Ивашева // Английская литература. XX век. – М.: Просвещение, 1967.
128. *Ильинова, Е.Ю.* Стратегия построения текста английского эссе на материале творчества Дж. Б. Пристли / Е. Ю. Ильинова // Функциональные и семантические особенности языковых явлений. – Волгоград, 1994.

129. Имагологические аспекты русской и зарубежных литератур: межвузовский сборник научных трудов/ Вят. гос. гуманитар. ун-т; отв. ред.: О.Ю. Поляков. – Киров: Радуга-ПРЕСС, 2012.
130. *Ионкис, Г. Э.* Уильям Сомерсет Моэм: Грани дарования / Г.Э. Ионкис // Моэм У. С. Подводя итоги: (Эссе, очерки). – М.: Высш. шк., 1991. – С. 7 – 25.
131. История английской литературы в 4-х т. / под ред. М. П. Алексеев, И.И. Анисимов, А.К. Дживилегов и др. Л.: Изд. АН СССР, 1943. – Т. I. – вып. № 1.
132. *Кагарлицкий, Ю.И.* Вглядываясь в грядущее: Книга о Герберте Уэллсе / Ю.И. Кагарлицкий. – М: Книга, 1989.
133. *Кагарлицкий, Ю.И.* Герберт Уэллс/ Ю.И. Кагарлицкий. – М., 1963.
134. *Кагарлицкий, Ю.И.* Герберт Уэллс: автореф. дис.д-ра филол. наук: 10.01.03 / Кагарлицкий Ю.И. – Л., 1971. .
135. *Кагарлицкий, Ю.И.* Герберт Уэллс: Очерк жизни и творчества / Ю.И. Кагарлицкий. – М.: Гослитиздат, 1963.
136. *Кагарлицкий, Ю.И.* Жизнь и мысль Герберта Джорджа Уэллса / Ю.И. Кагарлицкий. – М., 1965.
137. *Кагарлицкий, Ю.И.* Литература и театр Англии XVIII-XX вв. Авторы, сюжеты, персонажи / Ю.И. Кагарлицкий. – М.: Альфа-М, 2006. – 543 с.
138. *Кагарлицкий, Ю.И.* Уэллс: Очерк жизни и творчества / Ю.И. Кагарлицкий. – М., 1962.
139. *Кагарлицкий, Ю.И.* Пристли / Ю.И. Кагарлицкий // История западноевропейского театра. – М.: Искусство, 1985. – Т. 7. – С. 232 – 254.
140. *Карацуба, И.В.* Некоторые источниковедческие аспекты изучения записок английских путешественников по России (Стереотипы их восприятия и оценок российской действительности) / И.В. Карацуба // История СССР. – 1985. – № 4.

141. *Карацуба, И.В.* Проблема русского национального характера в записках английских путешественников XVI начала XIX вв. / И.В. Карацуба // Россия и Запад: Диалог культур: Тез. конф. – М., 1994.
142. *Качалкина, Ю.* Жизненный путь Уильяма Сомерсета Моэма / Ю. Качалкина // Книжное обозрение. – 2003. – № 7.
143. *Киеня, Н.* Два берега русских утопий / Н. Киеня // Газета «Известия». – 16 марта 2007. – № 45 (27329).
144. *Кирвель, Ч.С.* Утопическое сознание: сущность, социально-политические функции / Ч.С. Кирвель. – Минск: Университетское изд-во, 1989.
145. *Киреева, И.В.* Литературное творчество Джона Рида: (Из лекций по спецкурсу «Октябрь и литература США») / И. В. Киреева. – Горький: Изд-во ГГУ им. Н.И. Лобачевского, 1974.
146. *Киреева, И.В.* Проблемы русского национального характера в творчестве Джона Рида / И. В. Киреева. // Этнические проблемы в американской литературе и журналистике: Сб. научн. трудов. – М., 1993.
147. *Кириллова, Т.Д.* Творческая личность в романах Сомерсета Моэма: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.05/ Т.Д.Кириллова. – М., 1985.
148. *Киселев, И.Ю.* Образы государства в международных отношениях: механизмы трансформации./ И.Ю. Киселев // Полис. – 2003. – № 3.
149. *Киселев, И.Ю.* Проблема образа государства в международных отношениях в рамках конструктивистской парадигмы / И.Ю. Киселев. – М., 2007.
150. *Климова, С.Б.* Миф о России в английской культуре и литературе рубежа XIX–XX веков: от антихристианского «чужого» к христианскому «своему» / С.Б. Климова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2012. – № 6 (1).

151. *Козлова, Т.Д.* Роман С. Моэма «Театр» / Т.Д. Козлова // Вестник Белорус. ун-та. Сер.4. Филология, журналистика, педагогика, психология. – 1976. – №1. – С. 18 – 21.
152. *Колдер, Р. Уилли.* Сомерсет Моэм: Жизнь и творчество / Р.У. Колдер. – М.: Интердиалект +, 2001. – 343 с.
153. *Корконосенко, С.Г.* Основы творческой деятельности журналиста: Учебн. пособие / С.Г. Корконосенко. – СПб., 2000.
154. *Корнилов, О.А.* Языковые картины мира как производные национального менталитета – 2-е изд., испр. и доп. / О.А. Корнилов. – М.: ЧеРо, 2003.
155. *Кочетова, Е.* «Я достиг всего, о чем мечтал...»: Вступительная статья / Е. Кочетова // Моэм, С. Записные книжки / Пер. с англ. Е. Нарышкиной; Вступ.ст. Е. Кочетовой. – М.: Вагриус, 2001. – С. 5 –9.
156. *Красильникова, Н.А.* Метафорическая репрезентация лингвокультурологической категории СВОИ-ЧУЖИЕ в экологическом дискурсе США, России и Англии: Дис. ... канд. филол.наук: 10.02.20 / Н.А. Красильникова. – Екатеринбург, 2005.
157. *Красных, В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. – М., 2003.
158. *Красных, В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций / В.В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002.
159. Краткая литературная энциклопедия. Гл. ред. А. А. Сурков. – М.: Советская энциклопедия, 1967.
160. *Кригер, И.Б.* Философия Герберта Уэллса: Дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03 / И.Б. Кригер. – М., 2005.
161. *Кузнецова, С.* Мир, где пересекаются культуры / С. Кузнецова // Управление персоналом. – 2008. – № 22.

162. *Левидова, И.М., Парчевская, Б.М.* Герберт Джордж Уэллс: Библиогр. рус. пер. и крит. лит. на рус. яз. 1898-1965 гг. / И.М.; Левидова, Б.М. Парчевская. – М.: Книга, 1966.
163. *Левцова, И. М. Г.* Дж. Уэллс / И.М. Левцова, Б.М. Парчевская. – М., 1966.
164. *Легг, О.О.* Театральность как тип художественного мировосприятия в английской литературе XIX-XX вв. На примере романов У. Теккерея «Ярмарка тщеславия», О. Уайльда «Портрет Дориана Грея», С. Моэма «Театр»: Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03 / О.О. Легг. – СПб., 2004.
165. *Леонтович, О.А.* Теория межкультурной коммуникации в России: состояние и перспективы / О.А. Леонтович. – М., 2004.
166. Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М.: Советская энциклопедия, 1987.
167. *Луков, Вал. А., Луков, Вл. А.* Россия и Европа: диалог культур во взаимном отражении литератур / Вал. А. Луков, Вл. А. Луков, // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 1. – С. 124 – 131.
168. *Луков, Вл. А.* Имагология: тезаурусные расширения / Вл.А. Луков // Имагологические аспекты русской и зарубежных литератур: межвузовский сборник научных трудов/ Вят. гос. гуманит. ун-т; отв. ред.: О.Ю. Поляков. – Киров: Радуга-ПРЕСС, 2012. – С. 15-31.
169. *Луков, Вл. А.* История литературы: Зарубежная литература от истоков до наших дней: Учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. – 6-е изд., стер. / Вл.А. Луков. – М.: Издательский центр «Академия», 2009.
170. *Луман, Н.* Что такое коммуникация? / Н. Луман; пер. с нем. Д.В. Озирченко // Социологический журнал. – 1995. – № 3.
171. *Луначарский, А.В.* Статьи о литературе / А.В. Луначарский. – М.: Художественная литература, 1957.

172. *Любимова, А.Ф.* Жанр социально-психологического романа в творчестве Г.Уэллса, 1900-1914 / А.Ф. Любимова. – Пермь, 1985.
173. *Марш, Р.* Россия и Запад в исторической перспективе / Р. Марш // Россия и Запад в начале нового тысячелетия / Отв. ред. А. Ю. Большакова. – М., 2007.
174. *Маслова, В.А.* Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2001.
175. *Махлин, В.Л.* Я и Другой: К истории диалогического принципа в философии XX века / В.Л. Махлин. – М., 1997.
176. *Мезин, С.А.* Стереотипы России в европейской общественной мысли XVIII века / С.А. Мезин // Вопросы истории. – 2002. – № 10. – С. 148–157.
177. *Микешина, Л.А.* Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования: учеб. пособие / Л.А. Микешина. – М.: Прогресс-Традиция; МПСИ: Флинта, 2005.
178. *Миры образов – образы мира: Справочник по имагологии.* – Волгоград, 2003.
179. *Михайловская, В.Н.* Эмоциональность текста (на материале эссе Дж.Б. Пристли) / В.Н. Михайловская // Язык и стиль английского художественного текста. – М.: Наука, 1977.
180. *Михальская, Н.П. Аникин, Г.В.* Сомерсет Моэм (William Somerset Maugham, 1874 -1965) / Н.П. Михальская, Г.В. Аникин // История английской литературы: Учебник для гуманитарных факультетов вузов. – М.: Издательский центр «Академия», 1998. – С. 434 – 442.
181. *Михальская, Н.П.* Имагология и современная англистика. Английская литература в контексте мирового литературного процесса / Н.П. Михальская. – Киров, 1996.

182. *Михальская, Н.П.* История английской литературы: Учебник для гуманитарных факультетов высших учебных заведений / Н.П. Михальская, Г.В. Аникин. – М.: Издательский центр «Академия», 1998.
183. *Михальская, Н.П.* Неизбежность перемен / Н.П. Михальская // Вестник Московского университета. Сер. 40. Филология. – 2003. – № 5. – С. 209–212.
184. *Михальская, Н.П.* Образ России в английской художественной литературе IX – XIX вв. / Н.П. Михальская. – М.: МПГУ, 1995.
185. *Михальская, Н.П.* Пути развития английского романа 1920-1930-х годов: утрата и поиски героя / Н.П. Михальская. – М.: Высш. школа, 1966.
186. *Михальская, Н.П.* Россия и Англия: Проблемы имагологии: учеб.пособие по спецкурсу / Н.П. Михальская. – М.; Самара, 2012.
187. *Михальская, Н.П.* Концепция человека и жанровые структуры в творчестве Г. Уэллса / Н.П. Михальская // Проблемы метода и жанра в зарубежной литературе. – М., – 1978.
188. *Морган, Т.* Сомерсет Моэм. Биография / Т. Морган. – М.: Захаров, 2002. – С. 446.
189. На переломе. Образ России прошлой и современной в культуре, литературе Европы и Америки (конец XX–начало XXI вв. / отв.ред. В.Б. Земков. – М., 2001.
190. *Наместникова, И.В.* Межкультурная коммуникация как социальный феномен: Дисс... докт. филос. наук: 09.00.11 / И.В. Наместникова. – М., 2003.
191. *Новикова, В.Г.* Британский социальный роман.): автореф. дисс. док.филол.наук: 10.01.03/В.Г. Новикова - Нижний Новгород, 2013.
192. *Нойманн, И.Б.* Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей / И.Б. Нойманн. – М., 2004.
193. Образ России в мире: становление, восприятие, трансформация. – М.: ИМЭМО РАН, 2008.

194. Образ России, русской культуры в мировом контексте / под общ. ред. Е. П. Чернышева. – М., 1998.
195. Образ России. Россия и русские в восприятии Запада и Востока / ред. В. Е. Багно (отв. ред.) и др. – СПб.: РАН (приложение к альманаху «Канун»), 1998.
196. *Ощепков, А.Р.* Имагология / А.Р. Ощепков // Знание. Понимание. Умение. – 2010. – № 1. – С. 251–253.
197. *Павловская, А.В.* Стереотипы восприятия России и русских на Западе / А.В. Павловская // Россия и Запад: Диалог культур. – М., 1994.
198. *Палий, А.А.* Литературно-эстетические взгляды Сомерсета Моэма / А.А. палий // Ученые записки Омского гос. пед. ин-та. – Омск, 1972. – Вып.65. Вопросы английской филологии и методики преподавания иностранных языков.
199. *Папилова, Е.В.* Имагология как гуманитарная дисциплина / Е.В. Папилова. // МГГУ им. М.А.Шолохова. Серия «Филологические науки». – М., 2011. – №4. – С.31-40.
200. *Папилова, Е.В.* Художественная имагология: немцы глазами русских (на материале литературы XIX в.): Автореф. дисс. канд.филол.наук: 10.01.08 / Е.В. Папилова. – М., 2013.
201. *Перепелицын, К.* Английская фантастическая литература / К. Перепелицын. – М.: Наука, 1982.
202. Писатели Англии о литературе XIX XX вв.: Сборник статей. – М.: Прогресс, 1981.
203. Политические культуры обществ Запада – России – Востока: кросскультурный анализ // Авторские программы учебных курсов по политологии. / Под общ. ред. проф. Ирхина Ю. В. – М.: МАКС Пресс, 2001. - С. 110 -146.
204. *Поляков, О.Ю.* Актуальные проблемы изучения рецепции и репрезентации национальных образов в свете имагологии / О.Ю. Поляков

// Имагологические аспекты русской и зарубежных литератур: межвузовский сборник научных трудов / Вят. гос. гуманитар. ун-т; отв. ред.: О.Ю. Поляков. – Киров: Радуга-ПРЕСС, 2012.

205. *Полякова, О.А.* Н.П. Михальская об имагологических аспектах англо-русских литературных связей / О.А. Полякова // Имагологические аспекты русской и зарубежных литератур: межвузовский сборник научных трудов / Вят. гос. гуманитар. ун-т; отв. ред.: О.Ю. Поляков. – Киров: Радуга-ПРЕСС, 2012. – С. 39 – 45.

206. *Попова, С.В.* Игра как структурный элемент в романах С. Моэма: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.В. Попова ; Казах. гос. нац. ун-т им. Аль-Фараби. – Алматы, 1996.

207. *Почепцов, Г.Г.* Имиджелогия: теория и практика/ Г.Г. Почепцов. – Киев, 1998.

208. *Примочкина, Н.Н.* Горький и писатели русского зарубежья / Н.Н. Примочкина. – М., 2003.

209. *Пучкова, Г.А.* Сомерсет Моэм и А.П. Чехов: (О споре Моэма с Чеховым и его школой) / Г.А. Пучкова // Ученые записки Моск. гос. пед. ин-та. – М., 1967. – №280.

210. *Рогова, А.Г.* Главные «Другие» 1812 года: противостояние России и Наполеона в восприятии англичанина / А.Г. Рогова // Имагологические аспекты русской и зарубежных литератур: межвузовский сборник научных трудов / Вят. гос. гуманитар. ун-т; отв. ред.: О.Ю. Поляков. – Киров: Радуга-ПРЕСС, 2012. – С. 45-52.

211. *Ромм, А.С.* Герберт Уэллс / А.С. Ромм. – Л., 1959.

212. Россия и Запад. Диалог и столкновение культур: Сб. ст. – М.: М-во культуры РФ, Рос. Ин-т культурол., 2000.

213. *Руднев, В.П.* Словарь культуры XX века: Ключевые понятия и тексты / В.П. Руднев. – М.: Аграф, 1997.

214. *Русинова, Л.А.* Эссеистика Дж.Б. Пристли 1920-х годов / Л.А. Русинова; Моск. гос. пед. ин-т им. В.И. Ленина. – М., 1986.
215. *Рябова, Е.Л., Терновая, Л.О.* Межкультурное взаимодействие в современном мире: Учебное пособие / Е.Л. Рябова, Л.О. Терновая. – М.: Этносоциум, 2011.
216. *Савельева, И.С.* Социальная философия Г.Дж. Уэллса / И.С. Савельева. – Л., 1985.
217. *Сахновский, Е. В.* Миссия Сомерсета Моэма в Россию в 1917 г. (К биографии писателя) / Е.В. Сахновский // Новая и новейшая история. – 1987. – № 5. – С. 173 -186.
218. *Сидорова, О.Г.* Образы России и русских в произведениях современных английских писателей / О.Г. Сидорова // Имагологические аспекты русской и зарубежных литератур: межвузовский сборник научных трудов / Вят. гос. гуманит. ун-т; отв. ред.: О.Ю. Поляков. – Киров: Радуга-ПРЕСС, 2012. – С. 76-83.
219. *Скороденко, В.* Предисловие / В. Скороденко // Записные книжки 1917 года /У.С. Моэм; пер. с англ. Е.М. Нарышкиной // Литературное обозрение. – 1999. – №4.
220. *Скороденко, В.А.* Практическая эстетика Уильяма Сомерсета Моэма, или секреты творчества / В.А. Скороденко // У. Сомерсет Моэм. Искусство слова. О себе и других. Литературные очерки и портреты. – М.: Художественная литература, 1989. – С. 3-22.
221. *Словарь литературоведческих терминов/* Ред.- сост.: Л. И. Тимофеев и С. В. Тураев. – М.: Просвещение, 1974.
222. *Смирнов, С.Д.* Мир образов и образ мира./ С.Д. Смирнов. // Вести Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1981, № 2. – С.34-39.
223. *Соколов, В.М.* Формирование образа «новой» России в общественном сознании Великобритании в начале 1990-х гг.: дис. ... д-ра филол. наук./ В.М. Соколов; МГУ. – М., 2010.

224. *Соловьёва, Н.А.* Пристли / Н.А. Соловьёва // Зарубежные писатели. Биобиблиографический словарь. В 2-х ч. – М.: Просвещение; Учебная литература, 1997. – Ч.2.
225. *Старцев, А.* Ранний Уэллс / А. Старцев // Интернациональная литература. – 1935. – № 5.
226. *Струкова, Т.Г.* Отражение авто-/гетеростереотипов в рассказах Сью Таунсенд / Т.Г. Струкова // Имагологические аспекты русской и зарубежных литератур: межвузовский сборник научных трудов / Вят. гос. гуманит. ун-т; отв. ред.: О.Ю. Поляков. – Киров: Радуга-ПРЕСС, 2012. – С. 72-76.
227. *Татаринов, В.М.* Проницательный лицедей / В.М. Татаринов // Моэм С. Узорный покров: Роман. Рассказы. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – С. 5–8.
228. *Темникова, Л.Б.* Стилистическая динамика в публицистике У.С. Моэма: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.Б. Темникова; Кубанский государственный университет: 10.01.10. – Краснодар, 2005.
229. *Тер-Минасова, С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация: Учебное пособие / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2000.
230. *Толстой, Н.И.* Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин // Русская словесность: Антология / Н.И. Толстой. – М.: Academia, 1997.
231. *Топорина, Т.В.* Британская общественность и англо-советские отношения. 1921-1923: Автореферат дис. ... канд. истор. наук / Т.В. Топорина. – Л., 1982.
232. *Тоффлер, Э.* Шок будущего / Э. Тоффлер; пер. с англ. – М.: АСТ, 2001.
233. *Трикозенко, И.В.* Художественная проза С. Моэма в контексте английской литературы XIX - начала XX века: Слагаемые успеха: Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03 / И.В. Трикозенко. – М., 2003.

234. *Трухановский, В.Г.* Внешняя политика Англии после второй мировой войны / В.Г. Трухановский. – М., 1957.
235. *Трухановский, В.Г., Капитонова, Н.Г.* Советско–английские отношения. 1945 – 1978 / В.Г. Трухановский, Н. К. Капитонова. – М., 1979.
236. *Тугушева, М.П.* Герберт Уэллс / М.П. Тугушева. – СПб: Кирилл и Мефодий, 2002.
237. *Фадеева, С.А.* Проблема национального в публицистике Д.Б. Пристли / С.А. Фадеева // Проблема национальной идентичности в культуре и образовании России и Запада. – Воронеж, 2000. – Т. 2.
238. *Фалькова, Е.Г.* Межкультурная коммуникация в основных понятиях и определениях: Методическое пособие / Е.Г. Фалькова. – СПб.: Ф-т филологии и искусств. – СПбГУ, 2007.
239. *Федоров, А.А.* Джон Стейнбек / А.А. Федоров. – М., 1965.
240. *Ферцев, А.В.* Феномен англomании в России XVI - первой половины XIX вв.: культурологический аспект: Дис... канд.филос.наук: 24.00.01 / А.В. Ферцев. – Саранск, 2004.
241. *Философская энциклопедия: В 5 т. / Под ред. Ф.В. Константинова.* – М.: Советская энциклопедия, 1960. – Том 1.
242. *Философская энциклопедия: В 5 т. / Под ред. Ф.В. Константинова.* – М.: Советская энциклопедия, 1960. – Том 2.
243. *Филюшкина, С.* Национальный стереотип в массовом сознании и литературе (опыт исследовательского подхода) / С. Филюшкина // Логос. – 2005. – № 4 (49).
244. *Фридлендер, Г.М.* У.С. Моэм и мир русской литературы / Г.М. Фридлендер // Известия РАН. Сер. лит. и языка. – 1994. – №5.
245. *Хабермас, Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас; пер. с нем. под ред. Д. В. Складнева, послесл. Б. В. Маркова. – СПб: Наука, 2000.

246. *Хабибуллина Л.Ф.* Миф России в современной английской литературе / Л.Ф. Хабибуллина. Казань: Изд-во Казан, гос. ун-та, 2010. – 212 с.
247. *Хабибуллина Л.Ф.* Национальный миф в русской и английской литературе / Т.Н. Бреева, Л.Ф. Хабибуллина. Казань: ТГТТУ, 2009. – 613 с.
248. *Хутыз, Ф.А.* Концепция художественной прозы Сомерсета Моэма в контексте основных теорий романа первой половины XX века в Великобритании / Дис. ... канд. фил. наук: 10.01.05 / Ф.А. Хутыз. – Майкоп, 2001.
249. *Чертанов, М.* Герберт Уэллс: Серия «ЖЗЛ» / М. Чертанов. – М.: Молодая гвардия, 2010.
250. *Чубукова, Е.И.* Методология социального познания Г.Уэллса / Е.И. Чубукова. – Л., 1984.
251. *Чугров, С.В.* Этнические стереотипы и их влияние на формирование общественного мнения / С.В. Чугров // *Мировая экономика и международные отношения.* – 1993. – № 1.
252. *Шитик, А.С.* Театр Джона Б. Пристли / А.С. Шитик // *Учён. зап. Моск. обл. пед. института им. Н.К. Крупской.* – М.: МОПИ, 1971. – Т. 256: *Зарубежная литература.* – Вып. 12. – С. 154 – 167.
253. *Яковлева, А.Ф.* Политическая теория Г. Дж. Уэллса: Автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01 / А.Ф. Яковлева. – М., 2007.
254. *Яусс, Г.Р.* История литературы как вызов теории литературы // *Современная литературная теория: Сб. материалов / Г.Р. Яусс; Пер. с англ.; предисл.; коммент. И. Кабановой.* – Саратов, 2000.
255. *Яценко, Н. Е.* Толковый словарь обществоведческих терминов / Н.Е. Яценко. – М., 1999.

Электронные источники:

256. *Громыко, А.А.* Россия – Британия: уроки минувшего века [Электронный ресурс] / А.А.Громыко. – М., 2007. – Режим доступа: <http://www.all-media.ru/newsitem.asp?id=757372>.
257. *Дьяченко, А.* Соммерсет Моэм в Петрограде [Электронный ресурс] / А. Дьяченко. – 2010. – Режим доступа: <http://my.mail.ru/community/intellectclub/61F1071C7A86BE5B.html>
258. *Земсков, В.Б.* Образ России на «переломе» времен (Теоретический аспект: рецепция и репрезентация «другой» культуры) / В.Б. Земсков // Новые российские гуманитарные исследования. – 2006. – №1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nrgumis.ru/articles/archives/full_art.php?aid=37&binn_rubrik_pl_articles=246
259. История взаимоотношений Великобритании и России [Электронный ресурс]. – М., 2008. Режим доступа: <http://velikobritaniya.org/istoriya-velikobritanii/istoriya-vzaimootnoshenii-velikobritanii-i-rossii.html>.
260. *Красавченко, Т.Н.* Восприятие России и русских в английской литературе на рубеже XX – XXI веков [Электронный ресурс] / Т.Н. Красавченко // Новые российские гуманитарные исследования [Электронный журнал]. – Оpubл. 10.12.2008. – Режим доступа: http://www.nrgumis.ru/articles/article_full.php?aid=88&binn_rubrik_pl_articles=269
261. Очерки истории развития российско–британских культурных связей [Электронный ресурс]. – М., 2007. – Режим доступа: <http://www.russianculture.ru/brit/brit.htm>. – Загл. с экрана.
262. *Ощепков, А.Р.* Имагология [Электронный ресурс] / А.Р. Ощепков // Французская литература от истоков до начала Новейшего периода: электронная энциклопедия / под ред. проф. Вл. А. Лукова. – [2009]. – Режим доступа: <http://www.litdefrance.ru/199/1217>

263. Российско–британские отношения: история и современность [Электронный ресурс]. – М., 2007. – Режим доступа: [http:// www.rustrana.ru/search-autor.php?search=www.vesti.ru,%20www.istrodina.ru](http://www.rustrana.ru/search-autor.php?search=www.vesti.ru,%20www.istrodina.ru).
264. *Россомахин, А.А., Хрусталева, Д.Г.* Россия как медведь / А.А. Россомахин, Д.Г. Хрусталева // Неприкосновенный запас. – 2008. – №1 (57) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/1/ro14-pr.html>
265. Теории межкультурной коммуникации// Сайт www.Grandars.ru: «Социология. Культурология» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.grandars.ru/college/sociologiya/teorii-mezhkulturnoy-kommunikacii.html>